

В. М. МОКИЕНКО

**ЗАГАДКИ
РУССКОЙ
ФРАЗЕОЛОГИИ**

Авалон
Азбука-классика
Санкт-Петербург
2005

ББК 81.2Р
М74

Рецензенты:

д-р филологических наук, профессор Д. Э. Розенталь;

д-р филологических наук Ю. П. Солодуб.

Мокниенко В. М.

М74 Загадки русской фразеологии. — 2-е изд., перераб. — СПб.: «Авалон», «Азбука-классика», 2005. — 256 с.

ISBN 5-94860-024-6 («Авалон»)

ISBN 5-352-01440-1 («Азбука-классика»)

Книга рассказывает о том, как возникли и развивались некоторые русские слова и выражения, как создавалась их образность и выразительность. Автор исследует пословицы и поговорки, оживляя материал сюжетными зарисовками из русской истории, культуры, быта. Книга рассчитана на самый широкий круг читателей.

ISBN 5-94860-024-6 («Авалон»)

ISBN 5-352-01440-1 («Азбука-классика»)

© Мокниенко В. М., 2005

© «Авалон», 2005

© «Азбука-классика», 2005

© Васильев М. К., оформление серии, 2005

К читателю

Фразеология — сокровищница образных средств любого языка. Сокровища же, как известно, накапливаются веками и нередко надолго и надежно сокрываются от постороннего взгляда. Употребляя фразеологизмы, мы порою останавливаемся в недоумении перед непонятным словом или образом, глубоко сокрытом в их глубине. **Зга** в обороте **не видно ни зги**, **тло** в выражении **сгореть дотла** и даже вполне понятная **собака** в алогизме **собаку съест** притягивает наше воображение именно своей загадочностью.

В своих книгах — «В глубь поговорки», «Образы русской речи», «От Авося до Яти» и других — автор этих строк рассказывает Читателю о тайнах нашей идиоматики, раскрывает образы, сокрытые в ее сокровищнице. Будучи лингвистом, он обычно начинает распутывать идиоматический клубок с языковых особенностей того или иного выражения. В этой книге, в отличие от предыдущих, основное внимание уделяется не столько самому языку, сколько тем явлениям, которые породили языковой образ. Отсюда такой интерес к истории «вещей» и явлений — например часовых механизмов, от древнейших солнечных до современных цезиевых. Это не значит, конечно, что автор пренебрегает лингвистическими фактами и аргументами: без них доказательство той или иной этимологической гипотезы просто невозможно. Но он попытался не слишком утомлять Читателя деталями такого анализа, памятуя, что важнейшее искомое для него — «корень и глагол» образа.

В историко-этимологических истолкованиях русской, да и всей европейской фразеологии, немало спорного и недоказанного. Поэтому читатель найдет в таких случаях попытки аргументировать предполагаемое объяснение, а не «истину в конечной инстанции». Таковы новые прочтения некоторых оборотов: **много воды утекло**, как **заведённый**, **днество** и **почество**, **без году неделя**, **до зарезу**, **мерить на свой аршин**, **с гаком**, **прост как Колумбово яйцо** и др. Естественно, что во многих случаях излагается и этимология, «добытая» разысканиями других историков языка. При этом, однако, автор также стремится приводить новые факты, которые бы ее аргументировали. В этимологии, а особенно при ее популяризации, нет ничего более опасного, чем заставлять Читателя принимать сказанное «на веру». Это-то как раз и порождает этимологическое «безверие» и часто гасит интерес к языку.

В этой книге, как и в предыдущих, основным объектом описания является **фразеологизм** — такое сочетание слов, которое обладает относительной устойчивостью, экспрессивностью, целостным значением и воспроизводится в готовом виде. Как синонимы этого термина здесь употребляются и наименования **поговорка**, **идиома**, **образное выражение**. Это согласуется с русской лингвистической традицией, издавна разграничивающей пословицы и поговорки по смысловому и функциональному принципу. «Пословица, — писал В. И. Даль, — коротенькая притча... Это — суждение, приговор, поучение, высказанное обиняком... Поговорка — окольное выражение, переносная речь, простое иносказание, обиняк, способ выражения, но без притчи, без суждения, заключения, применения». Примеры поговорок, приводимые Далем, — **у него не все дома**; **одного поля ягода**; **одня как верста в поле**; **чужими руками жар загребает** и т.п. — типичные фразеологизмы в современном (узком) понимании этого термина.

Композиция книги довольно четко отражена в названиях глав. В первых трех главах речь идет о лексике и фразеологии, связанной с известным «классическим» триединством: Временем, Пространством и Действием. Четвертая глава — попытка показать, как эти и другие понятия реальной жизни мифологически трансформируются в Слове.

Для тех, кто хочет заглянуть в «глубь» фразеологического образа, восхождение к Слову — единственный, по сути дела, путь поиска. Расшифровка истинного смысла слов, составляющих фразеологическое целое, и есть конечная цель историко-этимологического анализа образных выражений, ибо их загадочность таится в нерасторжимом переплетении словесных комбинаций, логика которых со временем затемняется.

И все-таки — и это хочется подчеркнуть еще раз — этимологические экскурсы в этой книге — отнюдь не самоцель, а лишь средство для демонстрации истории формирования важнейших для человека понятий. Если автору, расчленяющему этимологическим скальпелем нерасторжимые «соединенья слов», такая демонстрация удалась, то цель его достигнута. Ибо хочется верить, что тот, кто хоть раз заглянул в глубины Слова, никогда более этого занятия не оставит.

Предлагая Читателю это исправленное и дополненное издание, считаю своим приятным долгом поблагодарить многих читателей, откликнувшихся на нее — особенно Г. А. Лилич, А. К. Бириха, Л. И. Степанову, Е. К. Николаеву, Т. Г. Никитину, В. И. Томашнольского. Особая благодарность — Х. Вальтеру за конструктивное дружеское сотрудничество, Т. В. Володиной и В. С. Степанову за компьютерную помощь, а моей супруге В. А. Мокиенко — за внимательную вычитку рукописи.

Автор

**Времена меняются,
и слова меняются в них**

Не гребень голову чешет, а время.

Пословица

I. ВРЕМЕНА, ЧАСЫ, ГОДИНЫ

Всепожирающий Хронос и хронофаги

Время... Ничто не достается человеку так просто и естественно, как оно, отстукивающее минуты и часы с нашего явления на свет. Мы его часто и не замечаем, а если оцениваем, то обычно задним числом либо же — вглядываясь с надеждой в будущее. Оценка настоящего приходит с жизненным опытом, с мудростью, с трудностями, преодоленными за десятилетия.

«Время не ждет и не прощает ни одного потерянного мгновения» (Н. Г. Гарин-Михайловский).

«Время и прилив никогда не ждут» (В. Скотт).

«Деньги дороги, жизнь человеческая еще дороже, а время дороже всего» (А. В. Суворов).

«Самая дорогая трата — это время» (Феофраст из Эреса).

Так могли сказать лишь люди, которых жизнь научила ценить каждое мгновение. Увы, часто эта наука приходит слишком поздно, когда время — пусть еще не все, но львиная его доля — безнадежно упу-

щено или растрчено, когда мы начинаем понимать по-чеховски, что «никогда не бывает потом». И тогда мы сетуем на летучесть, быстротечность и невозвратимость Времени, вспоминаем беспечальную, светлую пору детства и незабываемые золотые годы молодости. Чем меньше человек успел сделать доброго и полезного за свою жизнь, тем безнадежнее такие сетования, ибо главным мерилom Времени всегда оставался Труд. «Если хочешь, чтобы у тебя было мало времени, ничего не делай» — в этой шутке А. П. Чехова есть большая доля истины. Много времени лишь у того, кто, оглянувшись на прожитые годы, видит благотворные результаты своей деятельности, уверен в том, что и после него плоды его труда придутся детям, внукам, друзьям, согражданам.

Люди разных эпох и стран по-разному оценивали и представляли время. Один из древнейших мифов о времени — греческий миф о Кроносе, связанный с легендой о золотом веке, когда этот доолимпийский бог управлял миром. Сын Урана (Неба) и Геи (Земли), младший из титанов, искалечивший и низвергнувший своего отца, Кронос был устрaшен предсказанием, что и он будет низвержен одним из собственных детей. Поэтому «для профилактики» он проглатывал их сразу же после рождения. Жена Кроноса, Рея, сумела спасти лишь Зевса, завернув вместо него в пеленки камень. Выросший Зевс и привел в исполнение приговор прорицателей — низверг своего отца с Олимпийских высот в подземное царство Тартар.

Культ Кроноса был особенно популярен в Олимпии и Афинах, где в его честь устраивались веселые

празднества — кронии. Очень рано Кроноса по созвучию с древнегреческим словом **хронос** (время) стали почитать именно как бога Времени. В Древнем Риме с этим божеством стал отождествляться Сатурн, который также олицетворял неумолимое время, поглощающее все то, что оно само некогда породило. Сатурн почитался как бог золотого века, научивший людей земледелию, виноградарству и цивилизованной жизни. Празднества в честь Сатурна — сатурналии, отмечающиеся 17 декабря, были веселыми карнавальными гуляньями, когда слуги и господа менялись своими обязанностями, одевали друг друга шутивными подарками и устраивали выборы шуточного царя сатурналий. Эти праздники, которые постепенно растягивались на 5–7 дней, и стали своеобразным воспоминанием о «золотом веке», когда якобы царило всеобщее равенство и братство, а пища и другие материальные блага лились как из рога изобилия.

Память о Сатурне до сих пор живет в названии одной из планет, которая астрологами считалась мрачной, холодной и несчастливой, что, видимо, легко увязывалось с «людоедским» характером ее божественного патрона. Люди, родившиеся под знаком этой планеты, по предсказаниям астрологов, потому и не отличаются улыбчивостью и ярким темпераментом. Имя этого божества попало и в христианский недельный цикл — суббота у римлян и у некоторых современных европейских народов именуется «днем Сатурна»: латинское **Saturni dies**, английское **Saturday**. Так всепожирающее божество Времени постепенно сужало сферу своей деятельности.

Впрочем, миф о том, что время все поглощает на своем пути, останется живучим и актуальным до тех пор, пока мы движемся во времени. Вот один из новейших вариантов этого мифа — шуточный стишок, сочиненный минским профессором Б. Ю. Норманом:

Слыхали эту новость?
У нас в шкафу живет
Тот, кто любую овощь,
Любой продукт сжует.
Он яблок, помидору
И всю картофель съест,
Баранок без разбору
Умнет в один присест.
Прожорлив, как собака,
Тот, кто живет в шкафу:
Пропали тюль и тапок
И туфель на меху.
Он съел жилету кунью
И дедовский папах,
Персодем и шампунью
Который весь пропах.
Так кто ж ту путь проделал
Из шкафа в антресоль?
Мышь ненасытный, где он?
Где он, огромный моль?
Вы скажете: не верим!
Чтоб все пустить в труху?
...Но есть обжора Время —
Вот кто живет в шкафу!

Стишок сочинен с педагогическими целями: поэту-лингвисту хотелось обыграть колебания в роде существительных типа **овощ, путь, картофель,**

антресоль, моль. Он ведь и предложил читателям найти в этом стихе ошибки в употреблении рода. И, тем не менее, несмотря на шутливость формы, автору не удалось скрыть мифологического трагизма, навеянного Кроносом-Хроносом, пожирающим всё и вся. Даже грамматические колебания существительных олицетворяют трепет перед самым прозорливым существом на свете — Временем.

Правда, как и все в нашем мире, этот процесс глубоко диалектичен: пока Время пожирает нас, мы — убиваем его. Выразение **убивать время** — не собственно русское, оно есть, например, во французском: **tuer le temps** и в немецком: **die Zeit totschiagen**, откуда мы его и заимствовали. Однако наши бездельники научились умерщвлять свое время не хуже французских или немецких. Убитое время — жестокий интернациональный образ, ибо это образ самоубийства бездельностью и скукой. Но еще более жесток образ тех, кто ворует или отнимает чужое время. Французский писатель А. Моруа метко заклеивал таких людей «времяпожирателями» — хронофагами.

В русском языке немало словосочетаний со словом **время**: **тратить время впустую, растрачивать время попусту, проводить время зря, тянуть время, время терпит, время не терпит, время не ждет...** За каждым из них стоит и особый образ, и особая судьба. Последние три выражения, например, все еще таят в себе память о Времени как о каком-то языческом божестве, распоряжающемся нами и нашей судьбой по своему усмотрению, уделяющем (отсюда и русская сказочная Доля) нам именно тот хро-

нологический промежуток, которого мы достойны. Для того чтобы докопаться до таких «временных» первоначальных образов, необходимы весьма длительные и трудоемкие «раскопки в слове».

Сколько было «времен» у праславян?

Этимологи не прекращают споры об изначальном смысле основных наименований времени у наших предков. И это отнюдь не праздное занятие, ведь разгадать такую этимологическую загадку — значит постичь, как формировалось в человеческом сознании столь важное философское понятие, как время, как оно было связано с другими понятиями и явлениями. Прежде всего, это первоначальное соотношение Времени с двумя другими членами «классической» триады — Пространством и Действием.

Показательно, что в древних славянских обозначениях времени можно найти его тесную привязку именно к действию и пространству. Так, русское слово **время**, восходящее к праславянскому *vermę, связано с глаголом **вертеть** (вращать). Это как бы «вращение» дней или месяцев по кругу, их чередование, вереница. Кстати, и слово **вереница** этимологически родственно **времени** — не случайно мы говорим о веренице дней как об их однообразном повторении и смене. С движением, возможно, связано и такое обозначение времени, как **час**: некоторые ученые связывают его с сербским и хорватским **касати**, *kasati*, словенским *kasati* (бежать), латышским *kuōst*, *kuošu* (спешить) и немецким *hasten* (спешить). Да и известный всем «родственник» этих

слов — просторечный глагол **чесать** (быстро бежать) живо свидетельствует о часе как о несущемся безудержно времени. Эти значения присутствуют в привычных для нас выражениях **время идет, время бежит или время несется**.

Этимологическая связь времени с пространством не столь очевидна, как его связь с движением. Благодаря тому, что временные промежутки цикличны и подчиняются круговороту природы, смена дня и ночи, зимы и лета происходит регулярно, в праславянскую эпоху время не осознается еще как протяженность. Тем не менее, некоторые славянские обозначения времени дают основание предполагать, что связь с пространственными представлениями они все-таки имеют издревле. Так, слово **год** в древнерусском языке значило именно **время**, в праславянском языке — **благоприятное время**: сравните чешское **hod** (праздник), словенское **god** (удобное время, праздник); и **год** восходит к индоевропейскому корню ***ghedh-**, ***ghodh-** имевшему значения **объединить, соединить; держать вместе; подходить друг другу**. Некоторые этимологи на этом основании делают вывод, что «у корня **год-** первоначально, по-видимому, было пространственное значение, а затем развилось вторичное, временное»¹. Пространственное значение, конечно, в таком понимании вполне укладывается и в рамки циклической стыковки древних временных отрезков. Циклическое представление о времени у славян вообще было древнее линейного, месячного и недельного его распределения.

В древности у славян, так же как и у других народов, не было, естественно, такого абстрактного пред-

ставления о времени, как сейчас. Вот почему набор слов, которым обозначалось тогда это понятие, был, с одной стороны, привязан к достаточно конкретным ассоциациям, а с другой концентрирован и неразделен по смыслу. Каков же был этот набор?

Можно реконструировать как минимум семь общих наименований времени у славян: **время** (*verme), **год** (*godъ, *godina), **час** (*časъ), **доба** (*doba), **рок** (*rokъ), **пора** (*pora) и **век** (*věкъ). Далеко не все они сохранили в нынешних славянских языках свою временную целостность и самостоятельность. Общим наименованием времени в русском языке осталось только первое слово; **век**, **год** и **час** стали обозначать лишь различные отрезки времени; слово **пора** указывает на определенный период, срок; **рок** в высоком стиле именуется судьбу, некое предначертанное свыше стечение обстоятельств; слово **доба** хоть и значит **время**, **пора**, но не вошло в литературный язык, а известно лишь отдельным (в основном южнорусским) диалектам или «реконструируется» по некоторым его производным — например, **удобный**.

О том, что эти слова обозначали различные аспекты времени в языке наших предков, свидетельствует современный разброс значений. Так, слово **час** в болгарском означает **час**, в сербском и хорватском — **мгновение**, но зато в большинстве славянских языков (словенском, польском, чешском, словацком, белорусском) **час** — это **время** вообще. В украинском **час** даже объединяет два значения — **время** и **погода**, что отражает древнейшую взаимозависимость этих понятий. Слово **год** имело значение **время**, **срок** еще в древнерусском языке, а сейчас у сербов

и хорватов, словенцев, чехов, поляков и верхнелужи-
чан характеризует не время вообще, а время празд-
ников, празднеств, например, Рождества. Слово **рок**
в древнерусском языке имело широкий диапазон
значений — **срок, год, возраст, судьба, установле-
ние, правило**. Этот семантический «пакет», кстати,
весьма свойствен словам, называющим время. Сей-
час **рок** обозначает год в украинском (рік), чешском,
словацком, польском и серболужицком; в сербском,
хорватском и словенском этим словом обозначается
время, какой-либо срок.

Разброс значений — свидетельство того, что
конкуренция этих слов в славянском мире рано или
поздно вела к их специализации². Предполагают, на-
пример, что уже в письменную эпоху слово **час** обо-
значало время как отрезок существования, а **вре-
мя** — как его способ существования.

Дельное время и потешный час

Русский язык весьма цепко хранит память о том,
что в древности «временные» слова имели одина-
ковый смысл. Об их бывшей синонимичности свиде-
тельствуют такие пословицы и поговорки, как **До
поры до времени; Делу время, потехе час** или **Пе-
нию время, молитве час**.

Во второй и третьей пословицах **час** и **время** —
равноправные обозначения времени, хотя сейчас
Делу время, потехе час воспринимается нами «по-
современному»: мол, большую часть времени сле-
дует отдавать труду, а меньшую — отдыху. Неко-
торая количественная несоразмерность **времени** и

часа в русском языке, действительно, имелась. Но в этих пословицах они все-таки выступают как синонимы, ибо смысл их в том, что каждому виду деятельности — свое время. Особенно явно это видно в третьей пословице: если понимать **время** и **час** в современном значении и отдать предпочтение пению, а не молитвам, исказится назидательно-религиозный смысл этого высказывания.

Одна из мистерий «Рождество Христово» Б. М. Маркевича начинается так:

Пению время и молитве час,
Христе рожденный, спаси всех нас.

У Н. С. Лескова в романе «Обойденные» один из персонажей говорит: «Они за одним другого не забывают... У них пению время, а молитве час. У них божие идет богами, а кесарево кесареви. Они и живут, и думают, и любят...» Из контекста совершенно ясно, что время и час для песен и молитв, для жизни, размышлений и любви должны быть практически одинаковыми. Еще бы — ведь на пение псалмов церковная служба отводит времени отнюдь не больше, чем на разнообразные молитвы. Во всяком случае, церковники никогда бы не решились их противопоставлять как дело и потеху.

Пословица о пении и молитвах известна с XVII в. и, как мы видели, попала в литературный язык. Однако, не будучи народной по содержанию, она все-таки не прижилась в нем. Зато пословица **Делу время, потехе час** стала одной из самых популярных.

Она также имеет древнее происхождение. Многие языковеды даже связывают ее появление с кон-

кретным историческим периодом — правлением царя Алексея Михайловича (1629–1676). В 1656 г. по его указу была составлена «Книга, глаголемая Урядник: новое уложение и устройство чина сокольничья пути», то есть свод правил соколиной охоты, которая была любимой потехой тех времен. Предисловие к «Уряднику» Алексей Михайлович заключил собственноручной припиской: «Прилог [*то есть* приложение] книжный, или свой: сия притча душевные и телесные; правды же и суда и милостивыя любве и ратного строя николиже позабывайте: делу время и потехе час»³. Последнее изречение «Прилога» якобы и стало народной пословицей.

То, что слова **время** и **час** в этой пословице были синонимами во времена правления Алексея Михайловича, приложение к «Уряднику» действительно доказывает весьма недвусмысленно. Об этом свидетельствует не только соединительный союз **и**, подчеркивающий их равноправность, но и аналогичное сопоставление **часа** и **времени**, встречающееся в том же документе, но уже в другой связи: «А мало поноворя, подсокольничий молвить: начальные, время наряду и чась красотъ». Речь идет о том, как «наряжать» охотничьего сокола, как делать его красивым. «Начальные», то есть помощники подсокольничего в этом «потешном» ритуале, так и поступают: «И начальные емлют со стола нарядъ: первый, Парфснтий, возьметь клобучекъ, по бархату червчатому [*то есть* красному] шить серсбром... второй, Михей, возьметь колокольцы серебряные позолочены... И уготовя весь нарядъ на рукахъ, подошедъ къ сокольничему, начальные сокольники

наряжают кречета»⁴. Здесь, как видим, вообще никакого противоречия между временем и часом быть не может, ибо соколиная красота и наряд — одного тематического «гнезда».

Сомнительно лишь то, что именно русский царь оказался автором народной поговорки **Делу время, потехе час**. Сомнительно потому, что в XVII в. уже бытовали, кроме нее, по крайней мере две другие: **Пению время и молитве час** и **Время наряду и час красоте**. Ясно, что существовала уже народная поговорка, по которой создана и поговорка о деле и потехе. Кроме того, у славян немало близких по смыслу поговорок, подтверждающих народный, а не индивидуальный ее источник: чешское **Čas k dílu, čas k jídlu** (буквально **Время для труда, время для еды**), **Čas k práci, čas k zábavě** (**Время для труда, время для забавы**); болгарское **Ден за труда, час за веселба** (**День на труд, час на веселье**), **По-напред работата, после игра** (**Сначала — работа, потом — игра**); польское **Wszystko ma swój czas** (**Все имеет свое время**). Последняя поговорка известна многим языкам, что свидетельствует об универсальности той древней мудрости, которую она проповедует. Можно, следовательно, предположить, что Алексей Михайлович лишь употребил в своей «Прилоге» уже известную в его время народную поговорку, чтобы придать еще больший вес рекомендациям «Урядника».

Счастливая пора и роковая година

Слова, обозначавшие прежде время и разошедшиеся теперь в разных славянских языках по смыс-

лу, хотя и были синонимами, но уже изначально имели и определенные отличия.

Эти отличия исходили от этимологического импульса, то есть исходного значения их корня. **Время** и **пора**, например, в русском языке сейчас во многом взаимозаменяемы: **время любви — пора любви, время учебы — пора учебы, золотое время юности — золотая пора юности**. Но в стилистическом отношении **пора** кажется как-то «задушевнее», а потому, может быть, и поэтичнее, чем нейтральное и сухое **время**. Например, поставив **время** вместо **пора** в пушкинских строках, мы почувствуем, что они не заменяют друг друга в полной мере: «Пришла **пора**: она влюбилась...» или «Унылая **пора**. Очей очарованье...».

Такое стилистическое отличие уходит к возникновению слова **пора**. Его сближают с такими русскими словами, как **порить** (быть в хорошем состоянии; быть полезным), **спорить** (быть удачным), **спориться** (удаваться), **спóрый** (успешный, быстрый, объемистый); древнерусское и церковнославянское **спорь** означало **обильный**, а болгарское **спор** — это **прибыль, урожай**. Русские пословицы еще отражают этот оттенок «изобильности» и «удачливости» у слова **пора**: **В пороу в гóру, а нé в пору — под гору!** Или: **Пора придет и часть мою принесет; Пора что железо: куй, поколе кипит; При поре с умом, без поры с сумой; Не время дорого — пора**. Значит, первоначально **пора** именовала удачное, счастливое, урожайное время. Отсюда, возможно, и его в основном положительная стилистическая окраска, сохранившаяся и доньне.

В этом отношении оборот **до поры до времени** можно понимать не как простое «спаривание» двух синонимов, а как свособразную конкретизацию времени — такого, когда еще не пришла **пора**, то есть период изобилия, сбора урожая, зрелости и удачливости. Фольклорный дух этого выражения хорошо передан А. В. Кольцовым:

До поры, до время
Всем я весь изжился,
И кафтан мой синий
С плеч долой свалился!

До поры, до время здесь не просто преждевременно, а — прежде чем успел **вкусить радостей бытия, зрелого счастья**. Такую же тональность имсет и народнопоэтическое выражение **без поры, без времени** в стихах советского поэта И. Сурикова:

Что богатство мне без радости?
Без любви душа измаялась.
Без поры-то я, без времени,
Молодешенька, состарилась!

И в этом случае, как у Кольцова, преждевременность — это в основном «беспóрость», неудачливость в любви. У Д. Н. Мамина-Сибиряка: «— Не печалуйся прежде поры-времени, — проговорила она, когда дьячиха рассказала все». В этом увещевании также ощутима особая положительная интонация: погоди, мол, и **пора-время**, то есть полоса удач в твоей жизни, еще наступит, нечего раньше времени горевать.

А вот **рок** у русских в отличие от удачливой и многообещающей **поры** стал символом сурового и неминуемого предопределения. Не случайны поэтому «роковые» уточнения времени, судьбы и прочих обстоятельств: **роковое время, роковая пора, роковой час, роковая случайность, роковая ошибка...** Все эти словосочетания звучат зловеще, а соответствующие понятия чреватые несчастьями и гибелью. **Рок** — это как бы «карательная» ипостась Времени, исполнитель всех его грозных приговоров. **Скорая женитьба — видимый рок; Бойся, не бойся, а без року нет смерти; Никто от своего рока не уйдет; Рок головы ищет** — эти и другие русские пословицы подтверждают устойчивое восприятие этого «рокового» слова.

Рок связан с глаголом **реку** (говорю) и многими его производными: **речь, изрекать, прорицатель, предрекать, урок, срок**. Кстати, последнее слово, тесно связанное с **роком** и по временной оси, хорошо проясняет его исходный смысл: то, что сказано, «предречено», установлено и скреплено Словом. А раз установлено и предречено, то должно и неукоснительно, в **срок** исполниться. (О вере в магическую неукоснительность Слова мы еще поговорим в IV главе.)

Нечто роковое ощущается и в возвышенной тональности устаревшего ныне слова **година**, производного от древнерусского **годъ** (время, срок). **Лихая година, горькая година, черная година; година испытаний, година невзгод, година бедствий, година лишений** — вот наиболее привычные соче-

тания с этим словом, синонимичным **невзгоде**, которое, кстати сказать, того же корня.

Как видим, слово **година** еще не успело сузить свое «общевременное» значение до конкретного хронологического периода, как это произошло со словом **год**. Эта «общевременность» — причина тому, что слово **година** может обозначать и самые разные конкретные промежутки времени. Например, в стихотворении А. Блока «Она веселой невестой была...» **година** явно значит то же, что и **год**:

Тихо, как будет. Светло, как было.
И счет годин старуха забыла,
Как мир, стара, как лунь, седа.
Никогда не умрет, никогда...

А у Д. Н. Мамина-Сибиряка речь идет о дне поминования усопших, о **годовщине** смерти: «Какой день-то сегодня, Кондрат! Ведь години Настасьюшке... родная ты моя, голубушка».

Слово **година** заставляет вспомнить и пушкинские строки:

День каждый, каждую годину
Привык я думой провождать,
Грядущей смерти годовщину
Меж их стараясь угадать.

Какой период времени имел в виду поэт, употребляя это слово? И Большой академический словарь, и Словарь языка А. С. Пушкина отвечают на этот вопрос однозначно: **година** здесь — то же, что и **год**, как в стихотворении А. Блока.

Контекст пушкинских стихов, однако, сопротивляется такому толкованию: поневоле хочется сузить и тем самым сделать более напряженным промежуток времени, «провождаемый думой» о смерти. Так и напрашивается — «День каждый, каждую минуту» или «День каждый, каждый час жизни»...

Возможно ли такое прочтение пушкинских строк? Не только возможно, но и глубоко оправдано исторически. Высокому звучанию стиха отвечает и подбор соответствующих слов, среди которых ярко выделяются старославянизмы: **меж юношей, под вечны своды, провождать, охладелый прах. И година** — один из них. В древних письменных текстах это слово значит именно **час**. Причем, как и в стихотворении Пушкина «Брожу ли я вдоль улиц шумных», **година** в «часовом» значении постоянно употребляется в теснейшем соседстве со словом **день**: «Не дѣвъ ли на десяте годинѣ есте въ дньи» (Остромирово евангелие, XI в.); «Назнамнати годиноу и днь» (Житие Феодосия Студийского, XIII в.); «Да не ясть до тоя же години другаго дне» (Оглашенные поучения Феодора, игумена Студийского, список XVII в.); «Аще кто иметь въру въ Бога непрестанно, и своя молитвы вся дни с покоромъ въздаеть ему, сии рѣчь первую годину дне и 3 и 6 и 9 и 12-ову» (Великий Четый Минеи..., XVI в.); «Они же бившесе весь день, и в вечернюю годину отступиша от града» (Летопись Авраамки [Псковская], XV в.).

В некоторых славянских языках, например в чешском, словацком и польском, слово **година** (*hodina*, *godzina*) является теперь единственным обозначением отрезка времени, равного 1/24 части суток. Да и

в некоторых русских говорах до сих пор еще **година** значит именно **час**. Совсем недавно в Островском районе Псковской области диалектологи записали такую фразу: «Пул шўстай гадыны, надо итгї каро́ф даіть». Речь идет о половине шестого вечера, когда обычно и доят коров. Значение **час** сохранилось и в ныне устаревшем ироническом выражении **подожди с московскую годинку**, то есть такой час, который может растянуться и до года. Это выражение, осуждающее волокиту феодальной Москвы, построено на этимологическом единстве и противоположности **годиниы** — **часа** и **года**. Кстати, в некоторых славянских языках (например, сербском и хорватском) **година**, **godina** закрепились именно в значении **год**.

Пушкинское «День каждый, каждую годину», следовательно, и надо читать «в переводе со старославянского» — **каждый день, каждый час**. Между прочим, и другое слово с корнем **год-** — **годовщина** здесь тоже имеет несколько иное значение: это не привычная для нас торжественная дата, отмечающая, что со времени какого-либо события истек ровно год, но — **поминки**, истечение полного года со дня смерти.

Вообще в этом стихотворении **Время** как сила, предопределяющая жизнь и судьбу человеческую, предстает едва ли не во всех своих древнеславянских ликах. Не случайно еще в двух его строфах есть слова, входящие в «семерку» названных выше общеславянских обозначений времени:

Я говорю: промчатся годы,
И сколько здесь ни видно нас,

Мы все сойдем под вечны своды —
И чей-нибудь уж близок час.
Гляжу ль на дуб уединенный,
Я мыслю; патриарх лесов
Переживет мой век забвенный,
Как пережил он век отцов.

Есть у Пушкина и строфа, где Время выступает как роковое начало, судьба:

И где мне смерть пошлет судьбина?
В бою ли, в странствии, в волнах?
Или соседняя долина
Мой примет охладелый прах?

Мчащиеся годы, забвенный век, переживаемый героем, и век отцов, каждая година и каждый день жизни и, наконец, грядущей смерти годовщина после близкого часа неминуемой кончины — все это у Пушкина лишь различные перевоплощения всепоглощающего Хроноса, властителя человеческих судеб. Перевоплощения, которые созерцаются «равнодушной природой», сияющей «красою вечною». Природа вечна, человек смертен — роковая истина, издревле терзающая каждого сына земли.

Добрые часы и злые времена

В русском языке сохранилось множество следов того, как наши предки мифологически осмысливали время. Эти следы, однако, в большинстве случаев остаются для нас незамеченными либо же просто воспринимаются как поэтическая метафора. Незамеченными прежде всего потому, что такие

представления успели стереться из-за тысячекратного повторения в течение многих веков, стали привычными языковыми шаблонами. Так, большинство современных читателей Пушкина наверняка воспринимают сочетание **близок час** почти буквально: **близок конкретный час кончины**. Между тем здесь имеется в виду не **година**, содержащая $\frac{1}{24}$ часть суток, но — **время, пора**, то есть Пушкин употребляет это слово в том же обобщенном хронологическом значении, в каком употребляют ныне поляки, чехи, словаки или белорусы свой **час**. А именно такая обобщенность — часто гарантия древности, а следовательно, и мифологического осмысления **часавремени**.

У большинства славян **час** — это предопределенное каждому человеку время для рождения, вступления в брак и смерти. Такой **час** может быть к нам благоприятным и неблагоприятным, в зависимости от отношения Ее Величества Судьбы. Отсюда противопоставление **добрый час** и **недобрый час** в различных пожеланиях у русских, украинцев, белорусов или сербов.

В добрый час! — напутствуем мы и сейчас своих близких или друзей, отправляющихся в дальнюю дорогу или на какое-либо важное дело. В этом пожелании сохранилось и древнее значение **часа** (пора, время), и древнее значение прилагательного **добрый** (хороший, благоприятный), сравните **Добрый путь! Доброе утро! Добрый день!** и другие подобные приветствия. Прежде пожелание в дорогу **доброто часа** давалось с весьма «прагматической» целью — чтобы в соответствии с суеверными пред-

ставлениями предохранить Словом путника от злых сил и злключений. Подобные благожелания были очень специализированы: практически на каждый случай или вид деятельности имелась своя «заклинательная» формула. Идущим в баню до сих пор говорят: **С легким паром!** — раньше это пожелание должно было предохранить моющегося от козней баенника, домового, живущего в бане. **Ни пуха ни пера**, которое мы теперь чаще всего используем перед сдачей экзаменов, прежде говорили перед охотой, чтобы обмануть леших, оберегавших лесную добычу от человека. **Ведро молока!** — приветствуют и поныне в ярославских деревнях женщин, доящих коров. **Мыло в корыто!** — так желают благополучной стирки в деревнях под Екатеринбургом. **Спорынья в дежу** или **Спорина в дежу** — широко распространенное раньше благожелание, особенно при замесе хлеба; дежа означает здесь бочку. Кстати, **спорина** и **спорынья**, которые в народной речи означают благополучие, плодovitость и приживчивость скота в крестьянском хозяйстве, — прямые потомки нашего «временного» слова **пора**.

Пожелание **В добрый час!** первоначально могло употребляться не только при прощании, но и в других ситуациях, требующих «обережения» от злых сил. Так, поговорка **В добрый час будь сказано!** основана на поверье, что в «добрый час» можно говорить все, что хочешь, а в «худой час» лучше всего отмолчаться. Это поверье отражено еще у Д. И. Фонвизина в «Бригадире»: «Вот уже Иванушке гораздо за двадцать, а он, в добрый час молвить, в худой промолчать — и не слыхивал о грамматике».

Такой приговор очень напоминает известное всем присловье «от сглазу»: **Тьфу-тьфу, чтоб не сглазить!** — речь о нем пойдет в IV главе.

Конечно, пожелание доброго часа не оставалось неизменным с древних времен до нынешнего дня. В прошлом веке в разных местах России оно с языческого, мифологического языка как бы переводилось на христианский — во всяком случае «конкретизировалось» именно на христианский манер, например: **В добрый час Архангельский! В добрый час, в Благовещенский!** Такие прибавки, по поверью, должны были отвратить неудачу, предохранить адресата от дурного глаза, порчи. Кроме того, в литературном языке наше пожелание иногда как бы «наращивается» вторым, например **Господь благословит!** или **Слава Богу!** — что также отражает древнее состязание языческих и христианских течений нашего русского этикета: «Вот Саша посадил Надю, укрыл ей ноги пледом. Вот и сам он поместился рядом. — В добрый час! Господь благословит! — кричала с крыльца бабушка. — Ты же, Саша, пиши нам из Москвы!» (А. П. Чехов); «Так только в том была его вина, что сделаться хотел он вашим тестем? Ну, что ж? И слава богу! В добрый час! Давно бы вам пора остепениться» (А. К. Толстой).

Сочетание **в добрый час** могло употребляться не только как благожелание, но и как своеобразное «временное» наречие — то есть когда-нибудь в благоприятное время, однажды в счастливую пору. В таком значении оно встречается, например, у А. С. Пушкина в «Евгении Онегине», выражая ту же извечную мысль о «провиденческом» круговороте Времени:

...Поколенья,
По тайной воле провиденья,
Восходят; зреют и падут...
И наши внуки в добрый час
Из мира вытеснят и нас!

Такое же значение имело устаревшее выражение **нашел счастливый (благóй) час на кого**; в XVIII в. это значило, что кому-то повезло. «Сегодня на меня нашел счастливый час, и я, написав эту басенку, посылаю тебе на пробу» (Ф. А. Эмин). В современном языке сохранилось лишь антонимическое сочетание — **не в добрый час**, напоминая о прежнем противопоставлении «доброе» и «худое» времени.

Представление о «доброе» времени как о счастье, а «худое, плохое, недоброе» времени как о несчастье известно многим народам. У французов **bonheur** (счастье) и **malheur** (несчастье) на первый взгляд и значат **хорошее время** и **плохое время**, так как **heur** воспринимается как **час**. Этимологи, однако, считают **heur** в составе этих слов омонимом французского **heure** (час), и в словаре для **heur** дается перевод **счастье, удача**. В таком случае **bonheur** и **malheur** расшифровываются буквально как **доброе счастье** и **плохое счастье**.⁵

Желая кому-либо удачи, англичане говорят **Good luck!** а французы **Bonne chance!** В составе этих фраз то же прилагательное **хороший, добрый**, что и в русском выражении. Да и само русское слово **счастье**, хотя этимологически и восходит к **части**, а не к **часу**, но и по вторичному созвучию, и по мифо-

логическим представлениям **счастье** соотносится со **временем**, а **несчастье** — с **безвременьем**.

«Отступило время от них: господь же с нами!» — эти слова, сказанные, согласно свидетельству летописи, князем Дмитрием Донским после разгрома монголо-татар на реке Воже, приравнивают **Время** к самому всемогущему вседержителю и устройтелю.

Час присутствует в популярном ныне выражении в **одночасье**, которое означает **очень быстро, мгновенно, сразу**. Писатели и журналисты употребляют его так, что создается впечатление, будто буквально оно значит **в один час**, то есть в короткий временной промежуток, равный 60 минутам:

«Повылезло из неизвестных щелей и подворотен множество новых, невиданных никогда прежде людей, попёрло всё это по просторам жизни скопом, массой, силой. В одночасье одичало всё, поползло по швам, полезло шерстью дикой. Напаскудили кругом...» (В. Артёмов. Диссидент).

«Переход со сталинского феодального социализма к марксистскому постбуржуазному не может свершиться в одночасье. Это — процесс, призванный утвердиться «всерьёз и надолго» (Из газет).

Взглянем, однако, в это выражение с общеславянской «временной» перспективы. И окажется, что оно также стойко хранит в себе первичное, общее исходное значение **время** и буквально значит **в одно** [и то же] **время**, то есть — **одновременно**. Именно так его и понимают буквально украинцы, в языке которых давно сосуществуют наречия **водночás** и **одночасно** (в то же самое время, одновременно).

Время непостоянно, а час — не равен, или, говоря фразеологическим языком, **не ровён**. Мы употребляем просторечный оборот **не ровён час**, выражая некоторое опасение в том, что может случиться нечто непредвиденное, неприятное и неожиданное. Эта смысловая тональность — тоже древнее мифологическое отношение к переменчивости Времени. Как бы человек ни возносился высоко, как бы ни был здоров, богат, удачлив — все может случиться, ибо **Час — не ровён**, колесо Фортуны ненадежно. Еще и теперь такая «сбалансированность» Времени как распределителя **взгод и невзгод** (это тоже, кстати говоря, бывшие «временные» слова) живо ощущается в этом выражении. Вскра же два-полтора назад она была совершенно прозрачной. Один из писателей XVIII в. Н. Николев в сатире «Мирон», например, легко увязывает «неровённость» лихого часа с тем, что его подкликает сам бес:

Пусть наш Миронушка на споры богатырь,
Пусть гордостью надут как дождевой пузырь;
Но не равен часок, какого бес подличет..
Тотчас увидит всяк, что дождевик пустой.

Бес тут — как и положено в сатире, связанной происхождением именно с одним из бесов, козлоногим греческим Сатиром, — может сыграть положительную роль, наказав не в меру возгордившегося «дождевика» Мирона. Бог — с хорошими, бес — с плохими, добрый час — с добродетельными, недобрый — с грешниками, счастье — достойным, несчастье — негодяям.

Этот народный, сначала языческий, а потом и христианский, идеал, конечно же, понятен и близок каждому современному атеисту, — разумеется, доброму, а не лихому. Ведь этот идеал справедливого распределения Времени — одна из тех вневременных мудростей, которые, утратив ныне мифологический смысл, продолжают сохранять свою гуманистическую, «добрновременную» сущность.

II. ОТ ПЕРВЫХ ПЕТУХОВ ДО БИТОГО ЧАСА

До курь дорискаше Тмутороканя

Мифология, однако, — мифологией, а практическая жизнь — жизнью. Людям издревле приходилось не только поклоняться всевластному Времени и «испытывать» у него свою судьбу, но и вести этому времени нехитрый прозаический счет. Какова же была изначальная ориентация в этом бытовом времени?

«По мѣсяцу, по пятунáм да по солнцу раньше время узнавали», — ответила мне некогда на такой вопрос одна псковская старушка. Ответ этот, по сути дела, исчерпывает основные способы отсчета времени не только на Псковщине «во время оно», но и в других, весьма удаленных от нее краях.

Возьмем, скажем, определение времени по «пятунáм» — петухам. У многих народов петух издавна «работает как часы», точнее — как будильник. В одной сибирской деревне, кстати, так и сказали диалектологам: «Петухи поют как будильники».

На старинной монете, выпущенной на Крите еще до нашей эры, изображен петух как неперменный

атрибут Солнца, что вполне гармонирует с «часовой» функцией этого «певца зари», как поэтически зовут героя-петуха в средневековых баснях, например, французы: *Chantecler*. Он — глашатай солнца, его верный проводник как в суточном, так и в годовом цикле. Особенно это было важно для римлян, которые сравнительно поздно заимствовали от греков измерение времени с помощью солнечных часов.

Плиний Старший в своей знаменитой 37-томной «Естественной истории» пишет о петухах проникновенные строки: «Природа создала их для того, чтобы они пробуждали людей на труд и встряхивали их ото сна. Они знают созвездия и своим кукареканьем разделяют и днем время по три часа; они ложатся спать вместе с солнцем, а во время четвертой ночной стражи уже призывают к хлопотам и ежедневному труду. Они не выносят, чтобы восход солнца остался людьми незамеченным, и возвещают грядущий день кукареканьем, которое предваряется хлопаньем крыльев».

Упоминание о четвертой ночной страже не случайно — в древности смена военного караула, которая сейчас переросла в торжественный ритуал, также служила единицей «почасового» измерения. Об этом до сих пор свидетельствует «военное» выражение **стоять на часах**. Сравните, кроме того, выражения **остеречь свои часы**, **быть на часу**, записанные в словаре В. И. Даля, или его же объяснение старинного оборота **отдача часов**: «время восхода и заката солнца; счет часов вели по сим срокам, в которые и стрелка на башенных часах переставлялась».⁶

Часовой страже, следовательно, даже в относительно недавнее время доверяли гораздо больше, чем башенным часам. А лучшими «часовыми» считались все-таки петухи: недаром у древних иудеев петух являлся символом третьей стражи ночи, то есть времени от полуночи до рассвета. «Стражнические» функции петуха проявляются и в поверьях многих народов о том, что его крик разгоняет мертвецов, призраков и прочую нечистую силу. Петух — символ не только солнца, но и вообще огня: древние языческие выражения **красный петух** и **пустить красного петуха** — верное тому языковое свидетельство.

Мифология и здесь, как видим, неудержимо вторгается в бытовую крестьянскую прагматику. Да именно она, собственно, и определяла в конечном счете все самые путанные и возвышенные мифологические ассоциации и поверья. «Петух в доме — главный побудчик, несмотря на свою петушиную глупость» — пишет В. Бслов в повести «Лад» об этой прагматической функции «певца зари». «Не иметь петуха означало то же, что в нынешние времена вставать по соседскому будильнику. Первые петухи пели в полночь, их слышали одни чуткие старики и старухи. Этим пением как бы подтверждалось ночное спокойствие, мол, все идет своим чередом. Вторые петухи заставляли хозяек вставать и глядеть квашню, третьи — окончательно поднимали большую [то есть хозяйку дома] на ноги».

Эта реальная обстановка и породила русское выражение **вставать с первыми петухами** или **до первых петухов** — то есть вставать очень рано, а

ложиться с петухами или просидеть до петухов означает **очень поздно**; выражение **первые (вторые, третьи) петухи пропели** указывает на то, что наступило утро.

Такие обороты в нашем языке имеют древнюю предысторию. «...А самъ [Всслав] въ ночь влъкомъ рыскаше: из Києва дорискаше до куръ Тмутороканя, великому Хрьсови влъкомъ путь прерыскаше», — читаем в «Слове о полку Игореве». Речь идет о том, что князь Всеслав с неимоверной «волчьей» скоростью из Киева домчался до Тмуторокани еще до пения первых петухов, на исходе ночи. Слово **куръ** здесь употреблено именно в мужском роде: сравните **попал как кур во щи**, где оно стоит в именительном падеже единственного числа. В древнерусском языке уже с XI в. широко употреблялись подобные «курные» обороты: **въ куры поюща** (в то время, когда поют петухи, на рассвете), **въ куры** (на рассвете), **къ куроумъ** (к пенью петухов, к рассвету). Эти обороты — прямые родственники современных «петушиных» фразеологизмов.

Поскольку в русских народных говорах петуха называют и **петун**, и **певун**, и **петел**, и **кочет**, эти выражения можно услышать в разных словесных вариациях. Особенно частым «соперником» **петуха** в народной речи (обычно в южнорусских говорах) оказывается **кочет** и **кочеток**, например: **встать в кочета** (в полночь), донское **встать с первыми кочетáми**, **просидеть до первых кочетóв**; мордовское **встать с первыми кочеткáми** (очень рано). А одна девочка, побывавшая на каникулах в Карпатах, говорила, что они вставали не с петухами или коче-

тами, а... с индюками! «— Почему же не с петухами? — А там петухи были ленивые».

Что же, времена меняются, меня нравы не только людей, но и «певцов зари»... Не случайно, быть может, и в некоторых воронежских деревнях просыпаются уже не только по петушину крику, а и на **коровьем реву́**, то есть гораздо позже, чем нужно: «Какой-нибудь праспит — на коровьем риву пришел, вот и праспал». А белорусы и украинцы про таких сонь говорят еще резче: **встаў свінья галасы́**, то есть тогда, когда начинают утром подавать голос, визжать свиньи. Известно, что свиньи встают гораздо позже третьих петухов и всякой домашней скотины. «Ложится с курами, встает со свиньями» — так презрительно оценивает народ лежебок и тунеядцев, не думающих о быстротечности времени.

Часы для красы, а время — по солнцу

Петушиное кукареканье, как мы видели, тесно связано в представлении людей именно с солнцем. До сих пор мы смело говорим **солнце взошло, солнце зашло, заход солнца**, хотя и знаем, что на самом деле это мы, земляне, «взошли» или «зашли» за него. В этих привычных сочетаниях — давние общечеловеческие ориентиры времени. Так, греки считали день периодом от захода солнца до его захода на следующий день, а римляне — от полуночи до полуночи, что соответствовало лунарному году, который был для них одной из основных точек отсчета Хроноса. Петушиный клич, солнце и месяц со звездами, таким образом, уже в Афинах и Риме ис-

правно выполняли те функции времяисчисления, о которых совсем недавно обмолвилась старушка из псковской деревни.

Конечно, у разных народов были попытки и иного отсчета времени. Например, у афинян полдень (10–12 часов дня) именовался «периодом полной площади», ибо на городской площади действительно в эти часы царило оживление. Римляне из военных соображений делили ночь на четыре стражи — вигилии: латинское *vigilia* означает **бдение, бодрствование и ночная стража**; это и породило, как мы уже видели, обычай сменять караул и стоять на часах. Однако подобная регистрация времени была вторичной — солнце оставалось его главным мерилом. Те же римляне делили день и на такие части, как **время кукареканья петухов** (рассвет, утро), **время до полудня** и т. д. Греки тоже в основном ориентировались на солнечный цикл.

Именно такая ориентация и привела древних к изобретению солнечных часов. Первоначально это был воткнутый в землю шест, тень которого смешалась при круговороте Солнца и показывала время дня на шкале рядом с шестом. На основе этого принципа греческий философ Анаксимандр (VI в. до н. э.) изобрел гно́мон, по-гречески *gnōmōn*, — вертикальную палочку, с помощью которой определяли равноденствие и изменение положений солнца на солнечных часах. Собственно, этим изобретением и начинается деление времени на часы: сутки были разделены на дневной и ночной периоды по 12 часов каждый. Деления же на минуты и секунды тогда еще не было.

С тех пор предпринималось немало попыток усовершенствовать это древнейшее часовое устройство, причем широко «перенимался опыт» разных народов. Так, в Риме в 263 г. до н. э. на форуме — центральной площади, куда стекался народ послушать своих трибунов или заключить торговые сделки, — был установлен солярный, солнечные часы, захваченные в качестве трофея из сицилийской Катаны; **solarium** — от **sol** (солнце). До этого, как мы знаем, время римлянами измерялось достаточно приблизительно. Новинка прижилась, хотя потребовалось целых 99 лет, чтобы жители «вечного города» обнаружили весьма большую хронологическую неточность: сицилийские часы были «заведены» для географической точки, которая располагалась на целых 4° южнее, а потому и время отмеряли отнюдь не по-римски. Лишь в 164 г. до н. э. римляне получили часы, соответствующие географической широте своего родного города. А в 10 г. до н. э. в Риме появилась и другая новинка — привезенный из Египта по велению самого императора Августа обелиск высотой 22 м, который был установлен на Марсовом поле и превращен в солнечные часы.

На румынском побережье, в месте, где Дунай вытекает из ущелья Казанеле Мару, можно и сейчас увидеть солнечные часы, вытесанные в скале. Они, как считают специалисты, «идут» уже 1800 лет и помнят эпоху Римской империи, из которой и пришла на Дунай «солярная» традиция.

Каменные «солярные» VII в. н. э. диаметром 1 м найдены и в Армении — в руинах храма Звартноц, недалеко от Ервана.

Время не только шло, но и совершенствовалось измерительные приборы. Солнечные часы изготавливались в самых разных вариантах и размерах. Были даже «карманные» солнечные часики величиной с небольшую современную пудреницу. Владелец приоткрывал крышечку, поднимал маленькую вертикальную палочку и, определив с помощью вмонтированного в часы компаса их положение по солнцу, рассчитывал время. Вполне «модерные» солнечные часы можно увидеть до сих пор в Петербурге, на углу Съездовской линии и Университетской набережной. Они представляют собой мраморный четырехугольник с дельтовидной стрелкой и шкалой «временных» отметок.

Память об измерении времени по солнцу до сих пор сохраняется и нашим языком, «Еще и солнце не взошло, а мы уже были на ногах», — говорим мы об очень раннем подъеме. **Вставать до солнца, ложиться с солнцем** — такие же древние временные ориентиры, запечатленные в устойчивых фразах. Известная шутивная поговорка **Часы для красы, а время — по солнцу** также подчеркивает древность и достаточно большую надежность «солярного» часоисчисления.

Русские диалекты сохранили обороты, свидетельствующие о том, что наши предки пользовались солнечными часами «собственного изготовления» и иной конструкции, чем та, которую диктовала античная «солярная» мода. «Уж солнце в полдуба: пора кофею пить», — говорят на Дону. Это в полдуба, около 8 часов утра, — лишь осколок весьма точно градуированной шкалы народных солнечных часов, в ко-

торых «часовой стрелкой» является (или точнее — первоначально являлся) дуб. Солнце в дуб **вышки** означало буквально, что дневное светило поднялось над вершинами самых высоких и мощных деревьев. В донских деревнях до сих пор **время в дуб** — это около 10–11 часов утра, **солнце в дуб** — полдень (или, наоборот, положение солнца над горизонтом при восходе или закате), **солнце за дуб** — время захода солнца, **солнце у дуба** — время, близкое к закату солнца. **В полдуба**, следовательно, — это положение солнца, наполовину равное его положению в дуб, то есть либо «восходное», либо «заходное».

Колоритного донского выражения **солнце в дуб** не мог, конечно же, не заметить такой знаток местной речи, как М. Шолохов. В рассказе «Лазоревая степь» он, например, употребляет его хронологически точно — как обозначение полуденного времени: «Бабы с утра харчи им отнесли, а солнце в дуб — на бутре появилась конница». Так народная речь продолжает напоминать о том, что древнейшим меридианом времени остается именно дневное светило.

Утечка времени и вода в калесидрах

Прогресс, однако, требовал такого измерения времени, которое бы не зависело от капризов природы. Первыми конкурентами солнечным часам оказались водяные часы, изобретенные древними греками. Чтобы измерять время после захода солнца и ночью, а также для отсчета более кратких временных отрезков (например, для установления «регламента» судебных речей) ими были сконструированы

так называемые клепсидры — от греческого *kleptō* (тайно совершаю) и *hydōr* (вода). Принцип их работы был достаточно прост: сначала сосуд, обычно прозрачный, имевший внизу отверстие, наполнялся водой. На поверхности воды лежал поплавок, соединенный с часовой стрелкой. Достаточно было вытащить пробку из отверстия на дне сосуда, чтобы часы пошли. Вода вытекала, поплавок опускался и тянул за собой на веревочке стрелку, которая отмеряла часы в точном соответствии с «водными порциями», заданными хронологической программой.

И при такой простой системе, конечно, оставались трудности, вызванные сезонностью и различием географических широт. Гркам приходилось, например, изобретать способы «подгонки» водяных часов к перепадам светового дня, который в разное время года имел разную протяженность. Известны такие клепсидры, в которых регулируемый приток воды приподнимал с помощью системы зубчатых колесиков небольшую куколку, палочкой указывавшую время на циферблате, отражавшем такого рода различия. Да, кроме того, водяные часы отнюдь не вытеснили в Древней Греции добрые старые «соллярии», фиксировавшие естественный ход времени. Не случайно на знаменитой «башне ветров» в Афинах снаружи были солнечные часы, а внутри — водяные. Как говорится, «доверяй, но проверяй».

Мода на водяные часы распространялась хоть и медленно, но повсеместно. Довольно рано они попали и в Древнюю Русь. В Уставе Студийском конца XII в., например, упоминаются именно «водяные часы», по-видимому, византийские клепсидры.

Многие историки русского языка с водяными часами связывают происхождение оборота **много воды утекло**, который встречается уже в XVIII в. «Сие дѣло долго протянется, на долго пойдет: много воды утечет, пока сис будет», — говорится в одном из документов того времени. Один из популяризаторов прошлого века Н. Я. Ермаков в том же ключе истолковывает и русскую поговорку **В русский час много воды утечет**, подчеркивая, что «один из древнейших способов измерения времени был основан на количестве вытекающей воды, при помощи так называемых водяных часов».⁷

Уже в древности такой способ измерения времени отразился и на языковой образности. Известен древнегреческий оборот **вода** [в водяных часах] **протекает**, значащий **время кончается**, который явно «намскает» на клепсидры. С ним связано и наше русское выражение **время истекло**, распространенное (благодаря греческому прототипу) во многих современных языках.

Связь же оборота **много воды утекло** с водяными часами далеко не столь очевидна, во всяком случае — не столь прямолинейна. Излагая общее мнение, авторы «Опыта этимологического словаря русской фразеологии» пишут: «Калька с французского. Восходит к античности, когда время измерялось водяными часами».⁸ Однако достаточно заглянуть во французские словари, чтобы убедиться, что предполагаемый источник выражения сильно отличается по образу от своей русской «кальки». Французы говорят **Il passera bien de l'eau sous les ponts**, то есть «пройдет много воды под мостами»,

что почти полностью разрушает представление об античных клепсидрах.

Образ здесь прозрачен: речь идет именно о текущей речной воде. Это движение напоминает нескончаемую рску жизни, о которой когда-то прочувствованно писал Г. Р. Державин:

Река времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.

Это его последние стихи. Высеченные на аспидной доске в Публичной библиотеке Петербурга, они призваны были напоминать живущим о быстротечности времени.

Образ Реки времен — не поэтический вымысел нашего поэта-классициста. Это тоже античный мифологический образ, бережно хранимый и постоянно обновляемый литераторами разных эпох и народов. Секрет его постоянной обновляемости — и в том, что он широко известен фольклору и глубоко укоренен поэтому в народном сознании. В выражении **много воды утекло** важно, что есть связь именно с водными источниками, а не с водяными часами. Например, белорусские **яшчэ многа вады ў мора ўпадзе**, шмат вады сплыло ў раку или украинские (западноукраинские) **богато воді до моря упліне, закїм ся то стане, немало потече воді з колоді** (нескоро сбудется) находят массу аналогий в языках неславянских народов, например, в немецком есть выражение **bis dahin läuft noch viel Wasser den**

Berg (den Bach, den Fluss, den Rhein, den Main, die Elbe) hinunter, что в буквальном переводе: до этого еще много воды утечет с горы (из ручья, реки, Рейна, Майна, Эльбы); сравните латинское **multe prius vasto labentur flumina ponto**, буквально: много сначала воды под мост утечет.

Эти параллели показывают, что русский оборот **много воды утекло** отражает не древний способ измерения времени водяными часами (как в выражении **время истекло**), но древнейшую временную метафору, когда текущую воду сравнивают с невозвратным потоком Времени. Можно даже с полным основанием предположить, что в хронологической иерархии эта метафора гораздо древнее, чем античные клепсидры. Более того, вполне вероятно, что эта метафора, основанная на повседневных наблюдениях за «водотёками» разного рода, и натолкнула первого «гидрочасовщика» на его замечательное, очень практичное изобретение.

Употребляя сейчас оборот **много воды утекло**, мы то и дело оживляем в памяти эту древнюю метафору, возвращая фразеологическую воду к ее первоистокам: «Много полезного свершилось за эти годы, много воды за это время утекло. Но ни капли — через городской водопровод. Деньги потрачены впустую, сооружения не используются» (Из газет). Это, даже намеренно каламбурное, оживление нашей метафоры не только усиливает экспрессию оборота, но и недвусмысленно дает нам понять, что естественное течение рек было гораздо более древним и популярным измерителем времени, чем водяные часы.

Битые склянки и пробитые часы

А шаги Времени требовали между тем более точного отсчета. Некоторой аналогией водяных часов стали часы песочные, в которых тонкий песок струился, «тек», подобно воде, в узкое отверстие между двумя сужающимися сосудами. Такие часы используют и сейчас в химии, фармакологии, быту. Современные песочные часы, как правило, отсчитывают небольшой отрезок времени: песок пересыпается из одного стеклянного сосуда в другой за тридцать секунд, за минуту, за полторы минуты. Раньше были в ходу и песочные часы с гораздо большей часовой шкалой. На одной из гравюр А. Дюрера (1471–1528) — «Всадник, Смерть и Дьявол» — Смерть изображена с песочными часами в руках: они могли отмерять при жизни художника столь большие хронологические пространства, что стали символом вечнотекущего Времени.

Язык сохранил память и о песочных часах. Известно морское выражение **склянки бьют**, всегда поражающее своей загадочностью, как и его синоним **рынду бить**. «Через каждые полчаса на судах отбивали склянки, оглашая море разнотонным перезвоном колокола», — читаем у А. Новикова-Прибоя. Выходит, морские склянки — это удар в судовой колокол, отмеряющий какой-то промежуток времени?

Действительно, у моряков **склянки** обозначают удар «стоимостью» в полчаса и сам получасовой промежуток времени, фиксируемый ударом в колокол. Но при чем тут стеклянные сосуды и песочные часы?

Оказывается, как часто бывает в языке, здесь корабельное бытие просто несколько опередило языковую форму. В морском выражении *бить склянки* до сих пор сохраняется воспоминание о стеклянных песочных часах, широко применявшихся на судах в эпоху парусного флота. Пружинных хронометров тогда еще не было, а громоздкие маятниковые часы устанавливать на кораблях не имело смысла.⁹ Песочные часы в мореходстве поэтому долго оставались наиболее надежным прибором для измерения времени. Стеклянные сосуды с узким горлышком монтировались в деревянную клетку и оплетались пенькой. К донышкам прикреплялись петли, на которых такие часы подвешивались. Ни качка, ни яростные шторма этим склянкам были не страшны, останавливались же они только в горизонтальном положении.

Многие морские традиции уходят корнями в древние «сухопутные» обычаи. Так, и ревностно сохраняемая традиция деления суток на четырехчасовые промежутки — морские вахты — является лишь одним из старинных способов исчисления времени «стражами», которыми пользовались, как мы знаем, и в Вавилонии, и в Риме. Такая вахта стала у моряков называться *большой склянкой*. В практике мореходства нужны были и самые маленькие склянки — минутная и полминутная. Они использовались при измерении скорости корабля с помощью лага. «Младший [штурман] взял в руки минутную склянку, — читаем, например, у К. Станюковича, — чтобы усчитать время маневра». Самой ходовой склянкой, однако, была получасовая. Она и стала основной единицей текущего времени на судне.

Вахтенный обязан был неусыпно следить за «перетечкой» песка из одного стеклянного сосуда в другой. Как только верхний сосуд получасовой склянки пустел, матрос переворачивал ее и давал короткий резкий удар по судовому колоколу. Это означало, что первые полчаса очередной судовой вахты истекли. Через следующие полчаса раздавались уже два удара в колокол — и так далее, пока не опустошался верхний сосуд большой, четырехчасовой склянки. Тут уже вахтенный, в радостном предвкушении окончания дежурства, переворачивал обе склянки и ударял в колокол восемь раз. Каждая вахта тщательно повторяла этот древний корабельный ритуал. За сутки четырехчасовая склянка переворачивалась, следовательно, 6 раз, а получасовая — 48. Эти 48 ударов в колокол, сопровождавшие такие перевороты песочных часов, и получили название **бой склянок**.

Общий порядок измерения судового времени имел, однако, одно исключение. В полдень вместо 8 склянок, как следовало бы ожидать, били не склянку, а — рынду, то есть звонили в судовой колокол по-особому. **Били рынду** и в других «особых» случаях — при выходе корабля из гавани в благополучной обстановке, в момент восхода солнца, в час неожиданной опасности. Выражение **бить рынду** еще более специфично морское, чем **бить склянки**. Его происхождение — результат неправильного употребления английской морской команды **Ring the bell**, буквально значащей **Звони в колокол!** Такую команду в полдень отдавал вахтенный офицер, и часовой обязан был тут же ее выполнить. Русские матросы «внесли ясность» в это чуждо звучащее для

них иностранное сочетание, поменяв местами глагол и существительное. Глагол **to ring** был замещен устаревшим русским **рында**, в древности означавшим телохранителя, а в народной речи — нескладного верзилу. Существительное **bell** превратилось в нужный здесь глагол **бей**. Возможно, «обрусение» английской команды — вовсе и не заурядная языковая ошибка, а лукавый морской юмор, вроде грибоедовского перелицовывания на русский лад французского оборота **не в своей тарелке**. И тот остряк, который впервые употребил оборот **рынду бей** вместо английского **ring the bell**, прекрасно знал, и что оно значит, и как оно верно произносится.

Появление на кораблях часов с пружинным механизмом привело к некоторой модернизации привычной для мореплавателей терминологии. Когда-то, например, для обозначения двух часов дня говорили: **пробили четыре склянки**, а при приближении времени к половине четвертого — **седьмая склянка на исходе**. Сейчас же моряки скажут в таких случаях: **склянки бьют два часа** или **склянки скоро ударят полчетвертого**. Так **битье склянок** в морской речи скрестилось с привычным для всех нас **боем часов**. И в этом скрещении есть объективная историческая справедливость, ибо песочные часы гораздо древнее механических.

Бой часов мы, конечно же, связываем только с механическими часами. Но — как это ни парадоксально — бой часов все-таки гораздо древнее их. Ведь задолго до их изобретения богатые патриции Рима, например, держали особого раба, который «отбивал» час буквально, то есть ударяя по металлическому

гонгу. Понятно, что при этом раб-«ударник», подобно вахтенным парусного флота, должен был предельно зорко следить за показаниями солнечных или водяных часов, которыми пользовались римляне. За неточность «битого часа» он мог быть осыпан градом ударов, не соизмеримым ни с каким временем.

Принцип часов «с босм» затем эффективно использовали многие часовщики. Он надежно консервирован и языковыми формулами **битый час** и **пробил час**. В них первоначально речь шла именно о механическом, а не «рабском» бое, поскольку такие выражения известны лишь некоторым современным европейским языкам. Немцы, к примеру, точно так же, как и мы, говорят о долгом и утомительном ожидании: **eine geschlagene Stunde warten** (ждать битый час). Образ понятен: уже и часы «пробили» целый час, а кого-то все так и нет.

Любопытен и стилистический перепад выражений **битый час** и **пробил час** (чего-либо). В первом случае речь идет о бытовых явлениях, сам оборот как бы принижает время, окрашивает его негативно. **Час пробил** звучит торжественно и возвышенно. Это выражение обычно характеризует либо время каких-то очень важных и решительных событий, либо — если речь идет о человеке — последние минуты его жизни. Здесь слово **час** как бы вновь утрачивает свое точное хронологическое значение, возвращаясь на круги своего древнейшего обобщенного смысла. Это уже почти то же, что **недобрый час** или **лихая смертная година**. Как гласит русская пословица, **Час на час не приходится**, то есть отличается один от другого. Даже тогда, когда это

столь, казалось бы, близкие понятия, как **битый час** и **пробитый час**.

Как часы

Как это ни парадоксально, но историкам, знающим подробности создания солнечных и водяных часов античного мира, так доподлинно и не известно, где, кто и когда именно изобрел самые ходовые ныне механические часы. Предполагают лишь, что возникли они в Европе в XIII в., а через сто лет ими уже пользовались и на Руси. Потребность точно измерять время исходила, видимо, из монастырей: монахи усиленно старались так строго распределить день верующих послушников на труды праведные и молитвы, чтобы у них ни минуты не оставалось на греховные помыслы. Поскольку в средние века счет часов вели лишь по светлой части суток, то число их зависело от времени года и колебалось от 7 до 17 часов. Вот почему сегодняшним читателям русских летописей или западноевропейских хроник нередко бывает трудно установить соответствие древнего и тсперешнего отсчета часов — первый час, например, мог отвечать и 3, и 4, и 5 и даже 8 часам современного исчисления, то есть обозначать не глухую полночь, а время восхода солнца.

Колокола, устанавливаемые на звонницах храмов и монастырских башнях, «пробивали часы» и для жителей окрестностей. Однако горожане постепенно сооружали собственные городские часы. Далеко не все были тогда грамотны, поэтому циферблаты не являлись обязательной принадлежностью ба-

шенных часов средневековья, — важным оставался именно древний «бой», отмеряющий каждый час.

Около 1470 г. для приведения часов в действие начали использовать стальную пружину. Она помогла усовершенствовать и значительно уменьшить громоздкий и сложный прежде часовой механизм. Так появились первые «часики», которые носились на шнурке, подобно нательному кресту.

В 1657 г. жителей Европы ошеломила новинка — маятник, обеспечивавший доселе невиданную точность измерения времени. И лишь изобретение так называемого волоска — тонкой пружинки в часовом механизме — придало карманным и ручным часам ту же точность, что и подлинным «ходикам», снабженным маятником.

В начале прошлого века у часов появляется секундная стрелка. С тех пор усовершенствование часовых механизмов обрело поистине бешеный темп. Возникают карманные, ручные, настенные, кухонные, настольные, башенные, музыкальные часы самых разных форм, конструкций, размеров и назначений. Они стали не только практичным и необходимым в быту предметом, но и своеобразным социальным ярлыком, по которому судили о родовой принадлежности, богатстве и сословном статусе их носителя.

Часовщики всех времен и народов создали немало совершенных измерителей всевластного Хроноса. Лучших мастеров переманивали владельцы разных городов, ибо иметь уникальные башенные часы считалось весьма престижным. Как рассказывает народная легенда, автора знаменитых курантов в Праге, мастера Гануша, бургомистр приказал осле-

пить, чтобы тот больше не смог сотворить подобного хронометрического чуда. Мастер за это, правда, навсегда остановил созданные им куранты.

Немало уникальных часов появилось у нас в стране. Всем известны знаменитые часы, созданные в 1764–1767 гг. русским механиком И. П. Кулибиным. Сложнейший их механизм автоматического действия размещается в изящном корпусе, выполненном в форме яйца. Эти часы мастер преподнес в 1769 г. Екатерине II, доверившей ему руководство механической мастерской Петербургской Академии наук.

В одном из залов Московского Кремля можно увидеть карманные часы, которые целиком изготовлены (если не считать винтиков из слоновой кости и металлической пружины) из дерева. Они сработаны мастерами Бронниковыми из Вятки, где резьбой по дереву издавна занимаются целые поколения.

Нельзя, конечно, не вспомнить и тех часов, бой которых мы слышим ежедневно. Его отбивают со Спасской башни Кремлевские куранты. В ноябре 1917 г. они были серьезно повреждены. Взрывом поломало стрелки, порвало канат, повредило ведущие колеса, валы, даже исчез позолоченный маятник. Но уже в сентябре 1918 г. москвичи вновь услышали бой Кремлевских курантов, которые не только ожили, но и исполняли мелодию «Интернационала».

Любопытное сочетание древней традиции и ультрасовременного способа определения времени можно найти в столице Украины. Киевляне проверяют время по двум часовым механизмам, отличающимся исключительной точностью. Первые размещаются на стометровой звоннице Киево-Печерской

лавры, напоминая о тех далеких временах, когда лишь монастырские колокола отбивали час. Вторые же часы висят над входом в Центральный почтамт. Они представляют собой новейший механизм, сочетающий достижения механики, автоматики и электроники.

Забота о точном времени для современного человека — категорическая необходимость. И чем шире раздвигаются для него географические просторы, чем неистовее становится темп их пересечения, тем больше требуется точности и координированности. Как, например, установить точное время в такой огромной стране, как наша? Ведь от Бреста до Берингова пролива она растянута на 165° географической долготы, что составляет половину окружности земного шара. Когда в Москве обедают, в Нью-Йорке завтракают, а в Токио садятся ужинать. Путешествуя на запад, мы должны переводить часовую стрелку назад, теоретически — на один час для каждые 15° долготы. И наоборот, двигаясь навстречу солнцу, на восток, приходится перемещать ее вперед. Вот почему в бывшем Советском Союзе время было разделено на 11 временных поясов.

Резко возрастают требования к точности измерения времени. Прежних миллисекунд, то есть тысячных частей секунды, уже недостаточно в нынешнюю эпоху космических полетов. Расчет сегодня идет на так называемые наносекунды, составляющие миллиардную часть миллионной части секунды, — время, за которое свет преодолевает расстояние в 30 м. Понятно, что для таких измерений нужны часы особой конструкции.

Вот почему на рубеже 1971–1972 гг. в 00 часов 00 минут 00 секунд в эфире раздался радиосигнал новой системы всемирной координации времени. Секунды с этого мгновения стали равняться числу колебаний атома цезия. Принцип этой системы надежно работает и в нашей стране. Недалеко от Москвы, в поселке Менделеево находится Государственный Центр метрологии, где размещаются самые точные, атомные часы нашей страны. Они идут в неукоснительном соответствии с цезиевым атомно-лучевым стандартом и обеспечиваются самыми современными научными средствами. Отсюда «заводятся» и часы на Спасской башне, и самые точные экспедиционные хронометры, или астрономические часы, и заурядные деревенские ходики на дореволюционном маятниковом ходу. Начало этой «заводки» возвещает привычный для нашего уха сигнал точного времени, поступающий из метрологического центра.

Как видим, шаблонное сравнение **работать (идти) как часы** с каждым годом приобретает все большую оправданность. Но и здесь язык все равно отстает от жизни, ибо сопоставление подчеркивает не столько предельную точность исполнения работы, сколько ее периодичность, регулярность, ритмичность. Именно ритмичность хода часов отражена и в сравнении **сердце бьется как часы**.

Как заведенные часы или как заведенная машина?

Если человек делает что-либо без остановки, бессознательно, с механической точностью, о нем говорят: **работает, как заведенный**, и некоторые

лингвисты считают, что сравнение **как заведенный** тоже связано с «заводкой» часов. «Еще во второй половине XIX в. сго [этого сравнения] в современном виде не существовало. Употреблялась также несокращенная форма фразеологизма — **как заведённые часы**: например, у Л. Н. Толстого: «Князь... по привычке, как заведенные часы, говорил вещи, которым он и не хотел, чтобы верили», и у В. И. Даля: «Василько молол без умолку, как заведенные часы». После того, как оборот сократился, причастие **заведённые** стало изменяться по числам и родам: рядом с формой **заведённые** появились формы **как заведённая, как заведённый**.¹⁰

Более внимательный взгляд на историю нашего сравнения показывает, однако, что такое объяснение не совсем верно. Ведь в прошлом веке причастие **заведенный** употреблялось в сочетании с **часами** гораздо реже, чем с другим существительным — **машина**. Так его употребляют, например, И. А. Гончаров, Ф. М. Достоевский, В. Ф. Одоевский, В. Г. Короленко: «[Завод] приносил мне до сорока тысяч чистого барыша, без всяких хлопот. Он идет, как заведенная машина» (И. А. Гончаров).

В обороте **как заведённая машина** — в отличие от положительной окрашенности сравнения **как часы** — содержится большая доза отрицательной оценки, поскольку деятельность, им обозначаемая, характеризуется как автоматическая, шаблонная, рутинная: «Человек пошел покорно, как заведенная машина, туда, где над городом стояло зарево и, точно венец, плавало в воздухе кольцо электрических огней» (В. Г. Короленко).

Эта оценочность сохранена и «усеченным» вариантом нашего сравнения: «Нет, больше я не выдержу. Сколько мы уже бсжим? Ого, 50 минут. И все в таком темпе! Этот Склокин как заведенный. Да и остальные хороши — не люди, а рысаки» (В. Снегирев, Д. Шпаро).

Первичность представления о заведенной машине, механизме у оборота **как заведённый** доказывают и славянские параллели. В болгарском, например, оборот **говоря като навита машина (пружина)** означает буквально: **говорить как заведенная машина (пружина)** и характеризует человека, болтающего попусту и механически, не вдумываясь в содержание. Сравните также сербское и хорватское **говорит као навијен** и немецкое **wie aufgezogen sein** с тем же значением. Любопытно, что эквивалентами русского сравнения во французском и английском языках являются именно обороты со словом **машина**: **comme une machine, like a machine**.

Итак, современное сравнение **как заведённый** образовалось не в результате усечения оборота **как заведённые часы**, но из более общего — **как заведённая машина**. «Часовой» же оборот — лишь одна из частных конкретизаций «машинного». И вот что любопытно. При всем видимом равноправии этих двух сравнений «часовое» оказывается все-таки более положительным: **заведенная машина** всегда характеризует кого-то, кто вроде автомата бездумно выполняет заданную кем-либо программу, а **заведенные часы** могут характеризовать человека, пунктуально, надежно и четко исполняющего свои трудовые обязанности. Например, в одной из деревень

Пермской области была записана такая фраза: «Она худо робит, не топит печки, то и стужа в школе. Когда я топила — как завсденные часы ходила, все печки в порядке были». Положительность оценки здесь налицо. Так «хорошее отношение» к часам стилистически перекрашивает даже те обороты, которые заведомо должны быть только отрицательными.

III. СВЕТ — ТЬМА

Сколько зим или сколько лет?

Современный человек, говоря о времени, пожалуй, основной его единицей считает час — не случайно, как мы видели, в русском языке это слово, некогда обозначавшее время вообще, постепенно стало обозначением именно этой единицы, а прибор для исчисления Хроноса мы зовем часами; сравните также украинское *годинник* или чешское *hodiny* (часы), в основе которых также лежит *година* и *hodina* (час). Так, однако, было далеко не всегда, ибо само понятие часа — не говоря уже о минуте или секунде — сравнительно недавнее достижение цивилизации.

Мы уже видели, сколь многообразны способы измерения времени и его ориентиры. Что же было его основным, исходным мерилем до того, как мы перешли на нашу «часовую» систему?

Пожалуй, одно из самых главных для человека противопоставлений — противопоставление Света и Тьмы. Оно пронизывает и всю мифологию, где эти две силы сражаются не на жизнь, а на смерть (причем первая олицетворяется именно белым светом, а

вторая — зияющей тьмой), и всю будничную деятельность наших предков. Это противопоставление наблюдается во временах года и в частях суток. В сознании праславян весна воспринималась как носительница света и тепла и противопоставлялась зиме как носительнице тьмы и холода, а светлый день соответственно противопоставлялся темной ночи. Кстати, у многих народов древности сезоны года сначала членились не на привычные нам четыре части, а на три. Весна и лето соединялись в один период года как его световая часть. Не случайно поэтому слово **лето** сохранило и старое значение **год**: это слово появилось в ряду славянской сезонной «четверки» в таком значении гораздо позже **весны** (или **яра**), **осени** и **зимы**. Вместе с тем совмещение в этом слове и общегодового, и летнего обозначений — прямое следствие активного противоборства света и тьмы. Темная, холодная пора года тут как бы вовсе не принимается в расчет, светлой же придается глобальный смысл.

Русское выражение **Сколько лет, сколько зим!** употребляется при встрече давно не видевшихся людей, и это приветствие ярко оттеняет эту двойственность слова **лето**. Оживление «сезонной» семантики как бы удлиняет время, в течение которого встретившиеся не виделись. Экспрессивность оборота усиливается и повторением слова **сколько**. Писатели и поэты, чуткие к таким «обертонам» смысла, хорошо используют это. А. П. Чехов в рассказе «Толстый и тонкий» намеренно меняет **лето** и **зиму** местами, тем самым как бы еще больше «нагнетая» растяжение времени, вытягивая его от меньшей

продолжительности к большей: «Порфирий! — воскликнул толстый, увидев тонкого. — Ты ли это? Голубчик мой! Сколько зим, сколько лет!..»

Еще больше акцентирует эту смысловую двуплановость О. Фокина в стихотворении «Мой хрустальный апрель...», где **зима** и **лето** не только переставлены местами, но и теряют уже практически свой этикетный смысл, превращаясь из приветствия в горькое сетование:

Мой хрустальный апрель!
Календарь листается...
В сентябре ль, в декабре ль
След твой потеряется?
Смоет дождь, скроет снег,
Вытопчут прохожие?
Сколько зим, сколько лет
Между нами, боже мой!
Сколько зим, сколько лет!

Надо сказать, что счет по «лстам», а не по «зимам» известен не одному лишь русскому языку (или вообще славянским), В немецком, например, **Sommer** (лето) также может в речи употребляться и в обобщающем значении: **Fünfzehn Sommer zählt' ich kaum** (Мне только исполнилось пятнадцать лет). Кстати, нельзя не упомянуть и о том, что немецкое **Jahr** (год), как и родственное ему английское **year** — одного индоевропейского корня со славянским **яро** (весна) — сравните польское и словацкое **jar**, чешское **jarо** (весна) и русское **яровые хлеба**, **яровые пчелы** (первый рой в улье летом). Световая пора года, следовательно, в народном сознании задер-

живалась прочнее и благодатнее, чем нескончаемые тягостные дни зимнего холода и голода.

Ясно, что противопоставление света и тьмы кончится в конечном итоге в обожевлении Солнца, характерном для мифологии всех народов мира. Солнце же в календарном цикле противопоставляется луне. **Солнце — луна, весна (лето) — зима, день — ночь, жизнь — смерть** — вот ряд очень родственных противопоставлений, постоянно пересекающихся в древнем сознании, следы которых мы то и дело находим и сейчас.

От белой зари до черного темна

Мы уже видели, как солнечный цикл породил часоисчисление от античных соляриев до цезиевых хронометров. Казалось бы, в народном обиходе именно восход солнца должен был стать исконной точкой отсчета светлого, дневного времени. Наблюдения этнографов, однако, показывают, что система «дочасовых наименований» не была столь прямолинейна: восходу солнца предшествовал целый ряд промежутков, которые именовались у нас **заутреня, ранняя заря, начало света**. В летнее время одним из таких наименований являлась **ранняя, или утренняя, заря**. Словом **утро** обозначалось время восхода солнца, были еще и **пол-утра, середь утра**, которые приходились на **церковное утро**. Время обеда, или обедни, наступало после **пол-утра**, но до **полудня**, после которого начиналось **полуденье** (у москвичей) или **уденье** (у новгородцев). Полдень был чем-то вроде предела дня и вечера, переходящего в ночь.

Дифференцированы были и наименования вечернего периода: **пáморочно** говорили о наступлении сумерек, **лягóмо**, **долго нóчи**, **куроглашение** — о наступлении темноты. Многие из таких народных обозначений говорят сами за себя — скажем, **лягóмо** (или **легомо**) — пора, когда ложатся спать. В украинском же языке это древнее слово до сих пор сохраняется в составе фразеологизмов у **пізні лягови**, **пізні лягма**, **облягома приїхав**, именующих позднее время.

В народной речи вообще немало словесных отпечатков этой древней системы: **Трою земля озарилась солнцем** значит, что трое суток прошло; иркутское **как солнце с полдён своротит** — то есть во второй половине дня; воронежское **на закате солнца** — это вечером; среднеобское **до свету** — до утренней зари; горноалтайское **до потúх зари** — до поздна. Все это, разумеется, лишь случайные осколки некогда цельной и яркой мозаики, наполненной практическим смыслом. Однако некоторые из таких осколков достаточно надежно закрепились и в литературном языке. Таковы выражения **от зари до зари** и **от темна до темна**. Первое исчерпывает весь суточный цикл, ибо может обозначать как время с утра до вечера, то есть с восхода до захода солнца, так и период с вечера до утра, всю ночь. Показательно при этом, что, как правило, первое значение относится к каким-либо «положительным» действиям, а второе — к предосудительным.

Что за звуки, что за песни польются
День-деньской от зари до зари!

(И. С. Никитин)

От зари до зари,
Чуть зажгут фонари,
Вереницей студенты шатаются...

(Старинная студенческая песня)

Более однозначен оборот от темна до темна, характеризующий лишь период от рассвета до темноты. Первоначально, видимо, имелся в виду **тёмнен час**, то есть темное время, а потом краткое прилагательное **темна** приобрело статус существительного. В народных говорах представлена масса вариантов этого сочетания: воронжское с **темна́ до темна́**; ярославское, иркутское, среднеобское от **тёмного до тёмного**; среднеобское, курское, псковское с **тёмного до тёмного**; иркутское от **потёмки до потёмки**, с **потёмков до потёмков**; воронжское с **раннего до позднего**; псковское с **белого до белого**, с **видного до видного**; рязанское с **видá до видá**. И здесь, как видим, то же настойчивое отражение света и тьмы, доходящее даже до единства противоположностей: ведь с **белого до белого** и с **видного до видного** значит то же, что и с **тёмного до тёмного**.

Большинство народных оборотов этого типа цепко закреплены за глаголами **трудиться** или **работать**. Ведь для крестьянина светлая часть дня была занята в основном трудом, зачастую беспросветным и мучительным. Не случайно лето красное называлось и словом **страда**. Помните — «В полном разгаре **страда деревенская**...»? **Страда деревенская** — это время сенокоса, уборки урожая, жатвы. Самый разгар лета, тепло и светло, а бывает — и света белого не взвидишь.

Уповоды, упруги, выги и червячки

В страду, да и не только в страду, рабочий день русского крестьянина длился практически от зари до зари. Он составлял 3–4, а иногда и 5 так называемых **уповодов** или **упругов** (опругов), то есть отрезков времени от еды до еды или до отдыха, длившихся 2–4 часа каждый. Распорядок дня был примерно таков: первый **уповод** от восхода (3–4 часа утра) до завтрака, второй — от завтрака до обеда, третий — до **полудника** (у южнорусов) или **паобеда** (у севернорусов), где-то около полудня или **паужина** (14–15 часов), и четвертый — до заката и ужина, определяемых наступлением сумерек и отходом ко сну. Сами слова **уповод** и **упруг** говорят об интенсивности крестьянского труда, ибо первое слово этимологически связано с **поводом**, **поводьями**, а второе — с **упряжкой**. **Уповод** в народной речи значит и перегон запряженных лошадей на 20–30 верст, который можно проехать, не кормя их; сравните у В. И. Даля: «Я доехал в три кормежки», то есть трижды кормя лошадей. Сам народ, следовательно, сопрягал эти отрезки времени с «лошадинным» трудом. Невольно напрашивается известное многим языкам сравнение **работать как лошадь**.

В этом отношении вполне логично, что временные отрезки напряженного труда — **уповоды** или **упруги** — отделяются друг от друга именно перерывами для еды. Эти перерывы назывались **выгями**. «Выть — этот строгий порядок в еде — можно было нарушить только в полевую страду... Упорядоченность вытей взаимосвязана с трудолюбием и поряд-

ком вообще. Отменить обед или завтрак было никому не под силу. Даже во время бесхлебицы, то бишь обычного голода, семья соблюдала время между завтраком, обедом, паужной и ужином. Скатерть разворачивали и ради одной картошки. Хороший едок редко не был и хорошим работником. Но он никогда не ел торопливо и про запас. Жадность не прощалась даже детям» (В. Белов).

От «повытного» способа определять отрезки времени остались лишь некоторые диалектные выражения: **от выти до выти** (от еды до еды) — обычно от обеда до ужина, **на одну выть** (на один раз, на один присест — о количестве пищи), **долгая выть** — способность долго не есть, **выть держать** — соблюдать определенные промежутки между едой. Кстати, известный всем оборот **заморить червячка**, буквально переведенный с французского *tuer le ver* (убить червя), во многом удержался в русском языке благодаря тому, что вобрал в себя значение старинного русского оборота **заморить выть** (или **заморить голод**) — то есть перскутить, утолить аппетит. Французское выражение значит выпить натошак крепкого алкогольного напитка, русское же — прямой безалкогольный наследник прежнего пищевого, «вытного» оборота.

Рассказывая о забытой ныне **выти**, нельзя не предупредить читателя, что слово это имело и много других значений. Иначе, знакомясь с некоторыми старыми текстами, он будет несколько озадачен. «Татя за первую татьбу бить кнотом и отрезать ему лъвое ухо», — можно прочесть, например, в «Уложении, по которому суд и расправа во всяких делах

в Российском государстве производится», изданном в 1649 г., — «и посадить его в тюрьму на два года, а животы его отдать исцом в выть». Пожалуй, битье кнутом и заключение в тюрьму вора за первую кражу еще кажется оправданным; отрезание же левого уха — хоть и жестокая, но привычная для средневековья расправа; но как понять фразу **а животы его отдать исцом в выть**? Неужели потерпевшему разрешалось законом людоедство?

Конечно же, нет. Просто надо знать, что **животы** здесь — имущество злополучного вора, а **выть** — это штраф, пеня, взыскиваемая судом за различные проступки. **Выть** также означала и участок земли определенных размеров, принятый за единицу обложения, и долю при дележе, распределении или оплате в совместном артельном владении и промысле, и просто — долю, порцию, пай чего-либо. Именно от последнего значения отпочковалось уже известное нам значение **перерыв для еды**.

Солнце на завтраках и обедах

Выть была не единственным «пищевым» измерителем времени. Так, донское **в з́автраки** значит утром; орловское **солнце на з́автраках** указывает на утренние часы, в которые обычно завтракают; калужское **з́автрики поздние** — это поздние утренние часы, а обороты **солнышко на обед пошло** и **солнце своротило на обед**, записанные В. И. Далем, характеризуют время полуденное. В «пищевой» тональности и ярославское слово **наўедни** — во время еды, обеда.

Из старинной «вытной» системы измерения времени на Руси наиболее живучим оказался **обед**. **В обед, до обеда, после обеда, к обеду** — в этих привычных выражениях речь идет не столько о принятии пищи, сколько о полудне. Привычных, однако, больше нам, славянам, ибо и англичане, и немцы, и французы имеют здесь иные временные ориентиры. Русским оборотам **до обеда** и **после обеда** соответствуют английские **in the morning** и **in the afternoon**, латинские **ante meridiem** и **post meridiem** (известные в английских сокращениях **am** и **pm**), немецкие **vormittags** и **nachmittags**, французские **dans la matinée** и **dans l'après-midi**. Ориентиром здесь служит либо утро, либо середина дня.

Не нужно, конечно, думать, что у других народов связь времени и обеда вовсе не понятна. В принципе, и англичанин, и немец, и француз свяжут буквальный перевод русского **до обеда** и **после обеда** с серединой дня. Ведь обыкновение соизмерять время с принятием пищи не менее древне, чем происхождение часов. В одной из комедий Плавта (середина III в. до н. э.), например, некий тунеядец слезно жалуется:

Будь проклят тот, кто изобрел часы
И первым в Риме выстроил солярий.
Мне в юности желудок был часами —
Всего точнее время измерял.
Лишь голодом его чуть-чуть сводило,
Он есть повелевал — когда, конечно, было
Хоть что-то... А сейчас? Нам позволяют есть,
Когда изволит солнце встать или сесть.

Видимо, этот пассаж — не только реакция консервативных римлян на введение солнечных часов, но и след пусть приблизительного, но уже распространенного способа измерять время промежутками между приемами пищи. Просто этот способ не стал столь традиционным, как в русских деревнях, и не запечатлелся ни в латыни, ни в современных европейских языках в такие привычные, обиходные временные формулы, как русские **до обеда** и **после обеда**.

Денное дневание и ночное ночевание

При исчислении времени, выбирая между светлой и темной частью дня, человек отдавал предпочтение свету. С научной, астрономической точки зрения день и ночь предстают в неизменном единстве. Сутки ведь — наряду с месяцем и годом — основная временная единица, обусловленная периодом обращения Луны вокруг Земли, а год — периодом обращения Земли вокруг Солнца. Тем не менее, у многих народов нет обобщающего наименования суток. У славян такое наименование есть лишь у поляков, украинцев, белорусов и русских. Причем, у поляков и украинцев — это древнее общеславянское слово **doba** (доба), которое развивалось по семантической линии **удобный случай, обстоятельство, положение** → **подходящее время** → **период времени** → **период времени, равный дню и ночи**. Русские же и белорусы воспользовались знакомым нам словом **сутки**, этимологически связанным с глаголом **тыкать**. Буквально это слово означает нечто вроде **стыковка, стык дня и ночи**, а его значение

развивалось таким образом: нечто соприкасающееся, стыкающееся (о предметах в пространстве) → стык дня и ночи (во времени) → объединение дня и ночи вместе. Чтобы передать это понятие, другие народы должны употреблять сочетание **день и ночь**, как в русской поговорке **День да ночь — сутки прочь**.

В этом, собственно говоря, секрет того, что всем известное выражение **денно и ночью** (круглые сутки, постоянно, все время) не имеет «современного» эквивалента **денно и ночью**. Ведь оно — не русское, а старославянское по происхождению, а следовательно, относится ко времени, когда в нашем языке еще не было обобщающего слова **сутки**. Современный его эквивалент поэтому — наречие **круглосуточно** и обороты **целые сутки, сутки напролёт**. Фразеологизм же **денно и ночью** сохранил неизменной свою архаическую звуковую форму, несмотря на то, что может употребляться сейчас в самых современных контекстах: «Туда — свой груз, оттуда — пришлый. Денно и ночью снуют автомобили» (Из газет).

Благодаря старинному звучанию это выражение обладает особой экспрессией, привлекающей поэтов:

Снега выпадают и денно и ночью,
Стремятся на землю, дома огибая.
По городу бродят и денно и ночью
Я, черная птица, и ты, голубая.

(Юнна Мориц)

Конечно, этот оборот «заряжается» еще одним древним источником экспрессии, кроме архаично-

сти формы, — «соединением несоединимого», т. е. сведением в одно двух полюсов, противостоящих друг другу: дня и ночи, света и тьмы. Такое сдвигание и приводит к тому, что время, обозначаемое этим оборотом, превращается из конечного ориентира (причем регламентируемого относительно небольшими его отрезками) в бесконечность.

Следы этого противостояния обнаруживаются и в других оборотах. **Дневать и ночевать**, например, сейчас нам кажется прямым продолжением старославянского **денно и ношно**. Недаром он значит проводить где-либо все свое время; находиться постоянно, бывать очень часто где-либо — выражение подчеркивает ту же замкнутость временного круга, что и наречный оборот **денно и ношно**. Связь их, действительно, несомненна. Однако есть и существенное расхождение. Во-первых, **дневать и ночевать** — в отличие от старославянского **денно и ношно** — оборот исконно русский, о чем говорят и его диалектные варианты, например рязанское **днять и ночевать**. Во-вторых, в древнерусском языке сочетание **дневати и ночевати** имело и свою «хронологическую» специализацию — оно обозначало несение очередной дневной и ночной службы: «Быть ему Ивану за нашу порукою у его великого государя дѣла въ Посолском приказе, ходить въ приставехъ, дневать и начевать съ своєю братьею въ свою очерѣдь» (Акты, относящиеся до юридического быта Древней Руси, 1672 г.).

Как видим, «дневание и ночевание» в Древней Руси напоминало «стражи» в Древнем Риме или Иерусалиме, по которым отсчитывали «денное» и

«нощное» время. Какой-то отголосок этого специализированного значения ощущается еще, пожалуй, и сейчас: днюющий и ночующий человек словно отбывает какую-то повинность, проводя у кого-то все свое время. Оттенок «регулярности» пребывания, возможно, уходит корнями именно в «сторожевое» прошлое нашего выражения.

Черные дни и голубые понедельники

Противостояние дня и ночи отражено и такими оборотами, как **отличаться друг от друга как день и ночь, белый день — черный день, ясно как [белый] день, чёрный как ночь**. В большинстве из них уже заметен отход от чисто временных представлений к мифологическим. Впрочем, для древнего мирозерцания такое смещение значений, как мы видели, отнюдь не казалось отходом, ибо время и миф выступали в неразрывной связи. Так же как противопоставление правого и левого казалась устойчивым мифологическим воплощением противоборства добра и зла, божественного и бесовского начал, так и светлая и темная части суток олицетворяли собой светлые и темные, «чистые» и «нечистые» силы. Не случайно с первым криком петуха и первыми проблесками зари нечистая сила прекращает свою «преступную деятельность» в соответствии с мифологическими законами многих народов. Бесы все делают наизнанку, не так, как «люди добрые», чтобы насолить роду человеческому. Поэтому-то они ночью не спят, «работают», а днем ничего вредного человеку сделать не могут.

Черный день — это мифологическое противоречие, ибо «настоящий», «божий» день должен быть светлым, белым. Черный же — такой, который аналогичен ночи и потому открывает дьяволу широкие, поистине ночные возможности. **Черный день** тем самым смыкается и с **недобрым часом**, и с **лихой годиной**. Закономерно, что этот оборот с хронологической точки зрения несколько раздвоен. С одной стороны, он сохраняет значение **часть суток** в пословице **Береги денежку на черный день** и в поговорке **беречь что-либо на черный день**. Здесь ведь речь идет о каком-нибудь неудачном периоде, который может длиться и гораздо дольше дня, то есть именно о **недобром часе**.

Иное дело — **черный** или **тяжелый день** как обозначение конкретного дня недели — **понедельника**, овеянного суеверным представлением о его неудачливости.

В пьесе А. Н. Островского, которая так и называется «Тяжелые дни», это суеверие, например, жестко регулирует поведение одного из героев: «Вот Кит Китыча не уговорить никак. А уж сколько раз замечала, как он в понедельник за каким важным делом выедет из дому, так либо пьяный приедет, либо безобразис уже непременно сделает».

В понедельник прежде старались не начинать никаких важных дел, не выезжать в дорогу, не принимать чего-либо решительного. Да и сейчас поговорка **Понедельник — тяжелый день** является горестным утешением для пьяниц, явившихся с тяжелого похмелья после воскресенья на работу. Каковы же корни этого суеверия?

Раньше его привязывали к библейскому мифу о сотворении мира господом богом: ведь «творец всего сущего», как известно, после каждого из своих первых шести «рабочих» дней (ибо на седьмой день он «почил от дел своих», то есть отдыхал от «миротворенья») оценивал сделанное фразой «это хорошо». И лишь после первого дня сотворения мира, как раз тогда, когда бог отделил свет от тьмы, в Ветхом завете нет фразы-рефрена «И увидел бог, что *это* хорошо». Сказано только: «И назвал бог свет днем, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один».

Что ж, пропуск оценки понедельника на «хорошо» в библии, видимо, действительно во многом способствовал укоренению суеверия о черном, тяжелом понедельнике в сознании честных христиан — не случайно оно распространено и у других народов, принявших некогда христианскую веру. У немцев, например, **schwarzer Tag** (черный день) — день, когда любое дело заранее обречено на неудачу, так сказать, день сплошного невезенья. У французов же и англичан обороты **faire le lundi**, буквально праздновать понедельник, или **faire fêter la Santilundi** (праздновать святой понедельник) и **to keep St. Monday** (блюсти святой понедельник) значат не работать в понедельник с похмелья, после воскресной гульбы.

В средневековой Европе среди мастеровых бытовали и так называемые **голубые понедельники**, по которым никто не работал: сравните немецкое **blauen Montag machen** (праздновать голубой понедельник). Этот обычай также связывают с известным нам суеверием: начинать работу, заранее обреченную на неудачу в столь тяжелый день, казалось бессмыслицей.

Как видим, устойчивая связь понедельника с «праздным» днем в народном сознании несколько опровергает прямое воздействие библейского «шестиднева» на это суеверие: ведь днем праздного времяпрепровождения, по библии, было воскресенье, а отнюдь не понедельник. Главное же — обычай черных и белых дней существовал у разных народов еще задолго до их христианизации. У язычников-римлян, например, были так называемые **черные дни** (*dies atrī*), в которые империи якобы угрожали неожиданные опасности. В эти дни важные общественные дела прекращались, чтобы не искушать «чернодневной» судьбины. Понедельник в Риме и относился к таким несчастным дням, по которым лучше никаких дел не совершать. В соответствии с противопоставлением света и тьмы римляне отмечали счастливые дни белыми, а несчастные — черными камешками.

Суеверие это, следовательно, уходит в языческие времена. В языческих же календарях многих народов (иранских, индийских, европейских) понедельник считался днем Луны; французское **lundi**, английское **Monday**, немецкое **Montag**, латинское **dies Lunae** буквально и значат **день луны**. А Луна, как «полноправная представительница» Ночи и Тьмы, во многих мифологиях связана и с темными, «нечистыми» силами и с «черной магией», то есть волхованием, колдовством, чародейством. Именно по «дням луны» колдунам и ведьмам могли удаваться их злые умыслы, которые вынашивались в долгие черные ночи. Так чисто временное представление вновь сплетается с мифологическим. И как бы ни осовременивался ныне «тяжелый день» понедельник, язык все-таки не

теряет этого мифологического прошлого. Он лишь переосмысливает это прошлое по-своему, превращая его в экспрессивную характеристику.

Мужские четверги и женские пятницы

Отрицательная оценка понедельника в суеверном сознании — не исключение. Практически все дни недели так или иначе оценивались прежде и были опутаны многочисленными поверьями. Некоторые мифологи и лингвисты объясняют распределение у славян дней недели на отрицательные и положительные («чистые» и «нечистые») действием оппозиции «чет—нечет». При этом, по их мнению, народная, языческая неделя была как бы противопоставлена церковной, восходящей к греческому, латинскому и иудейскому отсчету времени. Поэтому точно и неизвестно, каким днем начиналась и каким завершалась древнерусская неделя — седмица. В быту чаще всего ее началом было воскресенье, а концом — суббота, в церковной же практике ее счет велся с понедельника до воскресенья. «Существование «церковной» и «народной» недели, естественно, приводило к путанице в счислении времени. <...> Соответственно объясняются... разногласия в определении счастливых и несчастливых дней недели. Можно полагать, что во всех случаях четные дни считаются счастливыми, а нечетные — несчастливыми..., но отсчет идет в одном случае с понедельника, в другом — с воскресенья: в первом случае счастливыми днями оказываются вторник, четверг, суббота, во втором — понедельник, среда, пятница».¹¹

Противоречия в оценке дней недели в разных концах Славии, действительно, огромны. Тот же наш тяжелый понедельник, скажем, в Сербии — самый счастливый день недели. Любос начинание в этот день считается очень перспективным, а дети, родившиеся в понедельник, — везучими на всю жизнь. Во многих селах Сербии поэтому сев начинали именно по понедельникам. Следы такого противоречивого отношения к понедельнику можно найти и у других славян. В Полесье, например, в местах, где счет недели ведется с понедельника, а не с воскресенья, этот день попадает под положительную суеверную оценку первого дня. А в Черниговской области распространено поверье, что огурцы нужно сеять в понедельник, чтобы не было пустоцвета.

Столь же разнонаправленно и отношение к другим дням недели. Вторник у русских, белорусов и украинцев оценивался в целом положительно, как в общем-то и четверг. У болгар же, по некоторым данным, это были дни недобрые, когда лучше никаких дел не начинать, как и в наш понедельник. У сербов противоречивость подобной оценки усугубляется тем, что вторник был днем плохим, а четверг — одним из самых удачливых.

Очень непоследовательно и суждение о пятнице. К ней, с одной стороны, относится множество запретов, нарушение которых строго каралось: женщины не должны были прясть, нельзя было полоть и копать огород, на пятницы приходились посты и т. д. С другой стороны, по пятницам рекомендовались многие виды полевых работ, этот день почитался

в образе святой Параскевы Пятницы, аналогичной языческой богине Мокоши.

Распутывая все эти противоречия, можно прийти к выводу, что одной лишь оппозицией «чет—нечет» их объяснить невозможно. Множество критериев играло роль в оценке дней недели в народном календаре. Здесь и общие представления о добре и зле, и противоречия четного — нечетного, женского — мужского, первого — последнего, и специфика крестьянского быта и мифологических традиций на той или иной территории.¹²

Некоторые из этих критериев имели гораздо большее значение, чем противопоставление «чет—нечет». Последовательно, например, осуществлялось в народном обиходе противопоставление «женских» дней «мужским». Женскими считались среда и пятница (реже суббота и воскресенье), мужскими — понедельник, вторник и четверг. Сейчас нам такое распределение кажется лишь простой аналогией грамматическому роду соответствующих существительных. Прежде, однако, это была устойчивая многослойная традиция, регулировавшая трудовые действия, ритуалы, обычаи и повседневное поведение по конкретным дням. В зависимости от этого противопоставления накладывались запреты на те или иные виды «мужской» или «женской» деятельности — сев, жатву, прядение, ткачество, скотоводство.

Осколки таких традиций отражены и нашим языком. Так, выражение *семь пятниц на неделе* связано с «женским» днем: пятницы были торговыми, базарными днями, когда заключались и торговые, и долговые обязательства. Именно у того, кто обещал

отдать свой долг в следующую пятницу, но так и не выполнил обещания, и было первоначально «семь пятниц на неделе». Типично «мужским» днем издревле был четверг — день Перуна, бога грома и молнии. С его «профессиональной» специализацией — обеспечивать землю-матушку живительной влагой — связано наше выражение **после дождичка в четверг**. Иронический оттенок этого оборота во многом обусловлен противоборством христианства и язычества. Если для славян-язычников Перун казался всемогущим божеством, посылающим обильный дождь точно по «своим» дням — четвергам, то славяне-христиане относились к таким ожиданиям скептически, убеждаясь в бесполезности молний низверженному громовику. Язык, как видим, сравнивал различия между обещаниями, даваемыми в типично «женский» и в типично «мужской» день, ибо они оказались в равной мере ненадежными. История этих и других выражений, однако, показывает, сколь многогранным и полным мифологического смысла являлось это различие для наших предков.¹³ Правда, конгломерат самых разных наслоений и влияний, уходящих в седую древность, для недельного цикла особенно характерен, и потому четко отличить «свое» от «чужого», языческое от христианского, славянское от западноевропейского, иранское от вавилонского здесь очень и очень непросто.

IV. НЕДЕЛИ, МЕСЯЦЫ, МГНОВЕНЬЯ

Само понятие недели в Древнюю Русь пришло из Византии, в католические же страны — из Рима. Во

многих древних календарях дни недели именовались по планетам, посвященным языческим богам — Луне (которую, как и Солнце, прежде считали именно планетой), Марсу, Меркурию, Юпитеру, Венере, Сатурну и Солнцу. Романские народы заимствовали латинскую традицию, назвав понедельник днем Луны, вторник — Марса, среду — Меркурия, четверг — Юпитера, а пятницу — Венеры. Германцы «перевели» соответствующие наименования дней недели на имена собственных языческих божеств. Славяне же, в соответствии с византийской традицией, довольствовались цифровым обозначением дней «седмицы».

Безгодная неделя и мельник Емеля

Конечно, далеко не всегда, разбираясь в происхождении «недельных» оборотов, необходимо окунаться в столь давнюю старину. Явно современные и прозрачны по образу шуточные обороты **без году неделя** (совсем недавно, в течение короткого срока) и **мели Емеля, твоя неделя** (болтай себе попусту). Правда, и здесь этимолог может внести некоторые уточнения, связанные с историей «временных» слов. Но они не требуют экскурсов в другие европейские языки.

Без году неделя некоторые этимологи объясняют «каламбурной переработкой словосочетания **без недели год**.¹⁴ Такого словосочетания, однако, как реального прототипа нашего оборота не было. **Без году неделя** родилось не просто как гиперболический каламбур, основанный на алогизме, но и как

своеобразное продление привычного для древнерусского языка сочетания **безъ года** (не во время *или* безмерно); сравните также рязанское **безо время** (не во время). Не случайно оборот **без году неделю** употреблялся уже в XVIII в. точно в той же форме и значении, что и сейчас: «Да сыночек ваш служил без году неделю: сказали война, а он и на попятный двор» (Т. Н. Городчанинов).

Образованию этого фразеологического каламбура способствовала и привычная для народной речи «переключка» двух хронологических наименований: **Год не неделя, отдам, да не теперя** (утешение должнику); **Год не неделя, а все дни впереди**; **Неделя год кормит** — (дорога и неделя, то есть сделанное что-либо вовремя); **Терпи горе неделю, а царствуй год**.

Еще многослойнее простой на первый взгляд фразеологический каламбур с Емелей. В его основе лежит реально существовавший в русских семьях обычай чередоваться понедельно для выполнения различных домашних работ. Обычай этот, однако, касался в основном женщин: в многосемейных хозяйствах за таким «пересменком» строго следила свекровь или старшая невестка-«большуха». Младшие же бабы-невестки и взрослые дочери-невесты «вставали на трудовую вахту» по порядку: понедельно готовили пищу, ухаживали за коровами, доили их, мололи зерно на ручных жерновах. Характерно, что такие «дежурства» не отменяли основных весенне-полевых женских работ или привычного зимой труда — прядения и ткачества. Вот почему шутливая поговорка **Не моя неделя прясть куде-**

лю, записанная некогда В. И. Далем, связана, по его объяснению, с тем, что «бабы хозяйничают поочередно, а прядут, конечно, не по очереди». Это, следовательно, «насмешка над пряхою».

Такой же насмешкой над болтуном была и поговорка о Емеле. Но насмешкой гораздо более сильной, так как здесь женское дело — помол зерна на жерновах — относится к мужчине. Более того, имеется в виду ведь помол вовсе и не зерна, а всякого вздора: **молоть вздор, молоть чушь, молоть чепуху**, да и не жерновами, а языком: **молоть языком**. Сравните пословицы и поговорки типа **Зёрна мели, а много не ври; Мелет день до вечера, а послушать нечего**.

Но и это еще не все. Экспрессивный эффект этого оборота усиливается тем, что его герой Емеля — известный в народе сказочный персонаж, по иронии судьбы удачливый Емеля-дурак, а по ассоциации с глаголом **молоть** — **пустомеля**, хвастун, лгун и лентяй. Рифма **Емеля — неделя** — еще один ресурс экспрессии. Сравните другие обороты на основе этой же рифмы: **Мелет Емеля в свою неделю; Покинь, Емеля, не твоя неделя!** Самое же, пожалуй, важное для нас — поскольку речь идет о времени — что и слово **неделя** здесь неоднозначно. С одной стороны, это обозначение обычной седмицы-семидневки, с другой — намек на старое значение **недели**: так называли воскресенье, нерабочий день, день, когда «не делают», то есть не работают. В некотором отношении **Емелина неделя** — это и ирония над официальным церковным календарем, ибо церковь для каждой недели имеет свое название:

Фомина неделя, Страстная неделя и т. п. Емелина неделя, таким образом, — презрительная характеристика бессмысленного празднословия, выросшая на основе целого комплекса «временных», бытовых и чисто языковых понятий русского народа.

Такие насмешливые поговорки еще раз свидетельствуют о том, что понятие недели в народном сознании вторично. Как и во всей Европе, обозначения дней недели и представления о ней — результат длительного восприятия христианской хронологии. Народный же счет дней всегда был и сложнее, и динамичнее — отсюда и олицетворение дней недели, о котором уже говорилось, и различные запреты на работу по тем или иным дням, и «мужские» и «женские» дни. На оценку недели в народе влияла даже погода, в зависимости от которой ее дни имели свои цвета — красный или серый: «Погода делала дни недели счастливыми или не очень, ведро или непогода довольно ощутительно влияли на настроение, а у пожилых, много потрудившихся людей и вообще на здоровье» (В. Белов).

Ясный месяц и круглая луна

На что же ориентировались в народе при систематизации дней и ночей?

Естественно, на ту же оппозицию двух почитаемых им светил — дневного и ночного. Если измерение суток отталкивалось в основном от движения Солнца, то отсчет месяцев искони ориентировался на «возрастные» состояния Луны. Лунный календарь весьма сильно, кстати говоря, влиял и на не-

дельный счет. Однако само понятие месяца (как и его название) обязано исключительно фазам Луны. Народное наименование двух полюсов этого фазового движения — **молодик** или **новец** (молодой месяц), и **вѣтох** или **вѣтух** (старый месяц). Отсюда забытые ныне выражения **месяц на новце** — о новолунии и **месяц на вѣтхе, в вѣтхе, на ветху** — о луне на убыли.

Лунный календарь известен почти всем народам. У славян, особенно восточных, ему подчинен практически весь хозяйственный и бытовой календарь. Можно привести массу различных поверий, связанных с противопоставлением молодого и старого месяца. Так, сеять прежде рекомендовали не в самый молодик, а где-то между ним и ветохом — тогда все растет якобы быстрее. Свиной же резали именно в молодик — «чтобы сало было беленьким», иначе, если резать в старом месяце, сало будет желтое и пожухлое. Лен мочили в молодик, чтобы он также был белым, а вот дом строить советовали в ветохе — чтоб стоял долго и крепко.¹⁵

Обычно в таких поверьях ощущается метафорическое противопоставление свежей юности и крепкой старости, обнадеживающего начинания и многоопытного завершения. Всем известная русская примета — подержаться за какую-нибудь монетку при виде молодого месяца — основана на этом противопоставлении: перспектива роста Луны вызывает надежду на рост материального благосостояния. Эта примета отразилась и в народном (олонецком) сравнении: **А денежки-го чисты, как светлый месяц.**

Народные сравнения с месяцем у русских вообще предполагают прежде всего молодик: **как молодой месяц** или **как ясный месяц** — это характеристика молодого, ладного и красивого человека. В фольклоре встречаются и другие оттенки этого сравнения: **как молодой месяц: покажется, да опять и спрячется; один как ясный месяц; пропал как молодой месяц**. И конечно, старое как мир сопряжение месяца с солнцем: **красней красного солнышка, ясней ясного месяца**. Так в народе девушки оценивали любимого, «ненаглядного» да суженого.

Луна же — в духе противопоставления молодика и ветоха — чаще оценивается отрицательно: **кругла лицом как глупая луна, сиять как полная луна** — о постоянно улыбающемся, а потому и глуповатом лице; кубанское **личмáнистый как луна**, то есть **круглолицый** — о круглолицем парне. Правда, в русской летописной традиции луна оценивалась и позитивно: в Начальной летописи, например, оборот **сияше аки луна в нощи** характеризовал предшественницу князя Владимира, поддерживавшую христианство, — княгиню Ольгу. Это, однако, — дань книжной традиции, в то время как народно-поэтическая традиция явно отдавала предпочтение **молодику-месяцу**. Не случайно пушкинская Ольга в отличие от своей летописной «тезки» уже сравнивается с «глупой», а не «сияющей в нощи» лунной.

Особый вопрос — наименования месяцев в русском и других славянских языках. Нет, к сожалению, возможности рассмотреть эти названия подробно.¹⁶ Нельзя, однако, не сказать о том, что они — в отличие от принятого теперь «месяцеслова», который

распространился на Руси вместе с христианством и восходит к римским названиям Юлианского календаря — ярко отражали сезонный круговорот природы и трудовые циклы русского земледельца. В **просинце** (январе) увеличивалась, «просинивалась» светлая часть суток; в **сечне** (феврале) начинали «сечь», вырубать лес для подсечного земледелия; в **сухом** (марте) подсыхали срубленные деревья и земля после таяния снега; в **бѣрезне** (апреле) распускались березы; в **травне** (мае) выросли обильные травы; в **изоке** (июне) на полях стрекотали кузнечики: **изок** — это кузнечик; в **червне** (июле) — лили дожди, а с ними появлялось множество дождевых червей; июль назывался и **сѣрпнем**, то есть месяцем жатвы; в **зѣреве** (августе) наблюдались предосенние сполохи-зарницы; в **рѣбене** (сентябре) ревел во время течки скот; в **листопаде** (октябре) падали листья; а в **грудне** (декабре) замерзали **груды** — комья земли у дорожной колеи. Конечно, далеко не каждое из этих объяснений исчерпывающе, но каждое отражает основную тенденцию русского и вообще славянского народного месяцеслова — уловить в самом наименовании какой-либо характерный признак того или иного месяца. Признак, некогда имевший особое хозяйственное или мифологическое значение для наших предков.

Не совсем привычным для нас может показаться и прежнее деление года на сезоны. Судя по русским летописям и записям современных диалектологов, год начинался отнюдь не с 1 января. Для древнего русича начало года — весна, отсчет которой приходился на 25 марта (сравните мусульман-

ский новруз). С 24 июня наступало лето, с 24 сентября — осень, а с 25 января — зима.

С Первым апреля!

Такое отсчитывание сезонов лишь кажется странным. На самом же деле оно оправдано всем земледельческим циклом жизни разных народов, и потому во многих календарных и мифологических системах именно весна и начинается годовой круг.

За примерами далеко ходить не надо. Ведь даже обычай весело разыгрывать друзей и знакомых 1 апреля связан с таким отсчетом. Это — одна из древнейших весенних карнавалов традиций, восходящих к язычеству. Шутливые обманные праздники есть у многих народов. Индусы, например, в заключительный день народного празднества «гули» так же обманывают и разыгрывают друг друга, как и мы. Римляне отмечали подобный праздник — «фестиваль глупых» — 17 февраля.

В Европе обычай разыгрывать друг друга 1 апреля связан с тем же изменением календарной системы по «юлианскому» принципу, которое привело к переименованию наших месяцев. Сейчас апрель — четвертый месяц в календаре, но при Ромуле, основателе Рима, он считался вторым, причем в году тогда было лишь десять месяцев, и первым по календарю был март. Вторым апрель остался и тогда, когда к десяти прежним месяцам прибавилось еще два — январь и февраль. Они долго оставались последними и лишь на рубеже старой и новой эры с них начал отсчитываться Новый год.

По-латыни **aprilis** (апрель) буквально значит **открывающий**, то есть месяц весеннего пробуждения природы, месяц весеннего солнцестояния. Для древних это был, собственно говоря, праздник Нового года: в начале апреля дарили друг другу подарки, говорили добрые пожелания, веселились.

Традиция празднования весеннего солнцестояния сохранялась довольно долго. Но по указу короля Карла IX в 1564 г. в связи с изменением прежней календарной системы начало года во Франции было перенесено на 1 января. Тем самым прежний, первоапрельский Новый год стал неофициальным, «нестоящим». В этот день, в отличие от дня «серьезного» Нового года, можно было дарить не настоящие, а шуточные подарки, высказывать смешные пожелания и обманывать друг друга напропалую. В средневековой Германии, например, 1 апреля давали друг другу такие «поручения», как раздобыть где-либо (скажем, в аптеке) комариного сала, петушиных яиц, гусиного молока, сушеного снега, черного мела или булавочного семени. Словом, этот день стал, как говорят в Англии, «Днем всех дураков».

В Россию этот забавный обычай пришел из Европы при Петре I. Но уже во времена Сумарокова (1717–1777) он распространился весьма широко. В стихотворении «1 апреля» поэт так и писал:

Апреля в первый день обман —
Забава общая в народе.

Секрет столь быстрого распространения этой европейской традиции прост: она нашла благодатную почву в чисто русских обычаях отмечать «настоя-

щес» начало года — Весну. Не случайно сохранились и народные названия 1-го апреля — **вралева́тый день** или **Марьи-вральи**. Характерно при этом, что этот день совпадал с днем церковной святой — Марии Египетской.

Первоапрельскими шутками забавлялись как простые горожане, так и цари:

Брови царь нахмура,
Говорил: «Вчера
Повалила буря,
Памятник Петра».
Тот перепугался.
«Я не знал!.. Ужель?» —
Царь расхохотался.
«Первый, брат, Апрель!»

(А. С. Пушкин)

Популярность первоапрельской традиции понятна. В «День всех дураков» никто не боится быть одураченным, поскольку шутки безобидны, и все имеют право на добродушный обман и смех — как над другими, так и над собой. Смех очищает души, как солнечное тепло очищает землю от снега, а реки и озера от ледяного панциря. Аналогия, быть может, очень уж метафорическая, но возвращающая нас к истоку этой традиции — начинать новый год именно с Весны.

Между всеми основными временными промежутками существовала, как мы видели, постоянная связь, уходящая во взаимодействующее противопоставление Солнца и Луны. Единой цепочкой оказывались связанными день и лето, с одной стороны, и

ночь и зима — с другой. **Весна и осень** обогатили это временное противостояние, использование слова **лето** для обобщающего наименования года еще более расширило масштаб «сезонности». **Сутки и месяц** — самые наглядные, всем видимые, а потому и универсальные воплощения этого «единства противоположностей». Лунная система счета времени, возникшая в результате условного согласования суток и месяца, считается самой древней. Согласование же между собой **суток и года** привело к созданию солнечной системы хронометрии. Комбинирование этих систем — основа лунно-солнечной календарной системы, где **сутки и месяц** согласуются с годами.

Представление наших предков о времени было конкретно-образным: всепоглощающий Хронос мыслился ими не как вереница последовательных изменений, но как регулярное повторение одних и тех же явлений и периодов. Ритмы самой природы, цикличность протекающих в ней процессов, неизбежная рутинность трудовой деятельности, жестко зависящая от окружающего мира, и заставляли представлять **Время** как регулярную смену дня и ночи, одного сезона — другим. Оно еще не осознается как протяженность, а его регулярно повторяющиеся периоды воспринимаются скорее как ориентиры-характеристики того или иного периода, чем как хронометрически выверенные единицы. Лишь ориентация на лунный календарь и выделение такой единицы, как **месяц**, привели к чисто количественному, а не качественному распределению времени. Впрочем, оппозиция «качество — количество», соответствующая «цикличности — линейности», вряд

ли была столь четкой: не случайно народные наименования месяцев у славян обладают достаточно большой характеристичностью.

От мгновения век до золотого века

Мы уже видели, что при определении времени наши предки меньше всего заботились об абсолютной его точности. Это и понятно: постоянные передвижения светил, сдвиги в чередовании суток, месяцев, времен года заставляли смотреть на такие временные промежутки, как час, минута, а тем более секунда, сквозь пальцы. Вот почему распределение суток на более дробные периоды появилось достаточно поздно. Да и появившись, оно долго не могло стабилизироваться «в духе современности». Не случайно, как нам уже известно, число часов в древнерусских сутках колебалось от 7 до 17.

В Древней Руси час начали делить на минуты и секунды с XII в. Но это — делить, так сказать, «официально». Прагматической потребности в выделении таких промежутков времени, действительно, не было, поскольку ни трудовые процессы, ни спортивные ристалища, ни средства передвижения той эпохи в особой точности не нуждались. Тем не менее, в русском языке, как и в языках многих народов, издревле бытует наименование мельчайшей (хотя и неопределенно мельчайшей) единицы времени — миг, мгновенье. Она вошла и в ряд устойчивых оборотов, характеризующих быстрое совершение чего-либо, — в один миг или в одно мгновенье. Слова миг, мгновенье — общеславян-

ского происхождения. Образ, скрытый в них, весьма прозрачен: промежуток времени, за который можно **мигнуть**, **прижмурить**, **закрыть веком глаз**. Об этом говорят и такие слова и выражения, как **не успел и глазом моргнуть**, **проморгнуть не успеешь**, **только моргнуть — всё сделаю** — то есть скоро, живо; сравните в среднеобских и иркутских говорах: **глазом не мелькнуть** говорят о мгновенно совершившемся действии, **одним мёргом сделано**, **мельком** — то есть мгновенно.

Эти слова и выражения рано попали в книжный обиход, о чем свидетельствует выражение **во мгновенье ока**, которое широко употреблялось и в старославянском, и в древнерусском языках в разных вариантах: **въ мгновение ока**, **въ мгновение оку**, **въ мгновении**, **во многовения ока**, **в мегновеньи ока**, **единымъ мегновением**. Сравните также: **окомъ мгнути** — очень быстро, **вмиг** (сделать что-либо) и **окомгновение** — кратчайший промежуток времени.

Мгновение ока — некая универсальная человеческая категория времени, несмотря на ее неопределенность и яркую образность. Она известна и немцам, чей **Augenblick** (миг) означает именно **мигание глаза**, и французам, чье **en un clin d'œil** (в один миг) значит не что иное, как **в одно наклонение глаза**, и англичанам, чье **in the twinkling of an eye** буквально совпадает с нашим **в мгновенье ока**.

Такая универсальность не случайна. Недавно ученые с помощью детального исследования доказали, что именно «миг» глазного века является самым быстрым движением, на какое способен человек. Для такого движения необходима всего лишь одна деся-

тая доля секунды. Это и понятно. Ведь веко несет одну из самых важных «вахт» человеческого организма: оно должно беречь денно и нощно глаз. Беречь его как **зеницу ока** или даже — **пуше глаза**.

Значит, наши древние **миг** и **мгновенье** — гораздо более мелкие единицы, чем минута и даже секунда. Быть может, поэтому новгородский монах Кирик, написавший в XII в. так называемое «Вопрошание Кириково» — своеобразный трактат о точном времяисчислении, — в отдельном фрагменте «О дробном делении часа» сумел предложить оригинальную систему такого деления, конечной единицей которого был отрезок примерно в 20 раз меньший, чем известная нам секунда. Не есть ли это то самое древнерусское «мгновение», с достаточной для XII в. точностью исчисленное одним из первых русских хронологов?

Русский **миг**, следовательно, старше **минуты** и **секунды**. Откуда же появились эти две кратчайшие «официальные» единицы времени и что они первоначально значили?

Обе они — из того же источника, что и юлианский календарь. **Минута** — усеченная форма латинских словосочетаний *minuta hora* (уменьшенный час) или *pars minuta prima* (первая сокращенная часть [часа]). Это причастная форма от глагола *minuere* (уменьшать, сокращать); сравните **минус**, буквально значащий **меньше**. **Секунда** же — усеченная форма сочетания *pars minuta secunda* (вторая сокращенная часть [часа]), где *secunda* — порядковое числительное **вторая**. Такая шестидесятеричная система исчисления единиц часа, восходящая к Птоло-

мею (II в. н. э.), проникла в Европу (в том числе и в Россию) в средние века.

Довольно быстро **минута** и **секунда** распространились и в народной речи, о чем говорит скрещение **мига** с **минутой** в одно слово **минт** (миг), отраженное уже словарем В. И. Даля. Да и сейчас еще выражение **в один минт** (тотчас, очень быстро) употребляется в Калужской, Рязанской и Тульской областях, а его синоним **живым мѣнтом** — в Московской и Тульской. Немало в живой речи и слов и выражений, образованных от собственно **минуты**: архаичное **сей минут** (только что, сию минуту); вологодское **минуты миновать** (проводить минуты); иркутское **на минуте** (только что, недавно), **минутина**, **минутинка**, **минутушка**.

Попав в исконно русский временной круговорот, латинская **минута** приобрела и фразеологические связи. Об этом говорят выражения **без пяти минут кто**, **минута молчания**, **минута в минуту**, **сию минуту**, **в считанные минуты**, **в одну минутку**, **через минутку**. Такие связи привели, как часто бывает, к обобщенному значению слова. Любопытно сопряжение **минуты** в русском фольклоре с **часом** как общим обозначением времени: вологодское **минутенный часочек**, новгородское **минутенький часок**, амурское **минутовый часочек** и олонекское **минутный часок** значат предельно короткий промежуток времени.

Что во вашем теплом гнездышке
Не годочек мне годовати...
Только красоваться мне, молодехоньке,
Что один-то часок минутенький.

Такую песню пели когда-то в Новгородской губернии. А под Рязанью выражение **благая минута** и сейчас употребляется как синоним **недоброго часа**: по суеверным представлениям, это неблагоприятное для чего-либо время, время разгула нечистой силы.

Как видим, и здесь — удивительная общность восприятия самых различных по длительности хронологических отрезков. Впрочем, ничего удивительного в этом нет. Ведь как бы ни расчленил человек Время на секунды, часы или световые годы, оно остается при этом единым в своей бесконечности. Любой миг — лишь частичка вечности круговорота Хроноса, даже если этот миг и неповторим.

Такая «круговоротность» Времени своеобразно отражалась в восприятии прошлого и настоящего нашими предками. Прошлое им представлялось как «предыдущее», то есть идущее впереди, а будущее — как идущее сзади. «В Древней Руси прошлое впереди только потому, что оно начинает собою цепь событий, а настоящее и будущее сзади потому, что они эту цепь замыкают: здесь нет места для представлений о положении самого человека относительно этих «спереди» и «сзади». Представление о настоящем еще не выкристаллизовалось, не отделилось полностью от представления о будущем».¹⁷ Лишь при таком понимании времени можно объективно истолковать, например, следующую фразу из «Слова о полку Игореве»: «Мужаймься сами: преднюю славу сами похытимь, а заднюю ся сами подѣлимь», то есть прошлую славу завоюем себе сами, а будущей славой (которая последует) поделимся.

Аналогичное представление о прошлом, настоящем и будущем временах было и у древних греков, и у римлян. Собственно, на нем в какой-то степени покоится миф о так называемом золотом веке. Это своеобразное «будущее в прошедшем» у многих народов. Мечтая о бессмертии, привольной и обеспеченной жизни без войн и социальных противоречий, творцы фольклора смещали временные пласты, перенося чаяния о будущем в воспоминания о давно минувшем и потому никогда не существовавшем нигде, кроме разве что человеческого воображения:

Первым век золотой народился, не знавший возмездий,
Сам соблюдавший всегда, без законов, и правду и верность.
Не было шлемов, мечей; упражнений военных не зная,
Сладкий вкушали покой безопасно живущие люди.
Вечно стояла весна; приятный, прохладным дыханьем
Ласково нежил эфир цветы, не знавшие сева.
Боле того: урожай без распашки земля приносила;
Не отдыхая, поля золотились в тяжелых колосьях,
Реки текли молока, струились и нектара реки,
Капал и мед золотой, сочась из зеленого дуба.

Так описывает благости золотого века римский поэт Овидий в своих «Метаморфозах». Его предшественник, греческий поэт Гесиод, в поэме «Труды и дни» воспел этот век не менее красочно. Но светлое будущее со временем уходило назад: золотой век сменился серебряным, затем медным, затем веком героев, когда разразились кровавые битвы под Фивами и Троей и, наконец, человечество вступило в жестокий и развращенный век — железный, когда «ни днем не прекращаются труды и печали, ни ночью».

Время и Безвремяе

Золотой век в античной мифологии нерасторжимо привязан к всемогущим божествам Времени — Кроносу и Сатурну, ибо именно во времена их верховной власти люди и «жили как боги». Понятно теперь, почему римляне золотой век именovali и веком Сатурна. С одной стороны, как видим, жестокость Кроноса и Сатурна, доходящая до пожирания собственных детей, с другой — век всеобщего благоденствия и счастья. Время — и ежесекундный пожиратель нашей жизни, и вечный ее источник и утешитель.

Мечтая о вечности, живя мгновеньями, часами и долгими годами посильных и непосильных забот и трудов, человек, однако же, боится больше всего отнюдь не Времени, а — безвременья. Не случайно в русском языке слово **безвремяе** издревле является синонимом больших несчастий и бед. «И бысть ему въ грѣхъ и въ стыдъ великъ, и съ того побѣже къ ордѣ, не терпя горкаго своего безвременна и срама и безсчастиа», — такова запись под 1406 годом в одной из русских летописей (VII–VIII Летопись по Воскресенскому списку). **Безвремяе** в ней приравнивается не только к бсссчастию, но и к великому стыду и сраму, то есть несчастию нравственному.

На Руси, как и в других державах, бывали целые полосы «безвремений». Так, эпохой безвременья называют историки 80–90-е годы XIX в. — время разгула крепостнической реакции и разброда среди части русской интеллигенции после поражения народничества.

В стихотворении же В. Высоцкого «Я никогда не верил в миражи» этим словом характеризуется совсем иной, более близкий к нам период:

И нас хотя расстрелы не косили,
Но жили мы, поднять не смея глаз.
Мы тоже дети страшных лет России,
Безвременье вливало водку в нас.

Безвременье здесь — это период, который теперь именуют точными и емкими словами: период застоя 70-х годов. В такие годы время действительно застывает, а значит, и перестает быть **Временем**, смысл которого — в неустанном движении. Вернуть ему этот изначальный смысл и значит для каждого из нас — наполнить жизнь смыслом. И жизнь всей страны, и — свою собственную.

вольственным запасам, и своим собственным физическим и духовным возможностям. А чтобы знать, надо найти точные наименования всему измеряемому, найти объективное мерило для сравнения разных по пропорциям предметов и явлений, ибо все познается в сравнении.

Пределы — это, прежде всего, Пространство, второй после Времени фактор жизни и деятельности человека. Измерение пространства начинается с нашего первого самостоятельного шага по земле и кончается последним шагом.

Судьба слов, обозначающих меры длины, веса, объема, — яркий пример движения народов к взаимопониманию. Читая классику, мы то и дело натываемся на неведомые нам ли — традиционную для Китая единицу измерения расстояния, приблизительно равную 0,5 км, таинственные лье — старинную французскую меру длины, равную приблизительно 4,5 км, или звучный английский ярд, равный примерно 91,5 см. Комментаторам, переводчикам и составителям словарей приходится немало трудиться, чтобы передать эти обозначения на свой аршин. И очень редко при такой передаче можно обойтись без слова **приблизительно**: каждый народ, как правило, вырабатывал шаг за шагом свою собственную иерархию мер, которую, конечно, можно точно исчислить, но достаточно затруднительно передать **тютелька в тютельку** другой национальной меркой типа **русской версты** или **вершка**. Эти затруднения чаще всего усугубляются и тем, что большинство исконно национальных, народных мерок и были изначально весьма приблизительными — не случайно

русские сажени или аршины, как увидим, обозначали в разное время и в разных местах России широкий диапазон «измерительности», сбивая с толку доверчивых покупателей и обогащая ловких аршинников-купцов.

Необходимость унифицировать меры возникла с развитием обмена, торговли, государственности. Однако сама потребность в измерении восходит, конечно, к глубокой древности, ибо ни самое незначительное перемещение в пространстве, ни постройка жилища, ни изготовление орудий труда и оружия невозможно без «снятия мерок».

От верженья камня до пушечного выстрела

Понятно, что при такой «примерке» нашим предкам приходилось обращаться не к метрическим выверенным эталонам, а к самым бытовым и обыденным предметам, попадавшимися под руку. Например, камню.

Расстояние брошенного рукой камня издревле считалось вполне приемлемым мерилом пространства. В памятниках древнерусской письменности нередко встречаются такие описания: «ширина реки человеку каменем бросити» (Хождение купца Федота Котова в Персию, XVII в.); «Тамо под городом есть гора плоска каменна... от города каменемъ кинути» (Книга нарицаемая Козмография..., XVII в.); «Си убийцы отпустиша и вѣжи [*то есть* осадные башни] его, а сами съседоша с конь въ торгу, близъ бо бѣ [был], яко каменемъ веречи [бросить]» (Новгородская четвертая летопись, 1318 г.).

В истории русской метрологии такое «каменное» измерение расстояния часто сопоставляется с термином *вержение камня* (*вержение камѣнное*).¹⁸ Оно встречается в церковнославянском языке и восходит к евангельскому обороту, который буквально значит **расстояние на бросок камня**. Такое измерение было известно и другим славянам, что до сих пор отражено в их языках. Так, польское, чешское и болгарское выражения **jak kamieniem dorzucić**, **so by kamelom dohodil**, **един хвърлей камък** (**място**) буквально переводятся — **как камнем добросить, всего один бросок камнем**. Переносное же их значение — чрезвычайно близко, рукой подать. В современном русском языке такие обороты не сохранились. Однако в литературе XVIII в. они еще встречаются. Например, в книге В. Левшина «Вечерние часы, или Древние сказки славян древлянских» (1787–1788) читаем: «Жители Альбинальские при взгляде на великолепный дворец, построенный с полуночи, из которого можно было камнем добросить в палаты их султана, объята были неописуемым ужасом: ударили тревогу, кричали к ружью, и весь город сбегался».

Употребляя такие выражения обобщенно, нет необходимости уточнять их значения и переводить «вержение камня» в метрическую систему. Историков приблизительный ответ, однако, не устраивает, ибо для них бросок камнем — не просто метафора, но и прямое географическое указание. Отсюда постоянные попытки установить хотя бы средние размеры этого древнерусского «каменного броска». Одни ученые, например, приравнивали «вержение

камня» к 20 сажням, то есть 42,5 м. Естественно, что при этом нельзя учесть ни веса, ни размера камня, ни физической силы камнеметателя. Поэтому более осторожные определяют длину «вержения» приблизительно — от 40 до 60 м.

Характерно, что и народные меры расстояния, аналогичные древнерусскому вержению, соответствуют именно такому масштабу. Так, на Брянщине еще в начале этого века было записано слово **шибавище** — от глагола **шибать** (бросать, кидать), обозначающее такое расстояние, когда, по словам крестьян, «можно средним камнем **верзить**», то есть сажень 25–30 (около 52–60 м). Такой же дальности и смоленское **метавище** (от **метать**) или украинское **кидь** (от **кидати**) — это расстояние, на которое можно бросить, метнуть, кинуть камень. При всей своей приблизительности, следовательно, бросок камнем сослужил добрую метрологическую службу нашим предкам.

Не менее популярным измерительным прибором была и брошенная кем-либо палка. «До Сушцева дойдете, а там до Овиннища — палкой кинуть», «Пройдешь Полное, а там до Крósнова палкой как добросить», «От той деревни до Сакоива — палкой бросить» — так еще и сейчас характеризуют недалекое расстояние между населенными пунктами Псковской области. Мера образная и при этом — предельно конкретная. Недаром жители псковских деревень употребляют ее и чуть ли не в прямом значении: «До коров — палкой бросить». Ясно, что речь здесь идет о расстоянии, не превышающем древнего «вержения камнем».

Этой единицей измерения пользовались также издревле. В запорожской рукописи о кладах, например, дается следующая ориентировка для кладоискателя: «У Белоцерковщине село прозывается Блощинце, идучи от Смѣлянщини до села... как палкою кинуть яр, у яру криницы уся в воде, криница рублена». ¹⁹ О древности такого измерения расстояния у восточных славян свидетельствует и то, что выражение **ек поленом кінуць** (как поленом кинуть) до сих пор употребляется жителями окрестностей южнобелорусского города Турова. «Такі кусочек двора, ек поленом кінуць», — так охарактеризовал небольшое пространство своего дворика один из жителей деревни Хачень.

С развитием метательной техники совершенствовались и единицы измерения расстояния. Одним из древнейших конкурентов камню и палке оказалась стрела, пущенная из лука. В уже упомянутой «Козмографии» 1670 г. находим такое описание высоты: «Высота несказаемая: из лука дострелити невозможно, птица одним перелетом перелететь не может». Судя по этому описанию, расстояние пущенной стрелы было каким-то определенным измерительным пределом, за которым уже простирался некий неизмеримый простор.

И действительно, слова **стрѣлище, стрѣлбище, перестрѣль, стрѣлія** постоянно встречаются в русских письменных памятниках. «Ста Володимерь... в лимени, дали града стрѣлище едино...» — читаем уже в «Повести временных лет». Каково же было расстояние, которое отделяло князя Владимира, стоявшего в далеком 988 г. у лимана, от городища,

упомянутого в летописи? Известно, что опытный и сильный стрелок из лука способен пустить стрелу на 100 м и более. В то же время для прицельной стрельбы обычно расстояние в 50–55 м. Какая же из этих двух мер употреблялась летописцем?

Историки выбирают золотую середину: считается, что упомянутые единицы обозначают расстояние, равное 60–70 м.

Со временем, однако, в понимании дальнобойности названных мер возникли разночтения «по техническим причинам». Ведь корень **стрел-** с переходом на огнестрельное оружие изменил свое значение. Говоря теперь **выстрел, стрелять, подстрелить**, мы уже и не думаем о стреле, хотя первый выстрел и был произведен именно ею. Затем стали «стрелять» и камнями, и ядрами, и пулями, что и привело к необходимости уточнять соответствующие им пространственные мерки: «Слезли с коней... за лучное стрелбище» (1618 г.); «Затон великой, якобы версты на дьве и больше длиною, а поперегъ изъ пищали перестрѣлить» (1653 г.); «От Чернаго моря протокъ в Бѣлое море... яко изъ самопала добраго перестрѣлить» (1653 г.); «Острова такъ близко самого Гамбурга, что в перестрѣль из фузей» (1708 г.); «[Кавалерия отступила] отъ помянутой деревни не больше пушечного перѣстрѣла» (1719 г.); «Не доходя [турецкого лагря]... на перестрѣль пушечной» (1739 г.).

Во всех фразах, приведенных из различных источников, отразился динамизм измерения пространства с помощью «выстрелов» разного рода — от «лучного стрелбища» в 1618 г. до «пушечного перестрела» в 1739 г. Естественно, что и последняя мера

не оставалась неизменной — она все больше и больше возрастала в размерах, хотя словесное ее обозначение практически не изменилось. Видимо, это и было одной из важных причин того, что постепенно оно было изъято из метрологического арсенала «за явной неточностью» и выпало во фразеологический осадок. И когда Фамусов в грибоедовской комедии провозглашает:

Строжайше б запретил я этим господам
На выстрел подъезжать к столицам,

читателю уже не важно, на расстоянии какого именно выстрела он хотел бы держать от столицы таких «карбонарисв», как Чацкий. Не важно даже, пушечный ли это выстрел, или «фузийный», или пистолетный. Важно лишь, что ему хотелось бы отправить всяких возмутителей его спокойствия как можно дальше, предпочтительнее туда, куда Макар телят не гонял. Не случайно же в заключение своей дискуссии с Чацким он несколько раз выкрикивает:

Не слушаю, под суд! под суд!

Словосочетания **на выстрел, на пушечный выстрел, на расстоянии пушечного выстрела** еще в XIX веке могли восприниматься и в прямом, и в переносном значении, ведь традиция «выстрельного» измерения пространства была достаточно сильна. «Николай» подошел к берегу на пушечный выстрел», — пишет в книге «Подвиги русских морских офицеров» адмирал Г. И. Невельской (1813–1876). А у Л. Н. Толстого в «Казаках» это сочетание явля-

ется мерилom лесного, а не морского пространства: «От станицы до станицы идет дорога, прорубленная в лесу на пушечный выстрел». В обоих случаях речь идет о довольно конкретном расстоянии, и хотя оно, несомненно, гораздо больше пушечного «перестрела» времен Ивана Грозного, тем не менее несравнимо с той «подсудной» фразеологической удаленностью, на которой фамусовым хотелось бы держать чацких.

В наши дни оборот **на пушечный выстрел** употребляется лишь в переносном смысле, причем — весьма обобщенном: **не подпускать (не допускать) на пушечный выстрел** (к кому-либо, чему-либо) значит не позволять иметь какие-либо дела с кем-либо или чем-либо, а **не подходить (не подъезжать)** (к кому-либо, чему-либо) **на пушечный выстрел** — это не иметь ничего общего с кем-либо или чем-либо: «Так называемых порядочных [женщин] я к себе и на пушечный выстрел не подпускаю» (А. П. Чехов); «Я не подойду к вашей сестре на пушечный выстрел» (А. Володин); «[Его] не следовало бы и на пушечный выстрел подпускать к общественному хозяйству!» (В. Овечкин); «А уж о пьяницах и дебоширах и говорить нечего. Их на пушечный выстрел не подпускают к охоте» (Из газет).

Прототип «пушечного» выражения может быть найден еще в лучной стрельбе: словарь В. И. Даля зафиксировал сочетание **на перелет стрелы**. Оно было в свое время мерилom достаточно большого и точно измеримого расстояния.

Чем больше, однако, отрывались слова и словосочетания «стрелцкого» дела от своей конкретной

первичной основы, чем приблизительнее они обозначали пространство, тем решительнее переходили в разряд метафорических наименований. Но при этом все-таки первичное значение и сейчас во многом регулирует их переносное употребление: не случайно мы без всяких этимологических комментариев понимаем, что псковский народный оборот **как палкой бросить (добросить, кинуть)** или болгарский **един хвърлей камък** значат очень близко, а **на пушечный выстрел** — крайне далеко. Смысловая же удаленность между этими выражениями красноречиво напоминает нам о той «дистанции огромного размера», которая пройдена от эпохи бросания камней до эры пушечных выстрелов.

От собачьей рыси до мерного шага

В арсенале народных мерок расстояния и величины, естественно, имеется немало и чисто «гражданских», мирных эталонов. В Латвии и на Украине, например, когда-то определяли расстояние по дальности распространения звука — ржания лошади, мычания быка, рева вола. Последняя мера длины так и называлась — **воловий рик**. В вологодских говорах ей соответствует **коровий рык**: «Он живет от них на коровий рык».

У восточных же народов некогда весьма популярной меркой расстояния было петушиное кукареканье. В повести В. Варжапетяна об Омаре Хайяме «Запах шиповника» есть такие строки: «Только мы проехали расстояние в один петушиный крик, как налетел ветер и поднялся снежный вихрь». Судя по

всему, эти голосовые эталоны расстояния были приблизительно одинаковыми, несмотря на различную силу и модуляцию конского ржания, воловьего рыка или петушиного кукареканья. В некоторых же русских деревнях площадь земельных наделов измерялась **переклёками**, то есть таким расстоянием, на каком слышен человеческий голос.

Широко использовались и многие бытовые предметы, которые нам теперь никак уж не кажутся измерительными приборами. В Брянской губернии мерой участка для рубки леса были **топоры**, в Калуге площадь торговых лавок определялась **замками, дверями и растворами** (то есть складными дверями лавок), в Архангельской губернии землю мерили **веревками** (около 1850 квадратных сажен), а в Пензенской губернии — **заступами** (около 300 квадратных сажен или 1366 кв. м).

Еще более оригинальными могут нам показаться украинские измерения расстояния и площади с помощью табачного дыма, об этом сообщают этнографы прошлого века. Эти меры назывались **сук, сучок** и **люлька**, то есть трубка для курения табака, так называемая «носогрейка». Определяя пространство между двумя пунктами, так и говорили — **путь на два сука**, то есть такой, что за это время можно выкурить две трубки. Обходя же земельный участок за три табачных «перекура», определяли: **нива на три сука**. Любопытно, что подобный способ измерения в начале XX века был известен и в Англии:

Одна леди спросила прохожего, как далеко находится нужный ей дом. Тот ответил:

— Одна собачья рысь, мэм.

— И что же это такое? — переспросила леди.

Прохожий, поколебавшись несколько, ответил:
вал:

— Ну, это столько, что можно выкурить полную трубку табаку, мэм!²⁰

Ответ этот вполне серьезный, а не шуточная отговорка, ибо англичанин вполне точно представляет себе и размер «собачьей рыси», и меру, равную одной выкуренной трубке. Да и для нас «курительная» мера вполне понятна. Можно ведь сказать: «Он и сигареты выкурить не успел, как дошел до вокзала». Многие помнят строки поэта-фронтовика Н. Майорова:

Мы были высоки, русоволосы.
Вы в книгах читаете, как миф,
О людях, что ушли недолюбив,
Не докурив последней папиросы.

Конечно, в них речь идет о времени — о безжалостно коротком времени, а не о пространстве. Но ведь эти понятия тесно переплетаются в человеческом сознании и в реальности, и смысл недокуренной «последней папиросы» у Н. Майорова и украинской носогрейки, которой когда-то измеряли земельную площадь, всем понятен.

Универсальна в какой-то степени и одна **собачья рысь**, мера расстояния, столь неожиданная для английской дамы. Для **рыси** можно найти аналогии в народных мерках русских крестьян. Писательница XIX века Н. Кохановская, описывавшая мелкопоместный быт России, приводит целую серию таких

измерительных единиц: «На этой беспредельной шири и пустоши дикопоросших земель, куда лет тому будет два ста — сходили на высел русские люди новую сельбу селить и занимали их вольные займища, полагая грани на калиновый куст, на заячий скок, да на сорочий лет, да еще сколько вершник на борзом коне в день объедет...». Здесь мы видим целую градацию мер земли от самой маленькой — величиной с калиновый куст — до территории, которую даже всадник на резвом коне не может объехать за день. И заячий скачок занимает в этой метрологической «табели о рангах» не менее почетное место, чем собачья рысь у жителей туманного Альбиона. Собственно, того же «измерительного» типа и обороты одним махом или с одного маху — ведь махом в народе называли шаг лошади при беге. Правда, как и в случае с последней сигаретой, переносное значение этих оборотов также характеризует уже не пространство, а время.

Зато человеческий шаг — очень активное мерило именно расстояния: **на шаг, один шаг от чего-либо** означает очень близко, **не продвинувшись ни на шаг** — нисколько, ничуть не продвинувшись, **в трех шагах** — это очень близко, совсем рядом, **ни шагу назад!** — это приказ не отступать. Еще больше таких выражений в живой народной речи: **От добра до худа** — один шаток; **От жизни до смерти** — шаток; **В одну корячку не дошагнешь до Москвы**. В подобных пословицах **шаток и корячка** — это и есть шаг.

Такие обороты известны разным языкам. И везде человеческий шаг — это более или менее конкрет-

ный символ близкого расстояния, незначительного пространства. Во французском языке эта символика незначительности зашла столь далеко, что слово **pas** (шаг) вообще стало отрицательной частицей.

Метрическая роль шага у многих народов, можно сказать, основополагающа. Не случайно мы говорим — **идти мерным шагом**. Мерным — и равномерным, и меряющим: такой шаг в народе называли **аршинным**. По крестьянскому счету, **шаг** как мера равнялся **аршину**, о котором речь пойдет ниже. Этимологически же шаг связан с другой очень популярной единицей измерения у русских — **сажень**: оба эти слова восходят к корню ***seǵ-** (сяг-) со значением **протягивать** (руку или ногу): сравните **посягать, досягать, недосыгаемый**. То, что один и тот же корень обозначал и шаг, и длину вытянутой руки, оправдано древним житейским опытом: длина последней и равна, как правило, ширине большого шага. Правда, **сажень**, которая в Киевской Руси была основной мерой длины, равнялась не одному, а двум шагам, но это тоже в какой-то степени закономерно, так как аналогичная римская мера, именуемая **pas** (шаг), также равнялась именно двум, а не одному шагу; от латинского **pas**, кстати, образовано уже упоминавшееся французское **pas**, сравните **паде-де** и подобные балетные термины.

Рукоподатье и жизнь на толстую ногу

Метричность шага тесно связана с другим, также чрезвычайно древним «мерочным» эталоном — измерением с помощью различных органов тела или

соизмерением с ними. Так, на Волхове и Ильмени пространство до недавнего времени измеряли **через ногу**, то есть шагами, тем самым объединяя эти две изначальные мерки. Ноги и руки, действительно, — самые популярные и естественные вешки, размер которых определен человеку от рождения и потому понятен каждому.

В одном из литературных памятников XVIII в. — «Повести Пахриной деревни Камкино» — можно найти весьма оригинальную «ножную» меру расстояния **хоть ногой допихни**: «И случилось... некой господин и спрашивает его, Яньку: «Далече ли до Яму?» И он Янька, великой прокуда, сказал ему смехотворно: «Лиха-де до Пахры, а то хотя ногой допихни». Ясно, что речь идет об очень близком расстоянии. Этот оборот не вошел в литературный язык.

Заго его «ручной» синоним — **рукой подать** — завесвал здесь прочное и устойчивое положение. Он, пожалуй, является у нас и наиболее конкурентоспособным в синонимическом состязании народных обозначений близкого расстояния типа **как палкой добросить, можно камнем докинуть, на один переплёт или хоть ногой допихнуть**. Немало в народной речи и выражений, употребляющихся в противоположном значении или характеризующих человека, недостижимого для других — из-за своего якобы высокого положения и гордящегося этим: **его рукой не достанешь, его крючком не достать, его шестом не достать**. Они образованы по той же образной модели, что **рукой подать**, однако также не завоевали себе прав литературного гражданства.

Если внимательно взглянуть в оборот **рукой подать**, можно увидеть его некоторую синтаксическую необычность. В самом деле — в русском языке сочетание глагола с существительным в творительном падеже обычно требует прямого дополнения. Ведь если мы говорим: «Он взял рукой» или «Он подал рукой», то обязательно предполагаем, что именно взято или подано — книга, ложка или карандаш. Во фразеологизме же **рукой подать** такого прямого дополнения не требуется. Вот типичное употребление этого оборота: «Пристегнитесь ремнями! — сказала миловидная молодая женщина. — Идем на посадку»... Быстро стали снижаться. Вот уж земля — рукой подать, стремительно летит назад. А толчка все нет... Наконец толчок» (В. Шукшин).

Как видим, не землю **рукой подать**, как требовала бы русская грамматика, а — земля **рукой подать**. Можно было бы сказать и до земли **рукой подать** или от земли **рукой подать**, что «неправильно» с точки зрения «чистой» грамматики.

Некоторые писатели иногда как бы «поправляют» это выражение: «Два свободных ряда отделяли его сейчас от товарищей. Как пропасть — ни перешагнуть, ни подать руки» (Из газет). **Ни подать руки** здесь — «осовремененный» вариант нашего оборота, правда, и с одновременным намеком на товарищеское пожатие руки.

В чем же дело?

Оказывается, выражение **рукой подать** первоначально имело и иную форму — форму сравнения **как руку подать**, которое как единственно возможное отмечают словари Академии Российской

1789–1794 и 1806–1822 гг. Несмотря на эту кодификацию, в живой речи оно было употребительно и в творительном падеже, ибо здесь он давно конкурировал с винительным. Об этом говорят старинные русские пословицы **Из окошка в окошко два девяноста — как рукой подать; Из омота в ад — как рукой подать.**

Замена винительного падежа на творительный исторически вполне оправданна. Так называемый «творительный уподобительный» обычен для русских сравнений, например: **лететь как стрела и лететь стрелой, виться как уж и виться ужом, мелким бесом рассыпаться, смотреть бирюком.** Конечно, такой замене подвергается обычно именительный падеж, а не винительный, как в нашем случае. Но характерно, что в XVII и XVIII вв. сравнение **как руку подать** употреблялось и в варианте **(как) рука подать.** Эта форма и была древнейшей. Конструкции инфинитива с существительными на -а в именительном падеже были когда-то в русском языке очень употребительны. **Вода носить, баня топить, голова сложить** вместо **воду носить, баню топить, голову сложить** — такие выражения до сих пор можно услышать на русском Севере. В литературном же языке остался, пожалуй, лишь один «узаконенный» фразеологический осколок этой древней синтаксической модели — **шутка сказать.** На закрепление формы **рукой подать**, а не **руку подать** повлияла и аналогия с сочетанием **достать рукой.** Сравните **рукой не достанешь** у А. П. Чехова, которое имеет не столько пространственное, сколько социальное значение: «Твой, говорит, Петрушка шибко

живет, рукой до него не достанешь». Аналогичные обороты встречаются и в других славянских языках: сербское и хорватское **možeš dohvatiti rukom, na dohvat ruke**; чешское **na dosah ruky** значат именно **очень близко**, в пределах легкой досягаемости.

Закрепление формы творительного падежа у сравнения **как рука подать, как рукой подать**, а затем и отсечение союза **как** привело к «зашифровке» грамматической логики выражения. Но, несмотря на некоторую грамматическую алогичность, его образ вполне понятен каждому русскому: так близко, что можно дотянуться рукой. Не случайно поэты и писатели свободно «разлагают» его на составные части, как бы возвращаясь к его конкретному, «осязаемому рукой» прототипу. Так, например, поступает Марина Цветаева:

До Эйфелевой — рукою
Подать! Подавай и лезь.
Но каждый из нас — такое
Зрел, зрит, говорю, и днесь...

Этот образ поэтому так легко обыгрывается современными юмористами: «Какое это огромное расстояние — **рукой подать!**» Мы понимаем, что речь идет не о простой дистанции вытянутой руки, а о крепком, дружеском «рукоподатье», до которого действительно путь очень долг и непрост. Как и путь от народного сравнения **как рука подать** до современного выражения **рукой подать**.

Рука как мерило удаленности до сих пор употребляется и в выражении **под рукой** или **под руками**, ибо здесь, собственно, также имеется в виду именно

«податие», а точнес, возможность «протягивания» руки. В старинной русской письменности были широко известны и такие обороты, как **средней, большой, малой руки**, и даже — **толстой, широкой и торговой руки**. В симбирской приходно-расходной книге 1667 г., например, записано **106 ковшей малой руки, 25 ковшиков средней руки, 10 ковшиков большой руки**. Были и **горшки большой руки, булавки малой и большой руки, косяки средней руки** и даже **календари малой руки**. Первоначально обозначая размер, эти выражения постепенно из линейной характеристики — человеческие руки ведь бывают различны — становились характеристикой качественной.²¹

Мартышка к старости слаба глазами стала;
А у людей, она слыхала,
Что это зло еще не так большой руки:
Лишь стоит завести Очки.

Мы понимаем, что в этой известной басне И. А. Крылова **зло не так большой руки** — это просто «не очень большое зло», точные масштабы которого не столь уж важно и определять.

К «размерному» значению руки, вероятно, восходят и такие обороты, как **жить на купеческую руку, на широкую руку, на щегольскую руку**, которые активно употреблялись в XIX веке. Сейчас же их вытеснили обороты с другим «измерительным» эталоном — **жить на широкую ногу, жить на холостяцкую ногу, жить на щегольскую ногу**.

Некоторые популяризаторы, правда, пытаются объяснить выражение **жить на широкую ногу** ина-

че. Так, Э. Вартаньян²² связывает его со свособразной модой, ведущей начало из XII в., когда английский король Генрих I Плантагенет, чтобы скрыть большую уродливую мозоль на ноге, заказал себе башмаки с длинными, острыми, загнутыми кверху носами. После этого многие дворяне монархической Европы старались перещеголять друг друга длиной носков своих башмаков, усматривая в ней мерилло знатности рода. Королю даже пришлось ограничивать длину носков особым законом: обыкновенным гражданам разрешалось носить башмаки не длиннее полуфута, рыцарям и баронам — в один фут (примерно 30 см), а графам — в два фута. Следовательно, чем знатнее оказывался носитель обуви, тем на более «широкую», а точнее — «длинную» ногу он ее носил.

Учитывая широкое и древнее распространение в русском языке выражений **на широкую (барскую, щегольскую) ногу** и их перекличку с оборотами **на широкую (купеческую, щегольскую) руку**, версию об английском происхождении нашей поговорки следует признать не только неверной, но просто анекдотической. Тем более что она очень активно употребляется в самых разных вариантах в русских народных говорах: донское **жить на всю ногу, на толстую ногу** — то есть жить богато, привольно, **жить на тонкую ногу** — бедно; рязанское **жить на богатую ногу**; донское **жить на легкую ногу** — беззаботно; рязанское **жить на простую ногу** — просто, неприязнательно; владимирское **жить на нашу ногу** — по-нашему; кемеровское **на боевую ногу стать** — зажить хорошо; мордовское **на бешеную ногу бежать** — бежать очень быстро, стремитель-

но. Известны подобные выражения и белорусам, украинцам, полякам, чехам, болгарам и другим славянам, что еще больше исключает заимствование из английского или другого неславянского языка Европы. Значит, и оборот **жить на широкую ногу**, так же как и **жить на широкую руку**, — лишь отражения древней славянской привычки соразмерять окружающее с частями тела.

Мужичок с ноготок и гулькина душа

Нет, собственно говоря, сколько-нибудь «выдающейся» части тела, которая бы не использовалась нашими предками для такого соразмерения. **Под бок** и **бок о бок**, **под носом** и **на носу**, **сколько хватает глаз** и **на волосок**, **за глаза** и **на глазах**, **с мизинец** и **с головой**, **по уши** и **по колено** — все это достаточно точные мерки длины, расстояния, роста, высоты. И о многих из них сохранилась память в языке и после того, как они перестали выполнять свою собственно метрическую функцию.

Вот один из неприметных с виду, но весьма опасных геросов восточнославянских сказок — **Мужичок с ноготок**, которого называют также и **Дед с ноготок** или **Сам с ноготок**. Это нечто вроде европейского карла или злого эльфа — существо очень малого роста с непомерно большой бородой. Так он и именуется в наших сказках — **сам с ноготок**, **борода с локоток**; **сам с ноготь**, **борода с локоть**; **старичок с ноготок**, а борода семь локтей; **сам с ноготок**, борода с локоток, а усы семь четвертей. Это злое, коварное, неблагодарное и дерзкое суще-

ство, которое при незначительном росте обладает огромной физической силой — его, как правило, может одолеть лишь главный герой сказки.

Как видим, в этом фольклорном образе воплотились две разные «телесные» мерки длины: **ноготь** как единица малого размера и **локоть** — большого. Эта «измерительная перекличка» встречается и независимо от сказочного сюжета, например в поговорах: **Дай хотя с локоть, а ему все с ноготь**; **Дай долю на ноготок, а он возьмет на весь локоток**; **Жилья с локоток, а житья с ноготок**; **Скажешь на ноготок, а перескажут с локоток**. Это и понятно, так как кроме чисто тематического притяжения слова **ноготок** и **локоток**, **ноготь** и **локоть** притягиваются рифмой и ритмом, популярными в фольклоре.

Оборот **с ноготок** мог служить не только мерилom роста. В старинном севернорусском заговоре, записанном недалеко от города Олонец, этой мерой определяется, скажем, количество травы, необходимой для изготовления знахарского снадобья, а в иронических поговорках **Сам с прясло, а ум с ноготок** и **Нос с локоть, а ума с ноготь** — количество «серого вещества» у рослого или носатого человека. Современные шутники также удачно соединяют эту интеллектуальную характеристику с образом привычного для нас сказочного персонажа: **Мозжечок с ноготок** (Из газет). Ясно, что в этом случае обыгрывается и известный **мужичок**, который и **сам с ноготок** из стихотворения Н. А. Некрасова «Крестьянские дети».

Оборот **с ноготок** — один из типов русских народных сравнений. В народной речи можно найти и

его варианты с союзом как. На Брянщине, например, маленького человека ласково характеризуют: **маленький как кагáтик**. Кагáтик же, как вы наверняка догадались, не что иное, как **коготок**.

Сравнения с предлогом с в народной речи очень распространены. Мужичку с ноготок в сказках соответствует и Мальчик с пальчик. Различные предметы можно по величине характеризовать сочетаниями с мизинец, с руку, с булавочную головку или даже — как в брянских говорах — с рукавóк. Денек с рукавок — это очень короткий день. А у В. И. Даля записана целая серия шуточных сравнений такого типа — носина с соборное гасило, носинка с пуговку, кусочек с коровий роточек или кусочек с коровий носочек. Сравните подобную фразеологическую шутку XVII в.: Данило с мотовило, а ума ни с шило.

Характерно, что эта предложная конструкция в основном и служит для обозначения больших или малых размеров, а также большого или небольшого количества чего-либо. Это, прежде всего, уподобление по размеру. Одной из «крайних» по своей незначительности мер является вошедший в поговорку гулькин нос. Правда, сейчас он уже употребляется и расширительно, например о непродолжительной по времени «карьере» одного работника: «Так завершилась коротенькая, с гулькин нос, рабочая карьера кровельщика четвертого разряда. За короткий сравнительно срок он сменил четыре места работы» (Из газет).

Гу́лька — ласкательно-уменьшительная форма от гуля (голубь), образованного от звукоподражательно-

го гуль-гуль. Голубиный носочек, действительно, не то, что коровий, поэтому переносное значение оборота вполне логично. Еще меньше — **воробьиный нос**, который в литературном языке служит адекватным эквивалентом **носу гулькиному**: «Повестушка моя короче воробьиного носа — и называется «Конец Чертопханова», — пишет И. С. Тургенев в одном из писем Я. П. Полонскому. А украинцы и белорусы идут в этом отношении еще дальше, ибо таким эквивалентом в их языках является нос или даже ножка комара: **з комарів носок, з комарёву ніжку, з комаріну лідку; з камарову дзюбу, з камароў нос**.

В русских народных говорах своеобразным мерилом небольшого количества выступает и, как ни странно, **гулькина душа**. «— Кого пожили? — сетует бабушка в одной из деревень под Омском. — С гулькину душу». Сопоставляя это сибирское выражение с белорусским **з вераб'еў нос**, то есть с **воробьиный нос**, в значении **очень мало**, Л. А. Ивашко верно объясняет его начальный смысл: оказывается, слово **душа** здесь употреблено в «плотском» значении — это часть птичьей грудки, грудная косточка.²³

По колено, до зубов и до зарезу

Не менее активны в русском языке и «метрические конструкции» с предлогами **по** и **до**. В их состав также могут входить едва ли не все части тела: **по щиколотки, по колено, по пояс, по брюхо, по горло, по шею, по самую макушку; до пяток, до пят, до колен; с головы до ног, до горла, до ушей** — вот далеко не полный набор таких выражений.

Первоначально они обозначали прежде всего глубину водного источника или земли. Об этом говорит, в частности, известная поговорка **Пьяному море по колено** или ироническая поговорка XVII в. **Мелок брод по самый рот**. Затем они могли наполняться переносным смыслом. Уже в русских сказках такие обороты употребляются и в конкретно-метрическом, и в образно-поэтическом значении. **Добрый конь**, обычно помогающий положительному герою сказки, чуя какую-то беду, стоит «понуро», **по колен в земле, по колено вбил в землю, по череву вбил в землю** или же **по колен в крови, по брюхо в крови, по морде в крови, по щиколотки у криви, ў криви по пузо, ў криви по шию**. Если же конь плачет, то по-сказочному интенсивно — он **по щиколотки в слезах, по брюхо в слезах, весь в слезах до головы**. В таких случаях, «метрические» обороты употребляются как гипербола, поэтическое преувеличение, чтобы подчеркнуть ни с чем не соизмеримые невзгоды героя и преданность ему верного коня.

Следующий шаг в сторону образности — подчеркивание увеличительной, качественной характеристики. Когда говорят: «У меня сегодня работы по горло» — или на Смоленщине характеризуют кого-то словами «Этот мужик глуп по самый пуп», то полностью отвлекаются от исходных измерительных ассоциаций, а имеют в виду «невпроворотное» множество дел или непроходимо глупого человека.

Не все, разумеется, подобные обороты являются результатом такой смысловой эволюции. Одно из любимых нашими публицистами выражений — во-

оружен до зубов — несколько чужеродное явление в русском языке. Оно заимствовано из французского или немецкого, где такие выражения употребляются уже со времен средневековья: *être armé jusqu'aux dents*, *bis auf Zähne bewaffnet sein*. Этимологи, правда, еще не решили окончательно вопрос о его происхождении: одни, вслед за Рабле и Лафонтеном, считают, что оно восходит к сочетанию *être savant jusqu'aux dents* (быть ученым до зубов) и связано с древним анекдотом о том, как некий древнееврейский пророк, съев книгу, обрел совершенную ученость, другие — что речь идет о прозрачной метафоре, поскольку зубы — самое естественное и всегда «сподручное» оружие. Как бы то ни было, в русский язык это выражение хорошо вписалось благодаря измерительной фразеологической модели типа **до колен, до пяток, до ушей**.

Некоторые обороты метрического происхождения настолько решительно порвали со своим прошлым, что необходим особый этимологический анализ, чтобы восстановить его в памяти. Таково выражение **до зарезу** и наречие **позарез**. Они, как известно, характеризуют крайнюю необходимость: «Нужны мне до зарезу деньги... Выехал я еще вчера утром чуть свет, объездил всех своих должников, и хоть бы один из них заплатил свой долг!» (А. П. Чехов); «Позарез нужно было изготовить срочную корреспонденцию» (Н. С. Лесков).

Первая ассоциация, которая напрашивается при попытке расшифровать их, — связь с глаголом **зарезать** (умертвить). Известный юрист А. Ф. Кони в своих мемуарах рассказывает про одно судебное

дело. Защитник обвиняемого убийцы подчеркивал, что тому были крайне нужны деньги. Прокурор, вместо того, чтобы сразу ответить защитнику, неожиданно осекся и долго не мог вымолвить ни слова. После окончания суда прокурора спросили; что же с ним приключилось. Тот ответил, что ему пришло в голову, что «подсудимому действительно были нужны деньги до зарезу... Это чуть было не рассмешило меня в самом неподходящем месте речи...». Здесь, по словам М. В. Панова, «метафоричность слова до зарезу сама собой оказалась подновленной — и это вышло крайне неуместно и нелепо».²⁴

Связь с глаголом *зарезать* для этого выражения слишком явная. Она подкрепляется к тому же и параллельными оборотами *хоть зарежь, хоть зарежьте*, которые характеризуют такое же затруднительное положение, состояние, как и оборот *до зарезу*: «Ты должен мне дать три тысячи взаймы. Нужны, брат, хоть зарежь!» (Н. В. Гоголь). Неудивительно поэтому, что и некоторые этимологи признают такую связь первичной: «хоть зарезаться, если не будет».²⁵

Несомненно, что ассоциация с самоубийством из-за отчаянного положения обострила его экспрессивность, сделала ярким и динамичным и тем самым способствовала его популярности. Однако эта ассоциация все-таки вторична.

Об этом свидетельствует прежде всего синтаксис. Ведь мы уже видели, что наименования частей тела с предлогами *до* и *по* входят в активный «метрический» ряд. От глаголов же, как правило, образуются другие фразеологические конструкции — *хоть убей, хоть брось, хоть лопни*. Не говорим же мы

вместо них **до убоя, до брбсь** или **до лóпа**. Значит, необходимо поискать и для нашего **зареза** именно исходно «измерительное» значение.

И оно действительно есть. Однако не в литературном языке, а — как часто бывает — в народной речи. **Зарезом** называют и складку кожи на круто изогнутой шее лошади, и место на шее убойного животного, где режут, и соответствующую часть горла и шеи такого животного. Так может переносно именоваться и шея или горло человека. «Погляди на зарез — там болько», то есть «Погляди на горло, оно болит», — такая фраза, например, записана на Смоленщине. Значит, — **до зарезу** и **позарез** — первоначально то же самое, что и всем известное **по горло** или народное **до горла, до шеи** или **до шейки** (до полного предела, вдоволь).

Просторечный оборот **дело табак** также характеризует ситуации, когда человеку угрожает большая опасность или гибель: «На Сахалине ждут холеру и держат суда в карантине. Одним словом, дело табак» (А. П. Чехов). Первоначально, как считают многие популяризаторы, выражение употреблялось волжскими бурлаками. Когда они тянули на лямках тяжело нагруженные баржи, идя по берегу Волги, им приходилось пересекать вброд попадающиеся на пути небольшие притоки. Чтобы не замочить кисет с табаком, бурлаки подвязывали его на груди или под мышкой. Если брод был глубоким и вода доходила «до табака» или «под табак», дела владельцев кисета оказывались плохи — дальше двигаться было опасно. **Под табак** на профессиональном языке волжских бурлаков и значило **очень глубоко, на**

опасной для жизни глубине. По такой же семантической ассоциации возникло и ярославское диалектное выражение **дело борода** — так говорят о безнадежном, плохом деле или положении.

На закрепление оборота **дело табак** в русском литературном языке повлияли, вероятно, и европейские выражения со словом **табак**, например, французские **avoir du tabac** (быть в затруднительном положении), **donner du tabac** (вздуть, поколотить), **fouerrer dans le tabac** (поставить в тяжелое положение) или немецкое **Das ist starker Tabak!** — что соответствует русскому **Это уж чересчур!**

II. ОТ ВЕРШКА ДО ПОПРИЩА

Простые и понятные единицы «бытового» измерения, как видим, до сих пор еще используются в обиходе, следы многих из них сохранились в языке. Однако развитие товарных отношений, необходимость путешествовать, возводить здания, совершенствовать орудия производства привели к появлению более точных метрических понятий и слов, их обозначающих. Письменные памятники Древней Руси уже с XI–XII вв. дают представление о постепенной консолидации мер длины, веса, сыпучих тел и жидкостей. Привычными для того времени мерами длины становятся, например, **пядь**, **локоть**, **сажень**, **верста** и **поприще**. Эти единицы активно употребляются и в XVI–XVII вв., с конца же XV в. появилась новая единица измерения длины, вскоре ставшая одним из ее основных эталонов, — **аршин**.

К началу XVIII в. система русских мер длины имела стройный и достаточно законченный вид:

Вершок = 4,5 см

Четверть = 4 вершка, или 18 см

Аршин = 4 четверти, или 16 вершков, или 72 см

Сажень = 3 аршина, или 12 четвертей,
или 48 вершков, или 216 см

Верста путевая = 500 саженей, или ~ 1,080 км

Верста межевая = 2 версты путевых,
или 1000 саженей, или 2,160 км

Все эти единицы хорошо соподчинены в масштабном отношении, что и позволяет говорить о них не как о некоем наборе измерительных слов, а как о строго метрической системе. Именно так она и воспринималась русскими, хотя, конечно, были попытки уточнить тот или иной термин. Так, в памятнике деловой посадской письменности конца XVI в. — «Русской торговой книге», где описываются условия торговли и излагаются основы счетной мудрости, — отражен переход от устаревшей системы мер к новой. «Характерной особенностью старой системы была неопределенность и перменчивость единиц измерения. Скажем, многие товары измерялись на горсти, ткани — на локти, а иной товар измерялся на «пузы» (большие корзины), на бочки; величина этих мерных единиц была всегда разной. Таков традиционный набор ранних феодальных мер. И вот Торговая книга вводит стандартизованные, точно установленные меры. Вместо локтя — аршин, вместо пуза — берковец, вместо большой гривенки или малых гривенок — фунт и т.д. Это принятие

торгово-ремесленной средой новой системы мер и новой денсжной системы стало важным культурным и историческим событием. Торговая книга и должна была пропагандировать единую новую систему мер и весов». ²⁶ Эта «пропаганда» оказалась вполне удачной, и **вершки, аршины, сажени или версты** стали хорошо известны русским на несобъятной территории нашего государства.

Да и сейчас эти термины отнюдь не выглядят какими-то историческими окаменелостями. Более того, находятся любители, которые даже предпочитают их современным метрическим единицам. Вот стихотворение Александра Смердова, так и называющегося — «Русская мера»:

Пускай меня причислят к старовеерам
и назовут кондовым мой язык,
но-я пристрастен к старым русским мерам
и мерить ими жизнь и мир привык.

Весомее не знаю меры — пуда,
когда мне надо взвесить и учесть
хлеб наш насущный — сладостный и трудный,
и соль, что с другом вместе должен съесть.

А мера локтя — что верней, надежней,
коль, локоть к локтю, выпадет посметь
преодолеть по чести, без нытья и дрожи,
беду любую или даже смерть?!

И доверяюсь полностью, без небреженья
к метрической системе наших лет, —
исконно русским верстам и сажням,
неуместимым, скажем, в километр...

Верста — в молве народной и по Далю —
черта прямая... Ну-ка, подступись!..
Мы ею с гаком русским промеряли
России подлинную даль и высь.

Все, перепаханное и пережитое,
невзгод бездонность и мечты размах, —
владимирской, сибирскою верстою
отмеряно и в душах и в умах...

Сажень — погонная, косая, маховая,
напевы наполняющая и живую речь
раздольем русским без конца и края
и богатырской силой русских плеч.

Сажень — она в самой родной природе,
в красе, в отваге — в стати нашей всей,
саженками форсировавшей Одер,
перекрывающей навеки Енисей.

Гляжу ли в угасание заката,
рассвету ль радуюсь, мне зримей и родней
веков минувших версты полосаты,
шаги саженьи юных наших дней.

Не станем разбирать поэтические достоинства этого стихотворения, как не будем упрекать его автора в метрическом ретроградстве. Ясно, «русские меры» ему нужны отнюдь не для измерения дальнобойности какого-либо орудия (А. Смердов, кстати говоря, поэт и военнослужащий одновременно), но для постижения «дальнобойности» русской души, русского духа. Вот почему его совсем не интересует точное значение этих слов, он делает упор на их переносные ассоциации: сажень — мерило «богатыр-

ской силы русских плеч», пуд — оценка радостей и тягот дружбы, а локоть — символ коллективизма и единства. Так, собственно говоря, и все мы теперь воспринимаем большинство старинных русских мер. Они для нас — метафоры, накрепко вросшие в язык и потому не исчезнувшие вместе с модернизацией метрической системы.

Знать исконный смысл этих метафор — значит постичь частицу истории нашей страны, углубить свою патриотическую память. И лучшим путем к этому являются раскопки в языке.

В самом деле, практически все обозначения мер длины, которые употреблялись на Руси с XI по XIX в., и поныне живут в составе фразеологизмов. Объясняя их прямое значение, мы определяем и их метрическое достоинство. Давайте попробуем это сделать.

Два вершка от горшка и один — от смерти

Вот **вершок** — самая малая единица русской метрической системы, равная 4,4 см. Название ее достаточно прозрачно — верхняя часть указательного пальца, которая приблизительно и соответствует такой величине. Вершок сохранился в шутовском выражении **от горшка два вершка**, то есть маленький, небольшого роста человек, чаще ребенок (горшок вызывает ассоциации с младенчеством). Правда, некоторые этимологи предполагают, что первоначально речь шла не о горшке, а о **коршкѣ** — другой народной мере, равной двум вершкам: **коршок** происходит от **корх** (кулак). Получается, следовательно, совсем мизерная высота — чуть больше кулачка.

С этим, однако, трудно согласиться. Во-первых, переключка **горшок** — **вершок** встречается и в характеристике уже знакомого нам злобного сказочного старикашки: **Сам с вершок, голова с горшок**. Здесь исключается прочтение «голова с кулачок», ибо речь идет о большой, а не о маленькой голове. Во-вторых, в псковских народных говорах известно шутивное выражение **от песочка два вершочка**, а в иркутских — **от пенёчка два вершочка** с таким же значением, как и литературный оборот. Замена **горшка на песочек** и **пенёчек** здесь явно опровергает «кулачную» логику.

Слово **вершок** часто употреблялось прежде именно как мерило человеческого роста. Правда, читая литературу XIX века, можно натолкнуться и на некоторое арифметическое несоответствие при таком «вершковом» измерении: «В нем [Головане] было, как в Петре Великом, пятнадцать вершков. Сложение имел широкое, сухое и мускулистое» (Н. С. Лесков). 15 вершков — это всего 67,5 см. Как же, спрашивается, можно тогда сравнивать героя Лескова с Петром I, рост которого был, как известно, более 2 м?

Все объясняется просто. Оказывается, при измерении роста вершками называлось лишь число вершков, приплюсовываемых к 2 аршинам, то есть к 144 см, которые как бы равнялись среднему росту. Голован, следовательно, и был ростом с Петра Великого — 2 м 11,5 см. В выражении **от горшка два вершка** такой приплюсовки нет. В переносном значении такими отсчетными точками могли быть и абстрактные понятия. В стихотворении И. И. Дмитриева, поэта XVIII–XIX вв., например, речь идет о близости к смерти:

Корабль то загорался,
То на мель попадал, то в хляби погружался;
Всечасно в трепете, от смерти на вершок.

Здесь поэт использует широко известный оборот того времени — **быть на вершок от смерти**. Употреблялось и выражение **быть на вершок от греха**.

Родная пядь и свой аршин

Хранится во фразеологической кладовой и другая мелкая единица длины — **пядь**. Она равнялась расстоянию между вытянутыми большим и указательным пальцами руки. Слово это образовано от древнего славянского глагола **пяти**, **пну** (растягивать, натягивать), что живописует образ, от которого оно отталкивается. Термин **пядь** встречается в источниках с XII в., но он явно древнее, так как известен и другим славянам. Кроме обычной пяди, которую мы уже определили, употреблялась и так называемая **большая пядь**, равная расстоянию между концами вытянутых большого и среднего пальцев (иногда мизинца). Имела пядь и третью метрическую ипостась, равную ширине ладони. Вот почему историки при комментировании того или иного письменного источника до сих пор спорят о действительных размерах предметов, описываемых с помощью пяди. (Величина древнерусской пяди колебалась где-то в рамках 19–23 см.)

Пядью широко пользовались в народном обиходе, что и понятно, ведь эталон этой единицы всегда был буквально «под рукой», а точнее — прямо в руке. Пядью измеряли иконы, кирпичи, толщину

снежного покрова. И даже — как мы и сейчас знаем по народной поговорке **семи пядей во лбу** — умственные способности человека.

Не следует, конечно, думать, что некогда действительно был умник со столь высоким — полутораметровым — челом. Это, естественно, лишь фразеологическая гипербола, основанная на оспариваемом ныне наблюдении, что высота лба пропорциональна его содержанию. Эффективность гиперболы усиливает число 7, имеющее во многих русских пословицах и поговорках обобщенное значение неопределенно большого множества: **семь пятниц на неделе; седьмая вода на киселе; Семеро одного не ждут; Семь раз отмерь — один отрежь.**

Историки считают, что о пяди как официальной мере в ее четком соотношении с другими единицами ($\frac{1}{8}$ сажени и $\frac{1}{2}$ локтя) можно говорить лишь с XVI в. Причем постепенно в официальной метрологии она была вытеснена **четвертью**, которая, как мы знаем, была равна примерно 18 см. До сих пор, однако, пядь остается активным мерилем малых расстояний и площадей во фразеологизмах **пядь за пядью** (по небольшим частям, постепенно и с большими трудностями), **не отдать (не уступить) ни пяди земли** — не уступить даже самой небольшой части, **нисколько, или не отступить (не отойти) ни на пядь** (ни на сколько, ни на шаг). Высокая стилистическая тональность, присущая им, — свидетельство «исторического» значения, «исторического», несмотря на незначительность пространства, которое ими обозначается. Что ж, от малого до великого — один шаг.

Центральной метрической единицей прошлого у нас был **аршин**. Еще на рубеже XV–XVI вв. он активно конкурировал со своим предшественником — **локтем**, который долго считался и официальной торговой, и народно-бытовой мерой Древней Руси. Парадокс этой конкуренции в том, что практически и аршин был тем же самым локтем, только восточного образца: персидское **агš**, к которому он восходит, и значит, собственно, **локоть**. По размерам, правда, эти два «локтя» несколько отличны.

Так называемый **ивановский локоть** — стержень из можжевельника с круглым сечением и одинаково обрезанными краями, найденный археологами в 1955 г. в Новгороде и относящийся к XI–XII вв., равен 54,7 см. Им пользовались очень широко, судя по отполированной до блеска поверхности найденного фрагмента. Размеры его считаются «типовыми» для русского локтя. Первоначальный же аршин равнялся 68,6 см и восходил к так называемому **стамбульскому суконному локтю**, который широко применялся на Востоке при торговле тканями.

Термин **аршин** впервые встречается в грамоте 1488 г., и историки предполагают, что первоначально аршином мерили восточные ткани, а отечественные — привычными локтями.

Очень быстро, однако, аршин захватывает центральные рынки России и вытесняет локоть. Об этом мы узнаем из записи итальянца Рафаэля Барберини, побывавшего в Москве в 1564 г. «Мера московская для полотен, сукон, материй и тому подобного называется аршин, а другой меры нет», — свидетельствует он. Хотя на периферии нашей не-

объятной державы локоть еще долго использовался торговцами.

Немалый след оставил локоть и в русском фольклоре. Мы видели, как эта мера характеризует сказочного мужичка с ноготок, у которого почти всегда борода — с локоток, что превращает ее в символ маленького роста. Нечто подобное можно отметить и для пяди. **Сам пядь, а борода с локоть** — гласит древняя русская поговорка.

Несмотря на точные размеры локтя и аршина (см. выше), в обиходе это были единицы измерения с весьма широким диапазоном. Это и естественно, ибо локоть как мера применялся в разных вариациях. То под ним подразумевалась длина от локтя до конца сжатого кулака: **неполный локоть**, то от локтя до конца среднего пальца и по ладони до запястья: **двухладонный локоть**, то — от сжатого кулака через локоть по внешней стороне руки до кулака: это был **большой локоть** или **кольцо**. Предки русских, белорусов и украинцев первоначально под **локтем** понимали лишь расстояние от локтя до кончиков пальцев, подобно многим германским и финно-угорским народам. Мера **большой локоть**, однако, оказалась удобнее в связи с потребностью в более «укрупненной» единице и с приближенностью такого локтя к восточному аршину.

По точности, однако, аршин был далеко не идеален, так как турецкие аршины весьма отличались друг от друга размерами. В русском же обиходе под **аршином** понималась то длина в четыре четверти, то трети сажени или длины всей руки от плеча, иногда же просто — длина среднего человеческого

шага. Аршинами назывались и деревянные либо металлические линейки длиной в аршин. На такую линейку наносились более дробные деления — четверти и вершки.

Каждый купец, учитывая приблизительность этой ходовой меры, стремился пользоваться своими аршинами, подменяя их в зависимости от того, покупал он товар или же продавал его. При покупке, естественно, «свой аршин» всегда был длиннее, чем при продаже. Отсюда и переносный смысл русского оборота **мерить на свой аршин**, подчеркивающий личную заинтересованность, корысть и явную субъективность того, кто мерит что-либо лишь собственной меркой.

По аналогичной «метрической» модели образован целый ряд русских выражений, имеющих примерно то же значение: **мерить на свою мерку, на свой салтык** (образец), **на свой копыл** (деревянную колодку, употребляемую сапожниками как мерка), **на свою колодку, на свой образец, на свой лад** и т. п.

Аршинная мерка имеется в виду и в обороте **как аршин проглотил**, характеризующем человека, который держится нес естественно прямо и скованно. Не случайно в народной речи у него есть синоним **как палку проглотил**. Здесь тоже метрическая точность аршина не так уж и важна.

Каждый из нас воспринимает обороты с аршином как чисто русские. И это понятно: на многие европейские языки это слово не переводится, а лишь называется как русская мера. Недаром Ф. И. Тютчев использовал именно это слово, чтобы подчеркнуть самобытность русского духа:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная статья —
В Россию можно только верить.

И тем не менее впечатление об аршине и «аршинных» фразеологизмах как исключительно русских оказывается обманчивым. В славянских языках есть буквальные «близняшки» этих выражений: украинское *міряти на один аршин*; болгарское *мѣря с един общ аршин*; сербское и хорватское *mjeriti jednim (istim) aršinom*. В европейских же языках в аналогичных выражениях вместо аршина фигурируют весьма близкие мерки: немецкое *mit gleicher Elle messen* буквально значит *мерить одинаковым локтем*, а французское *mesurer les autres à son aune* — это *мерить других своим локтем*. Конечно, длина локтя у немцев и французов несколько различна. В Германии до 1871 г. существовало около 100 «эллей» — локтей, размеры которых колебались от 50 до 78 см. Французские же локти — «оны» были равны приблизительно 120 см, а если быть предельно точным — 1,18844 м. Ими во Франции пользовались до 1834 г.

Фразеологическое же употребление демократично уравнило метрические различия русского аршина и немецкого или французского локтя. Ведь мерить других своим аршином или соответствующими локтями у наших народов считается равно предосудительным. А человек, не умеющий быть естественным, не становится симпатичнее от того, что проглотил он наш 71-сантиметровый аршин,

а не немецкий 50-сантиметровый локоть. «Der hat eine Elle verschluckt» — «Этот проглотил локоть», — презрительно говорят немцы о каком-нибудь напыщенном «прямоходце», который и не догадывается, что у него есть в России свои собратья-аршинники. Точнее — аршиноглотатели, ибо **аршинниками** у нас прежде называли купцов, беззастенчиво обмеряющих своих доверчивых клиентов.

Тмуторокань и косая сажень

Одной из наиболее распространенных русских мер была и **сажень**. Эта мера длины пережила века, хотя метрическое ее содержание несколько менялось. Во времена, предшествовавшие введению метрической системы, сажень равнялась 2 м 13,36 см или, по народной мерке, — трем аршинам. Древнерусская же сажень, о которой упоминает сам летописец Нестор под 1017 годом в «Слове о зачале Киево-Печерского монастыря», была значительно меньше. Это установили историки благодаря расшифровке и комментированию надписи на знаменитом «Тмутороканском камне», который был найден в 1792 г. во время земляных работ на берегу Керченского пролива, в Тамани. Эта надпись, сделанная на мраморной плите, гласит: «лето 6576 [то есть в 1068 г.] Глеб князь мерил морем по льду от Тмутороканя до Крчева [то есть Керчи] 14 000 сяжень». Раньше считалось, что легендарная Тмуторокань, известная по русским летописям, находится где-то у устья Днепра, Дона или даже недалеко от Чернигова. Однако, зная длину сажени, ученые легко вычислили, что

Тмуторокань и есть предшественница города Тамани, находящегося на южном берегу Керченского залива в 23 км или 14 000 саженьей от Керчи.

Первоначально сажень равнялась длине вытянутой руки или большому шагу. На это указывает этимология слова, восходящего, как выше говорилось, к тому же корню **сяг-**, что и **шаг**: глагол **сягáть** означал **протягивать** (руку или ногу вперед), **дотягиваться** (до чего-либо рукой или ногой). Но уже тмутороканские «шаги саженьи», как видим, были мерой почти в два раза большей, чем простой человеческий шаг.

В Древней Руси существовала и еще бóльшая **сажень** — **маховая**, или **мерная**, — равная 176 см. Ее широко применяли при строительстве крепостей или соборов. Само прилагательное **маховая** дает ее этимологическую расшифровку — это такая сажень, которая в быту определяется размахом рук в стороны.

Приблизительность термина **сажень**, собственно, и привела к появлению целого ряда сочетаний, в которых прилагательные его уточняют. Кроме **прямой** (простой), **маховой** (мерной) сажени прежде были и **дворовая**, **городовая**, **мостовая**, **печатная**, **таможенная**, **трехаршинная**, **трубная** и т. д. — насчитывают свыше 30 таких наименований.

Одним из них — и весьма распространенным в народе — была и **косая сажень**. Из всех русских саженьей она была самой длинной — от большого пальца вытянутой левой ноги по диагонали человеческого тела до конца указательного пальца правой руки или наоборот, то есть около 216 см. Любо-

пытно, что русская косая сажень равна диагонали квадрата со стороной в 152 см, то есть той самой прямой сажени, которой князь Глеб «мерил море по леду».

Понятно, что **косая сажень в плечах** — народная гипербола, подчеркивающая богатырскую внешность. Не случайно это выражение часто встречается в русских былинах. В одной из них, записанной в Печорском крае, находим такое описание татарского великана, который вышел на единоборство с русским простым мужиком и был побежден им:

Да и туша-то его да все коса-де сажень,
Сажень печатная, да и плечи-то его дак махова сажень.

Подобное ироническое употребление этого оборота возможно и в наши дни, например, с его помощью характеризуются «фирменные» майки с псевдозаграничными или «остросюжетными» рисунками: «Я стою на приморской набережной и разглядываю рисунки на майках, сделанные часто домашним способом. Вот портрет известной певицы во всю богатырскую грудь, а на плечах у этого парня — косая сажень. Все что угодно увидишь на футболках, любой пейзаж» (Из газет).

Чаше, впрочем, оборот **косая сажень в плечах** — характеристика положительная, подчеркивающая недюжинную силу и стать того, о ком говорят, его богатырское сложение и исключительную «широкоплечность». Есть в нашей литературе и выражение **ростом в косую сажень**, которое обозначает человека очень большого роста.

История **косой сажени** на этом не кончается. Любопытно, что прилагательное **косой**, хотя и полностью укладывается в «диагональную» логику этой метрической единицы, — все-таки лишь вторичное переосмысление другого слова — **косовá**. В южнорусских говорах и в украинском языке наше сочетание так и звучит — **косовая сажень, косовий сажень**. Г. Я. Романова в специальном исследовании убедительно доказывает, что это прилагательное — не что иное, как искаженное название арабской «сажени» **касаба**, принятой в мусульманских странах и в среднем равной 399 см.²⁷ Первоначально, следовательно, это было дублетное сочетание, где наименование арабской метрологической единицы как бы переводилось на древнерусский. Позднее, под влиянием прилагательного **косой**, оборот подвергся народно-этимологическому переосмыслению, вызвавшему к жизни и «диагональный» способ измерения, характерный для нашей **косой сажени**.

Версты полосаты и жизненное поприще

«Путевыми мерами» Древней Руси были **верста** и **поприще**, которые считались самыми крупными единицами измерения длины. Как и все меры прошлых времен, они имели довольно широкую амплитуду измерительных колебаний. В древности верста насчитывала около 1000 сажений — ею пользовался, например, игумен Даниил, отмерявший свои «хожения» по святым местам «в великих верстах». Затем верста колебалась в размерах около 750 сажений, а в позднейшее время сузилась до 500 сажений, то есть

до 1066 м. Как раз такая — почти километровая — верста, собственно, и помнится каждому русскому по художественной литературе XIX века.

Конкуренция слов **верста** и **поприще** привела к окончательному вытеснению второго слова на периферию нашего языка. Прежде же это были метрические синонимы (хотя и не во всех ситуациях) с различным стилистическим звучанием. **Поприще** воспринималось как книжное, церковнославянское, а **верста** — исконно русское, народное обозначение большого отрезка пути. Это различие хорошо видно в одной из Онежских былин об Илье Муромце, записанной А. Ф. Гильфердингом:

Да отъехал-де ведь старый [Илья Муромец] за три
поприща,
Да по-русски-то сказать да за три верстоньки.

Этимологически **поприще** связано с глаголом **переть**, **пру** (идти), то есть первоначально это был путь, по которому идут, место, которое **попирают** ногами. Сравните новгородское слово **по́пры** (быстрый бег), где это значение корня проступает вполне отчетливо. Сам же термин **поприще** возник в книжном языке при первых переводах греческих церковных книг на старославянский и, вполне возможно, семантически «навеян» именно византийскими метрическими единицами типа **стадион** или **миллион** (миля). Судя по письменным источникам, **поприще** было равно 6 или 8 греческим стадиям, каждая из которых имела около 190 м.²⁸ При таком метрическом «разбросе» синонимия **поприща** и

версты, действительно, оказывалась довольно приближительной.

Сейчас **поприще** употребляется в значении **сфера, область деятельности**, чаще в сочетании **жизненное поприще, поприще жизни**. Это значение, развившееся с XVIII в., кажется весьма оторванным от «метрического» круга представлений. Оно возникло под влиянием греческого **стадион**, производного от метрического наименования **стадия**, и сначала было более конкретным — место для бега, борьбы и других состязаний:

Перед своим зверинцем...
Король Франциск сидел;
С высокого балкона он глядел
На поприще, сраженья ожидая...

(В.А. Жуковский)

Слово же **верста**, в отличие от **поприща**, до сих пор сохраняет свой обиходный колорит и воспринимается как народная обобщенная характеристика довольно значительного расстояния. Не случайно оно активно сохраняется в составе популярных пословиц и поговорок: **Для милого дружка семь вёрст не околица; за семь вёрст киселя хлебать; семь вёрст до небес, и всё лесом**. Во всех них **семь вёрст** означает очень далеко еще и потому, что понятие о расстоянии усиливается «магическим» числом 7, которое в русском фольклоре также имеет обобщенно-множественную символику. Характерно, что некоторые писатели «нагнетают» этот числовой показатель, усиливая тем самым экспрессив-

ность привычных оборотов: «И я не поеду. Очень мне нужно тащиться за пятьдесят верст киселя есть» (И. С. Тургенев); «Помилуйте! Разве сладко свидетелем-то быть? Первое дело — за сто верст киселя есть» (М. Е. Салтыков-Щедрин). Впрочем, **верста** и в единственном числе остается символом дистанции достаточно «огромного размера».

Первоначальное значение **версты** для нас может показаться не совсем «измерительным». Оно связано с глаголом **вѣртѣти** (вертеть) и значило **поворот плуга**, а затем — **расстояние от одного поворота плуга до другого, протяженность борозды** (образуемой движением плуга от одного поворота до другого). Трудно, конечно, представить такого пахаря-богатыря, который может, не останавливаясь, пройти с плугом целый километр с гаком, более того, если учесть, что древнейшая мерная верста равнялась около тысячи сажень, то даже и целых два. Видимо, это была некая метрическая гипсрбола, но тем не менее длина пропаханной борозды для славянского пахаря была, конечно же, на много порядков выше, чем пядь, локоть, аршин или сажень. Гипсрболическая инерция, собственно говоря, и продолжает насыщать экспрессией названные выше выражения.

Иное значение слова **верста** консервирует другая популярная русская поговорка — **коломенская верста**, или **с коломенскую версту**, которая характеризует человека недюжинного роста. Здесь уже имеется в виду не сам пройденный путь, а верстовой столб, устанавливаемый в прежние времена на особо важных трактах государства Российского.

Благодаря прилагательному **коломенский**, входящему в состав этого оборота, можно очень точно датировать его происхождение — 60-е — начало 70-х годов XVII в., время правления царя Алексея Михайловича. Вот как пишет об этом времени один из историков, Карабанов, которого в связи с происхождением нашего оборота цитирует известный языковед Ф. И. Буслаев: «Царь Алексей Михайлович отменно любил подмосковное село свое Коломенское; доказательством тому служит, что при каменной церкви Вознесения Христова, за алтарем, на паперти, он приказал сделать возвышение наподобие кресел, куда прихаживал любоваться редким видом. Сообразно тогдашним временам, он старался украсить любимое место своего пребывания: построенный родителем его, царем Михаилом Федоровичем, деревянный готический дворец распространил пристройками и переходами, повелев соорудить на площади пред оным столб с ящиком, в который все требующие царской защиты могли бы безбоязненно опускать свои челобитные. По указу его, вновь измерено расстояние до престольного города [то есть Москвы] и поставлены версты такой величины, каких еще в России не бывало».²⁹

Многие популяризаторы русского языка повторяют эту историю, что вполне справедливо, так как сама известность дворца в Коломенском стала, как теперь говорят публицисты, гарантом употребительности выражения. Тем более что и сейчас музей-заповедник «Коломенское» — одно из излюбленных мест наших соотечественников. Да и в русской литературе выражение о коломенской версте встре-

чается достаточно часто, чтобы врезаться в память каждому. И не только у классиков, но и у современных писателей: «Во-первых, на такую коломенскую версту, как ты, все будут обращать внимание, а во-вторых, некому детей нянчить» (А. Степанов).

Тем не менее у нашего выражения была пред- история, гораздо более древняя, чем установка «коломенских верст» при Алексее Михайловиче. В русской литературе не случайно верста употребляется переносно о человеке высокого роста и без определения коломенская: «— Или ты за него замуж собралась? — Я?! За эту версту?! Да скорее не знаю за кого выйду, но не за него» (Л. Н. Толстой).

Это сравнение было понятно, ибо на всех больших дорогах России ставились верстовые столбы — полосатые, покрашенные в три национальные цвета России, на этих «верстах» указывалось расстояние до населенного пункта. Помните, у Пушкина в «Зимней дороге»?

Ни огня, ни черной хаты,
Глушь и снег... Навстречу мне
Только версты полосаты
Попадаются одне...

Верстовой столб, как и столб вообще, был издавна универсальным мерилем верзилы. В русских народных говорах и в просторечии поэтому немало сравнений с верстой: волгоградское **как верста**; донское **вытянуться как верста**; псковское **стоять верстой**; брянское **ростом с версту** — все они характеризуют именно высокого человека, хотя при этом в народной речи верста была и символом пол-

ного одиночества: **один как верста в поле**. Отнюдь не единичным было и употребление слова **верста** с эпитетами, подчеркивающими, так сказать, долговязость: в курских говорах о высокорослом человеке говорили: «Вот обоянская верста», имея в виду верстовые столбы, отмечавшие дорогу в город Обоянь, а сибирские старики из-под Омска, до сих пор иронично именуя долговязых женщин **губернской верстой**, поясняют: «Высока, как губернска верста. Губернатор версты устанавливал — тыща двести метров». Выражение **коломенская верста**, следовательно, — лишь позднейшее развертывание более древнего сопоставления с верстой, широко известного русской народной речи.

III. ОТ ГАКА ДО МЕТРА

Что меряли гаком?

Как ни велико было расстояние или размеры чего-либо, всегда можно представить себе нечто еще большее. Особенно когда под рукой — специально для этого созданное выражение **с гаком**. Нет, пожалуй, ничего более приблизительного и относительного, чем этот самый фразеологический **гак**. Он применим практически к любому измеряемому объекту и может характеризовать добавку или излишек как расстояния, так и веса или времени. Чаще всего, однако, этот оборот употребляется именно с мерами длины, причем традиционные меры — такие, как верста, — уже давно уступили место современному метрическому: «Хохлы, лениво, с расстановкой отве-

чали, что до Нагорной «версты три, або четыре, ма-
будь, с, с гаком» (А. И. Куприн); «Противоположный
берег довольно высок: пожалуй, метров двадцать с
гаком» (В. Шишков); «Вот это будет прогулка! Де-
сять тысяч километров. Да еще с гаком» (Из газет).

Проблема фразеологического **гака** весьма сму-
щает этимологов. Авторы Этимологического слова-
ря украинского языка, например, так и пишут: «не
совсем ясно».³⁰ Правда, слово **гак**, заимствованное
из немецкого **Hacken** (крюк, багор, соха), имело и чи-
сто «измерительное» значение. В словаре В. И. Даля
это, помимо прочего, и «мера земли в балтийском
крае [то есть Остзейских провинциях], не равная,
смотря по качеству почвы: рижский гак почти вчет-
веро больше эзельского, прочис между ними». Это
значение (оно, кстати, известно и немецкому язы-
ку), однако, не могло стать основой приблизитель-
ного фразеологического «измерения», ибо никак не
подчеркивает «излишности», «сверхмерности». Вот
почему предлагаются два разных объяснения этого
оборота.

Первое основано на предположении, что у вос-
точных славян **гаком** некогда называли косу, ее де-
ревянную ручка, а также меру, равную длине этой
ручки. Позднее старинное слово **гак** якобы забылось
и было вытеснено **косой** (также употреблявшейся в
метрическом значении), а **гак** стал употребляться
весьма расширительно, «в смысле меры расстояния
гораздо больших размеров, чем обыкновенные раз-
меры орудия».³¹

Второе объяснение отталкивается от весьма спе-
цифического промыслово-рыболовецкого термина

гак, записанного И. М. Дуровым в 1929 г. на Соловках. Гак — «термин, относящийся к мерам длины и веса неопределенной величины. Некоторый излишек против нормальной величины меры или веса. Особенно большую роль играет гак среди рыбаков на промысле при определении веса выловленной рыбы до ее реализации».³² На основании такого, как видим, довольно расплывчатого определения Г. Я. Романова дала вывод, что в основе оборота с гаком лежит «гак — крюк, на котором взвешивалась пойманная рыба, который был добавкой, излишком к чистому весу рыбы».³³ Так у значения **железный крюк**, которое действительно является первичным для заимствованного из немецкого слова гак, якобы и появляется значение **излишек, добавка**. «Получив такое значение в рыболовной терминологии, — заключает автор этой гипотезы, — слово гак начинает употребляться более широко, обозначая не только излишек веса, но и излишек при измерении расстояния, определении времени».³⁴ Какое же из этих предположений верно?

Пожалуй, оба следует назвать довольно гипотетичными. Связь гака с косой, как мы видели, основана лишь на реконструированном значении. Уязвимым местом является здесь и сама логика семантического развития выражения, ибо ничего излишнего, «прибавочного» в такой мере, как гак (коса), нет. Если измерение земельного участка происходило с помощью такого эталона, то прибавление еще одного гака неоправданно. Не говорим же мы: «двадцать километров с километром» или «пятнадцать метров с метром» — проще назвать 21 км или 16 м. Вторая

гипотеза в этом смысле выглядит более логичной, так как излишек, «прибавочность» здесь как будто бы получается за счет учета «инородной» по сравнению с весом рыбы меры — железного крюка. Беда, однако, в том, что в рыбопромысловом словаре, на который ссылается Г. Я. Романова, как не имеет значения **железный крюк** (на котором взвешивается рыба). Это ведь только обозначение «некоторого излишка против нормальной величины меры или веса», причем «неопределенной величины», а не наименование рыболовецких весов. Следовательно, это тоже не что иное, как смысловая реконструкция, а не опора на реальный языковой факт. К тому же словарь, вышедший в 1929 г. на Соловках, явно (в силу известных социально-исторических обстоятельств) зафиксировал не диалектную поморскую стихию, а общелитературные термины и слова, к которым, видимо, следует отнести и наш **гак**.

При решении вопроса, как кажется, очень важны два обстоятельства: к какому «мерному» объекту первоначально относился фразеологический **гак** и откуда (в географическом смысле) это выражение попало в русский литературный язык.

На второй вопрос помогает ответить как русская классическая литература, так и русские народные говоры. Мы уже видели, что А. И. Куприн (а он одним из первых в литературном языке употребил оборот с **гаком**) делает особый акцент на том, что расстояние до Нагорной измеряли пресловутым **гаком** именно «хохлы», причем писатель их ответ и передаст на украинском просторечии: «...версты три, або четыре, мабуть, е, с **гаком**».

Не случайно поэтому И. Г. Ольшанский приходит к выводу, что слово *гак* в русском языке по своему происхождению — слово областное, вошедшее в литературную речь из южных диалектов под влиянием украинского языка.³⁵

Действительно, это выражение активно представлено в русских народных говорах тех районов, которые близки к Южной России, Украине и Белоруссии: в костромских, ярославских, донских, псковских, хотя, конечно, благодаря широкой употребительности в литературном языке можно его услышать сейчас и в других зонах. Активное употребление его белорусами и украинцами — причем именно в народном обиходе — заставляет еще раз усомниться в самой возможности связи нашего *гака* с наименованием меры для приблизительного взвешивания рыбы, записанной на Соловках.

Наблюдение за употреблением оборота с *гаком* в народной речи многое дает и для того, чтобы представить первоначальную сферу применения слова *гак*. Чаще всего — как и в литературном языке — здесь речь идет об излишнем расстоянии. Вот несколько таких записей, сделанных в Костромской и Ярославской областях: «— А сколько до Шишкина-то будет? — Десять верст с *гаком*. — А велик ли *гак-то*? — А кто его знает, никто не мерил»; в донских говорах: «Прашол семь километраф з-*гаком*»; в псковских: «Будит вам да Пажэревиц [название деревни] десять з *гакам*»; в туровских говорах белорусского языка: «От *гак*! Больше за версту!»; в мстиславских говорах белорусского языка: «Да дóбрыга ат'этуля сем вёрст з *гакам*».

Характерно, что и в белорусском, и в украинском литературных языках выражение **з гаком** употребляется также чаще всего именно в «пространственных» контекстах. Не случайно и в словаре Б. Д. Гринченко оно иллюстрируется предложением, в котором фигурируют известные «землемерные» единицы: «По дву десятині й вісім аршин та трошки й з гаком».

Все сказанное приводит к выводу, что **гак** — не какая-то бывшая точная единица измерения, а просто крюк, который приходится давать, если нет прямого пути. Недаром ведь русскому **дать крюка́** или **дать кругаля́** (пройти или проехать обходным путем) соответствует украинское **дати гаку** или **зробити гак**. Выражений такого типа в народной речи, например русской, немало: **дать кру́гу**, **дать кривуля́**, воронежское **дать окóлицу**, **дать óгбня** и т.п. Ясно, что делать такие объездные маневры — это и значит ехать лишние версты или километры.

Употребляются такие слова и в сочетании с предлогом **с**. Так, диалектное слово **завёртка** (веревочная петля или кольцо из ремня, проволоки или прутьев) образует «метрический» оборот **с завёрткою** (с избытком, с лишком). Он характеризовал некогда в Поволжье приблизительную, но довольно большую глубину: «Сем с завёрткою означает с лишком семь футов глубины». Подобным же образом созданы известные выражения **с верхом**, **с лишком**, **с избытком**, украинское **з véрхом**, **з на́спом**, **з на́спою**, **з лі́шком**. Да и всем известное шутовское **с хвостиком** довольно близко именно к **гаку** (крюку, полукругу) — во всяком случае по форме.

Значит, **гак** в нашем выражении никогда настоящей единицей измерения и не был. Это лишь память о тех обходах и объездах — «крюках» и «огибнях», которые приходилось «давать» нашим предкам, если столбовой дороги, оснащенной «полосатыми верстами»-столбами, не было. Словом, если приходилось преодолевать нужное расстояние «с гаком».

Метры вместо гаков

Хотя сам фразеологический **гак** и не входил в метрическую систему, его освоение нашим языком симптоматично уже потому, что оно совпало с периодом решительной перестройки этой системы. Слово **гак** в значении **крюк**, **шип** встречается в письменных памятниках с конца XVII в., фразеологизм же — со второй половины XIX в. Это время проникновения в наш язык множества иностранных слов, в том числе и метрических терминов. Сначала проникновение шло стихийно, «свое» и «чужое» хаотично перемешивались друг с другом. Так, например, в «Козмографии» 1670 г. **аршины**, **версты**, **пяди**, **поприща**, **сажени** перемежаются, с одной стороны, с такими мерами, как **ноги человеческие**, **стопы ножные**, **ступени** или **стопы человеческие**, а с другой — с **градами** (градусами), **левками гишпанскими** (около 3 верст), **итальянскими**, **шпанскими**, **польскими** и **немецкими милями**, **пасами**, **песами**, **шахами**, **стадиями** и **ульнями**. Постепенно идет унификация не только самих мер, но и их обозначений, причем основное направление этой унификации — приближение к международ-

ным стандартам. Эти стандарты, правда, тоже колебались, и законодателям российских мер приходилось крайне осторожно соизмерять исконно отечественное с подходящим иноземным. Современная метрическая (десятичная) система мер внедрялась в торговый и научный обиход России довольно медленно: за ее введение Российская Академия наук выступала еще в 1869 г., но лишь в 1899 г. эта система была допущена к применению. Только после Октябрьской революции ее ввели окончательно и бесповоротно: 11 сентября 1918 г. Совет Народных Комиссаров РСФСР принял декрет «О введении Международной метрической десятичной системы мер и весов». На смену пядям, аршинам, сажням и верстам пришли сантиметры, метры и километры.

Современная Международная метрическая система измерений была создана во время французской буржуазной революции XVIII в. До этого и во Франции были в ходу такие «эталоны», как, например, ступня короля (французский туаэ) или расстояние от носа короля до конца его вытянутой руки. С 1791 г. в качестве основной меры длины устанавливался метр — от греческого *métron* (мера); метр составлял одну сорокамиллионную долю парижского меридиана. Многочисленные образцы этого эталонного метра разъехались в разные страны, положив начало интернационализации метрической системы мер. На основе метра были разработаны методы линейных измерений и определены другие единицы. Так, основной единицей поверхности стал ар, равный квадрату со сторонами 10 м: ар от греческого *aros* (пахота); основной единицей объ-

ема, предназначавшейся для измерения дров, стал стер, равный кубу со сторонами 1 м каждая; основной единицей объема (емкости) жидких и сыпучих тел — литр равный кубу со сторонами 0,1 м каждая; литр образовано от греческого *litra* (весовой фунт). Основной единицей веса стал грамм (от греческого **gramma** — обозначение, надпись), равный весу чистой воды в объеме 0,01 кубических метров при температуре 0° по Цельсию. Как видим, «метричность» этой системы выдержана очень последовательно.

Линейные измерения, связанные с метром, постоянно совершенствовались, а сами единицы продолжают уточняться. Учеными сейчас разработаны электромагнитные методы и средства измерения расстояний в длинах электромагнитных волн. Волновой эквивалент метра чрезвычайно точен — он содержит 1,650763 длины волн изотопа криптона-86. Понятно, что подобной точности можно достигнуть лишь с помощью особых приборов — радио- и светодальномеров. Они позволяют измерять расстояния в огромном диапазоне — от одного метра до сотен тысяч километров. Такая точность и такие пространственные диапазоны нужны современной науке и технике.

Старые метрические системы многих народов долго не сдавали своих позиций, ибо подкупали «понятностью». Но эта понятность — чисто этимологическая, дающая весьма приблизительное представление о точной мере. Так, английский гран (равный 0,0648 г) буквально значит **зерно** (*grain*). Дюйм (равный 2,5 см), попавший к нам из Голландии в эпоху Петра I, это голландское **большой палец** (*duim*); сравните с немецким **Daumen** с тем же значением.

Унция, равная 28,3 г, ведет начало от латинского *uncia*: в Риме унция означала одну двенадцатую часть фута. Английский фут (равный 30,5 см) назван так по длине ступни: *foot* — это и есть ступня, нога (ниже щиколотки). Метафорические приблизительности таких размеров, правда, в разное время пытались по-разному устранить. Фут, например, определялся как длина, равная 36 положенным друг за другом зернам ячменя при средней его урожайности, а ярд — уже известной нам «роялистской» меркой — как расстояние между носом и средним пальцем вытянутой руки не просто короля, а короля Эдгара, жившего в 959–975 гг. Ясно, что такие «уточнения» допускали не меньший произвол, чем обмер товаров русскими купцами на свои собственные аршины.

Метр с кепкой и аршин с шапкой

Замена национальных мерок интернациональными метрическими эталонами, следовательно, — историческая неизбежность, вызванная научно-технической революцией. И язык, в сущности, — единственная «палата мер и весов», где многие смещенные историей мерки продолжают и еще долго будут продолжать свою активную жизнь. Здесь они оказываются намного конкурентоспособнее новых метрических терминов, ведь последние, как и вообще термины, достаточно стойко сохраняют свою однозначность, в то время как традиционные наименования мер обросли массой дополнительных ассоциаций и образов, столь необходимых для фразеологического употребления.

Действительно, много ли мы найдем переносных употреблений таких слов, как **сантиметр**, **метр** или **километр**! Практически ни одного, что и отражают русские словари. А **вершок**, **пядь**, **аршин**, **сажень** и **верста** больше известны каждому русскому как фразеологические метафоры, чем как термины. Попытка провести здесь «модернизацию» обречена на провал. **От горшка два сантиметра, семи метров во лбу** или **с коломенский километр** — такое может сказать либо беспросветный неуч, либо иностранец, не познавший еще тонкостей русского языка и потому воспринимающий соответствующие идиомы как свободные словосочетания с метрическими терминами.

Некоторая «подвижка» в сторону метрических терминов, конечно, все-таки возможна. Мы уже видели, как именно в эпоху «метрического бума» в России **версты с гаком** сменялись и в литературном языке, и в народной речи на **километры с гаком**. Аналогичным образом произошла подмена прежнего **аршина** на современный **метр** в просторечии: «— И ты за него выходишь замуж?! Да это же полтора метра с кепкой!» Такую фразу автору этих строк довелось услышать в петербургском метро. Ясно, что речь шла о женихе невысокого роста. Любопытно, что в русских народных говорах — вятских, пермских и псковских — до сих пор бытует подобное насмешливое прозвище низкорослых людей — **аршин с шапкой**. «Ей трицать лет, а яна всё аршин с шапкой», — говорили об одной женщине в деревне Камено-Опочецкого района на Псковщине.

Эта фразеологическая шутка не так уж и нова, поскольку хорошо известна и белорусам. Здесь она

даже попала в литературный язык: «— А рост і сапраўды падвёў мяне. «Аршын з шапкаю», — кажуць пра мяне. А я толькі смяюся» (Д. Каваль); «Ну які ен там, Пятровіч? Дваццаць шосты год, растам, як кажуць, аршын з шапкаю, адукацыя восем класаў» (С. Грахоўскі). Впрочем, и в современном русском литературном языке оборот **аршин с шапкой** также встречается: «Пока Васюха мыкался по белому свету, умерла его жена Поля, оставив на чужие руки дочку Мотю. Митяй в эти годы сам был, как говорят, «аршин с шапкой», но безропотно принял на себя заботу о несмышленишке» (Г. Марков); «Усадист дед, широк в плечах. Но ростом не взял: аршин с шапкой — как говорят в таких случаях мужики-поселяне» (Г. Кругликов).

Мостик между **аршином с шапкой** и **полтора метрами с кепкой** перекидывает современное новгородское выражение **метр с шапкой**. Ясно, что и **метр с шапкой**, и **полтора метра с кепкой** — лишь продолжение старого «аршинного» измерения, принявшего здесь шутовскую форму. Записаны эти обороты от разных людей и в разных местах: одно в Новгородской глубинке, другое — в крупном индустриальном центре. Но оба они свидетельствуют о том, что народная речь широко открыта ко всем нововведениям. Открываясь им, она, однако, перемеривает их по своей, глубоко национальной «аршинной» мерке. Ибо несмотря на свою исключительную динамичность народная речь — наша историческая память, которая надежно хранит почти все, оставленное в прошлом. В том числе и вышедшие ныне из моды аршины, сажени да «версты полосаты».

НА ВСЕХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАРУСАХ

...Привлечь к себе любовь пространства,
Услышать будущего зов...

Б. Пастернак

Время и пространство существуют для человека лишь в их взаимодействии. Само слово **действие** — наименование последней части «классической» триады. Действие, движение, процесс соединяют Время и Пространство в единое целое, ибо любая деятельность осуществляется в их координатах. Стоит ли удивляться поэтому, что Действие оставило в языке след еще более глубокий, чем Время и Пространство?

Нет возможности продемонстрировать все языковые отражения многообразной человеческой деятельности. Даже если сузить ее до профессиональной сферы, одно перечисление слов и выражений, образным истоком которых она стала, будет чрезвычайно длинным. Во фразеологии, например, отражены многие важные для прошлой и настоящей жизни трудовые процессы. К охоте и рыболовству относятся **ни пуха ни пера**, **лезть на рожон**, **по горячим следам**, **наострить слух**, **убить бобра** и многие другие. К различным ремеслам — **согнуть в дугу**,

попасть впросак, вить из кого-либо веревки, тянуть канитель, лить колокола, на скорую руку, без сучка и задоринки... К крестьянским промыслам — ободрать как липку, не лыком шит, лыка не вяжет, из кулька в рогожку, через пень колоду... К военному делу — стоять на часах, брать измором, поставить заслон, бить в набат, брать на пушку, тихой сапой, гол как сокол, поднять на щит... Приток таких фразеологических метафор постоянно пополняется: звездный час, выйти на орбиту, вывести на орбиту... Всего и не перечислишь.

Не пытаюсь поэтому исчерпать извечный «действительный» сюжет во всей его неизмерности, попробуем выбрать из него то, что кажется теснее всего связанным и со временем, и с пространством. В первую очередь — это один из древнейших видов деятельности человека, расширяющий его географические горизонты и тем самым уточняющий границы отведенного ему времени. Мы уже видели, сколь цепко моряки хранят в своем обиходе наименования устаревших часов-склянок или как бурлацкое «табачнос» измерение пространства стало переносным наименованием крайне ухудшающейся ситуации. Посмотрим теперь, какую вообще дань отдали мореходные представления нашему языку. Ведь как говорится в одном из последних стихотворений Сергея Острового «Судьба»:

Люди, будто в море корабли,
Все плывут. Кому судьба какая.
Кто-то вовсе близко от земли,
Кто-то — горизонт пересекая.

Сухопутным душам не в укор,
Буря раскосматится, беда ли.
Кто-то всем ветрам наперекор
Парусом распарывает дали.

А вокруг ни лучика. Ни зги.
А вокруг ревушие широты.
Чертовой беспутницы круги.
Гибели косые повороты.

Даже рыбы слепнут в этой мгле.
Черные колышутся пучины.
Матери седеют на земле.
В море ратоборствуют мужчины.

Побеждают бурю. Грудь на грудь.
Рассекают мрак. И непогоду.
И плывут, прокладывая путь.
Для людей. А не себе в угоду.

Паруса вдохновения и комарабли

Наш век — век информации. Ее потоки все с новой силой обрушиваются на нас, а мы, порой не имея времени не то что окунуться в эти потоки, но даже совершить в них легкое омовение, жадно продолжаем следить за новыми и новыми сведениями — как бы не отстать, не сбиться с новейшего курса, не упустить что-либо важнее. В период научно-технической революции информация становится синонимом научного прогресса. Вот почему столь велика роль специальной терминологии в науке и технике. Вот почему многие уверены, что основная функция языка — номинативная, назывная, терминологическая.

Действительно, появление все новых научно-технических понятий, реалий, фактов требует оперативного умножения словесных наименований. Если многие слова и выражения, связанные с традиционным бытом, веками жили в народной речи почти без изменений, то терминология современной техники и науки меняется буквально на глазах. Типичной в этом отношении является, например, морская терминология, которая с эпохи Петра I исключительно быстро обогащалась за счет различных комбинаций «своего» и «чужого», усложнялась, специализировалась, модернизировалась. Петербургский профессор Б. Л. Богородский, всю свою жизнь посвятивший изучению истории морских слов и выражений, показал во всех деталях важнейшие линии их развития. Конечно, знать эти детали — значит усвоить и историю мореходства на Руси, стать знатоком не только морского слова, но и морского дела. Ведь эволюция морской терминологии русского языка — это, так сказать, их жизнь для специалистов, для «посвященных».

Но есть и другая жизнь специальных терминов, в том числе и терминов судоходства, — жизнь «для всех». Правда, это «для всех» не исключает жизни «для себя», а лишь подчеркивает ее своеобразие и индивидуальность. Ибо это — жизнь двойная, метафорическая, в которой термин оказывается не только термином, но и художественным символом.

Связь между первой — специально терминологической, и второй — обобщенно метафорической «жизнями» легко осознается, и мы, употребляя то или иное слово или выражение, ощущаем привкус

терминологической «солености» и даже специально подчеркиваем ее. Так нередко поступают поэты и писатели, черпающие из терминологического моря новые и новые образы. Вот любимая всеми концовка пушкинской «Осени»:

И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы легкие навстречу им бегут,
И пальцы просят к перу, перо к бумаге,
Минута — и стихи свободно потекут.
Так дремлет недвижим корабль в недвижной влаге,
Но чу! — матросы вдруг кидаются, ползут
Вверх, вниз — и паруса надулись, ветра полны;
Громада двинулась и рассекает волны.
Плывет. Куда ж нам плыть?..

Здесь слово **корабль** — и «корабль», и «некорабль». Даже — более «некорабль», чем «корабль». Это символ поэтического вдохновения, постепенно раздувающего паруса перед плаванием в безбрежные дали Творчества. И вместе с тем — это еще и корабль, поскольку Пушкин возвращается к привычному, прямому значению и даже специально подчеркивает его конкретность, рисуя зримую картину подготовки парусного судна к плаванью. Тут двойная жизнь слова **корабль** — как на ладони. Именно она помогает живописать одну из сокровенных и непостижимых тайн — тайну поэтического творчества, которой Пушкин делится с читателем. Вибрация между прямым и переносным значениями насыщает это слово особым напряжением, имя которому — поэтическая экспрессия.

Экспрессию двойного плана, конечно, можно употреблять с разными целями. Если у Пушкина и

Лермонтова парусное судно — высоко поэтический символ вдохновения или человеческого одиночества, то у их предшественника Г. Р. Державина — это иронический образ, помогающий развенчать одного из злейших врагов любителей деревенских пасторалей — комара. В шуточной оде «Похвала Комару», написанной в поместье, где, видимо, комары уж очень досаждали «благословителю» Пушкина, есть такое место:

Больше ж ты, Комар, во всем
Схож с военным кораблем:
Ты на парусах летаешь,
Страшны громы испускаешь,
Жжешь свирепо и язвишь;
Ты снабжен кормой и носом
И с предлинным тож насосом
Часто на мелях сидишь,
Грязнув в патоке, в сметане,
И на зимнем твоём стане
Замерзаешь тож, как он;
А тепло лишь дхнет весною,
Ты попутною порою
Сам средь моря фараон!

Схема «комарабля» здесь столь конкретна и детализирована, что ее вполне можно предложить какому-нибудь директору судостроительного завода для запуска в производство. Правда, военспецам будет нелегко догадаться, каким способом этот «комарабль» «испускает страшны громы» и почему он представляет собой своеобразный гибрид парусника с земснарядом, оснащённым «предлинным насосом». Но для читателя-«неспециалиста» здесь все

ясно: речь идет о том же обыгрывании смысловой двуплановости корабля, что и у Пушкина. Языковая суть этого обыгрывания — в той же вибрации прямого и символического значений. Вибрации, обеспечиваемой предельной прозрачностью образа.

Далеко не всегда, однако, двойная жизнь слов и выражений, связанных с судостроительной терминологией, столь прозрачна «для всех». Нередко их исходное значение законспирировано семью печатями поэтического употребления либо многократной языковой «обкаткой». И тогда глубинная, истинная (читай: терминологическая) жизнь слов, связанных с судостроением, остается неопознанной, а читатель, слушатель или говорящий и не подозревает, что вторичное принимается им за первичное. Особо надежным конспиратором язык становится тогда, когда писатель или поэт весь центр тяжести переносит на «ложное» исходное значение, отвлекая читателя от значения истинного.

Какой нос надо держать по ветру?

Вот один из особо примечательных случаев такого «кодирования». В «Сонетах Лэму» Н. Матвеева тонко обыгрывает переносное и «ложно» прямое значение оборота **нос по ветру держать**:

Иные люди мне чудны, ей-богу!
Нос по ветру держать и с веком в ногу
Вышагивать — на их наивный взгляд
Одно и то же! Мучаюсь вопросом:
Ну как так можно?! — путать ногу с носом
И все-таки стремиться в первый ряд!

Поэтесса, столь любящая морскую романтику и воспевшая ее в своих многочисленных стихах (не случайно и сборник, в котором помещено это стихотворение, назван «Страна прибой»), здесь далеко уводит читателя от «морской базы» выражения **держать нос по ветру**. А оно, как считают исследователи фразеологии, восходит к эпохе парусного флота и первоначально подразумевало именно нос корабля. Его буквальный смысл — следить за направлением ветра, смотреть, откуда ветер дует. Ведь от направления ветра и умения мореходов зависело все: если ветер дул в нос корабля, то ничего не оставалось, как убрать паруса и становиться на якорь, чтобы корабль не сдуло на рифы или не выбросило на берег. Отсюда и переносный смысл выражения — приспособляться к обстоятельствам.

В стихотворении же Н. Матвеевой это морское выражение остроумно скрещено с оборотом **вышагивать в ногу с веком**, благодаря чему подчеркнута «телесность», а не «корабельность» **носа**. Это скрещение еще более акцентируется во второй части стиха, где по-матвеевски изощренно **нога с носом** «спутывается» в один сёмантический клубок. Эта путаница полностью отрывает нас от морского прообраза выражения **держать нос по ветру**. Поэтесса расщеплением устойчивого оборота на составные части и разрушает его обобщенное значение (примеряться к обстоятельствам, беспринципно менять свои убеждения), и в то же время усиливает его акцентовкой «телесности» **носа**. Специальное, морское значение этого оборота ей оказалось ненужным, оно отвлекало бы читателя от основного

удара, который она наносит по беспринципности и духовному приспособленчеству. Вот почему первый план двойной жизни нашего оборота остался нетронутым, сохранился в глубокой тайне.

Навская навигация, летаргическое плавание и Ноев ковчег

Столь свободное, нетерминологическое обращение с морскими словами и оборотами — не вольности поэтического вымысла. За ним — древняя языковая традиция, постоянно связывающая реальное с вымышленным, конкретное — с абстрактным, прозаическое — с поэтическим.

В мифологии многих народов плавание на корабле устойчиво связывается с пересечением самой грозной для человека границы — границы жизни и смерти. Наши славянские предки, в частности, имели обычай погребать усопших в ладьях и спускать их по течению реки. По их представлениям, в таких погребальных ладьях и плыли в царство мертвых. Божество смерти у древних славян называлось **Навь**: вспомним сохранившееся в народной речи сочетание **навья косточка**, которую суеверно считают первопричиной смерти, причем она якобы остается нетленной в разлагающемся трупе. Это божество сравнивали с римским богом Плутоном, и не без основания — последний, как и древнегреческий Аид, был владыкой подземного мира и царства мертвых.

В древнерусском языке слова **Навь**, **Нав** и **Навье** обозначали также покойников, которые, в соответ-

ствии с культом умерших предков, были способны оберегать живых и помогать им, а иногда, наоборот, вызывать кончину. В «Повести временных лет», например, причиной эпидемии в Полоцке называются именно такие мертвецы-навьи, скачущие на невидимых конях по улицам и побивающие полочан. В Радзивилловской летописи под 1092 годом об этом событии говорится так: «посем же начаша [бесы] в день являтися на конех, и не бѣ их видети самѣхъ, но коней ихъ видети копыта, и тако уязвляху людие полоцкиа и ихъ область, и тѣмъ и человеци глаголаху, яко навье есть полочаны». Сейчас это слово — архаизм, который лишь изредка встретишь в художественной литературе, например в «Мелком бесе» Федора Сологуба: «В ее [Дарьи] визгах звучало напряженно-угрюмое одушевление. Если бы мертвеца выпустили из могилы с тем, чтобы он все время пел, так запело бы то навье. А уж сестры давно привыкли к хмельному Дарьиному горланью и порою подпевали ей нарочито визгливыми голосами».

После введения христианства начались гонения на это божество, как и на других языческих идолов. Но еще долго у восточных славян праздновался особый **Навий день** — день поминовения усопших, который позднее был приурочен к последнему четвергу великого поста. Да и масса «низших» мифологических существ, олицетворяющих смерть или связанных с нею, продолжала еще до недавнего времени жить в славянском фольклоре. Так, украинские **навки** или **мавки** — девочки, умершие некрещеными и превратившиеся в русалок, болгарские **нави** — злые духи, колдуньи, сосущие кровь

у рожениц, и т. д. пережили многих канонических святых правоверного христианства.

Этимологи связывают **Навь** с глаголом **ныть** и его производными. Однако древнейшее представление о погребении в ладье, устойчивая связь перехода в «тот свет» с плаванием вызывает другую этимологическую ассоциацию. Вполне возможно, что теперь уже забытое славянское слово — близкий родич древнегреческого **παῖ** (плыву), от которого образованы: **paútēs** (пловец) — сравните **космонавт**, буквально **пловец в космосе**; также **nautilus**, от которого произошло латинское **nautilus** (моряк) — сравните название жюль-верновской подводной лодки капитана Немо; и **навигация**, созданная сложением латинского **navis** (корабль) и **agere** (гнать). Ведь основным занятием древнего славянского **Навя** было именно обеспечение «навигации» усопших в потусторонний мир. Характерно, что тот же корень ***nahu** используется в индоевропейских языках и для обозначения вида погребального обряда, и для наименования погребальной ладьи, в которой этот обряд осуществляется, что подтверждает предполагаемое сближение славянского и греко-латинского корней.

Эта этимологическая связь подкрепляется и древним мифологическим сопряжением морского пути с дорогой в потусторонний мир. Некоторые славянские племена прежде сжигали своих усопших в ладьях, которые пускали затем вниз по течению. Рудиментом этого обычая длительное время был один из важнейших моментов Купальских обрядов — сжигание или утопление Купалы, то есть женского или мужского чучела, символизирующего

смерть (белорусы ее называли Мара, русские — Кострома). Этот образ — симбиоз ритуального и метафорического начал, что характерно для древнего мирозерцания. «Если небо виделось человеку океаном, отделяющим мир живых людей от царства умерших, — пишет Л. Р. Супрун-Белевич, исследователь метеорологической лексики у славян, — то облака и тучи — это корабли, плавающие по воздушному океану, переносящие в небо души усопших. На одном из этих кораблей покоится Перун, умирающий на зиму. Корабль этот в черном траурном убранстве. Русская народная загадка так изображает весеннюю тучу, на которой пробуждается от зимнего сна бог-громовик: «Гроб плывет, мертвец ревет, ладан дышит, свечи горят», «На поле царинском [небе] в дубу гробница, в гробе девица — огонь высекает, сыру землю зажигает».³⁶

Сближение славянских **навей** и греко-латинских **наутов** подтверждает и античная мифология. Ведь Аид — царство мертвых, по одному из древнейших представлений греков, находился где-то далеко на Западе, за рекой Океаном. Здесь обитали тени умерших, продолжая свои земные деяния. Сошествие теней или душ умерших в Аид представлялось по-разному, но чаще всего — как речное плавание. Путь в Аид лежал вдоль реки забвения Леты, глоток воды из которой заставлял смертных забыть земную жизнь и тем самым подготовиться к жизни потусторонней. Тем более что возврат на землю уже невозможен, ибо если бы даже пустившийся в путешествие к Аиду человек захотел вновь вернуться, то его осадил бы трехглавый пес Цербер, стерегущий врата в под-

земное царство мертвых и свободно пропускающий сюда, но никогда не выпускающий отсюда.

Пройдя врата Аида, тень покойного совершала плавание на челноке перевозчика Харона через реки подземного царства — Ахерон, «реку скорби», и впадающие в нее Пирифлегерон и Кокит. Как и положено «воднику» с такой специализацией, Харон имел вид мрачного старца в рубище, причем старца весьма разборчивого — он перевозил лишь тех усопших, чьи кости обрели покой в могиле. Плата за такой ответственный перевоз была небольшая — всего один обол, мелкая медная, серебряная или бронзовая монетка в Древней Греции. Такую монетку — ни больше и ни меньше — клали умершему под язык.

Переpravляясь через Ахерон и Кокит, новый житель потустороннего мира слышал стенания грешных душ, которые оказывались именно в водах этих рек. Воды же еще одной подземной реки — Стикса — считались, наоборот, священными: они могли служить своеобразным рефрижератором, постольку в них все смерзлось и застывало на вечные времена. Быть может, поэтому водами Стикса клялись сами боги.

Мифам о потустороннем мире и реке забвения давно уже не верят. Никому не придет в голову класть в рот усопшему монетку или объяснять кончину воздействием языческого божества Навь. Язык, однако, продолжает упорно хранить эти представления, хотя и не оживляет их постоянно. Говоря о летаргическом сне, мы уже совсем не думаем о реке забвения Лете, с названием которой этот медицинский термин связан. Но зато полноценное употребление оборота **кануть в Лету** невозможно без

понимания древнегреческого мифа. Иначе, читая «Евгения Онегина», мы не поймем всех образных нитей пушкинского

быть может, я гробницы
Сойду в таинственную сень,
И память юного поэта
Поглотит медленная Лета...

Река забвения, называемая Временем, поглотила мифотворцев и мифоверцев. Нашли в ней прибежище и Навь, и Цербер, и один из первых в человеческой истории речников — перевозчик Харон. Время от времени, однако, из этой реки вновь возвращаются забытые образы, чтобы оживить нашу демифологизированную жизнь и напомнить о том, что уже первые сказки человечества отдавали благодарную дань судоходству и кораблевождению.

Пальма первенства среди них все же принадлежит ветхозаветной сказке о Ноевом ковчеге. Действие ее происходило в допотопные времена, когда всемогущий бог вдруг обнаружил, что «велико развращение человека на земле» и решил истребить людское племя, наслав на него всемирный потоп. Исключение сделано было лишь для праведника Ноя, «ходившего под богом», и его семьи. Он приказал Ною сделать ковчег таких размеров, чтобы на нем нашла спасение и его семья, и «всякой твари по паре», то есть разные животные и птицы. Как только это судно было построено, начались проливные дожди, идущие сорок суток не переставая, и затопили все горы и доли, всех животных и людей на земле.

Один только Ноев ковчег сел на «мель», которой оказалась гора Арарат, и простоял там целых три месяца, пока не спала вода. Лишь после этого Ной открыл окошко корабля и выпустил ворона, чтобы выяснить, насколько убывла вода и осушилась земля. Но ворон вернулся обратно: ему не на что было даже сесть. Через семь дней Ной выпустил голубя, но и тот вернулся без добрых вестей. Еще через семь дней он вновь отправил голубя, который, наконец, принес в клюве свежую оливковую веточку. Так, по библейскому преданию, спасся род человеческий.

Наукой доказано, что это предание — один из многочисленных древних мифов, которые рассказывались у многих народов — греков, китайцев, индусов. Наводнения время от времени сокрушали грешные и безгрешные цивилизации и казались страшнейшим бедствием. Видимо, библейское предание — лишь повесть о такой катастрофе, некогда приключившейся в бассейне Средиземного моря. О подобной же беде рассказывает один из древнейших эпосов мира — вавилоно-шумерское сказание о Гильгамеше, написанное на глиняных табличках. Причина, действие катаклизма и его благополучный исход — те же, что и в ветхозаветном предании. Единственное различие в том, что в легенде шумеров нет голубки с оливковой ветвью, ибо олива почиталась как священное дерево не у шумеров, а у древних евреев и греков. Благодаря известности ветхозаветного мифа о всемирном потопе голубь с оливковой ветвью до сих пор изображается на плакатах как символ, мира, жизни и покоя, свидетельствуя о том, что художественный образ перерастает библейскую веру.

Во многих языках, в том числе и в русском, живут еще выражения, связанные с преданием о Ноевом ковчеге: **всемирный потоп**, **допотопные времена**, **всякой твари по паре**... Мы употребляем их в переносном значении, часто и не ведая об их ветхозаветном истоке. Так, проливной и долгий дождь мы можем назвать **всемирным потопом**, а оборотом **всякой твари по паре** охарактеризовать любую пеструю компанию людей.

В переносном смысле мы употребляем и обороты **Ноев ковчег** или **ковчег спасения**. Это — либо битком набитое помещение со всякими случайными обитателями, либо ветхое, старомодное судно, машина и т. д. Так, в «Униженных и оскорбленных» Ф. М. Достоевский этот оборот употребил в первом значении: «Спрашивали: не ходил ли к нему кто-нибудь? Но никто не мог дать об этом удовлетворительного ответа. Дом большой: мало ли людей ходит в такой Ноев ковчег?»

Слово **ковчег**, которое известно большинству русских именно благодаря выражению **Ноев ковчег**, воспринимается как синоним слов **корабль** и **судно**. Однако раньше, в самостоятельном употреблении, оно имело иное значение — **ящик** или — в православных церквах — **ларец** (для хранения так называемых святых даров). Да и во многих славянских языках **ковчег** употребляется отнюдь не в «судостроительном» значении, а в бытовом смысле — сундук, ларь, ящик, чемодан и даже — гроб. Это и понятно: **ковчег** — восточного происхождения, и в тюркских языках имеет в основном «сосудное» значение, обозначая посуду, ведро или ящик. Как

видим, семантический переход «сосуд» → «судно», который соединяет исконно русские слова **корабль** и **судно**, «работает» и для заимствований.

Итак, оборот **Ноев ковчег** буквально обозначает посудину, на которой праведник Ной спасся от всемирного потопа.

Как же она выглядела и какие «посудоходные» качества ее отличали?

Об этом весьма точно повествует Ветхий завет. Бог дает свосму подопечному весьма четкие кораблестроительные указания: «Сделай себе ковчег из дерева гофер; отделения сделай в ковчеге и осмоли его смолою внутри и снаружи. И сделай его так: длина ковчега триста локтей; ширина его пятьдесят локтей, а высота его тридцать локтей. И сделай отверстие в ковчеге, и в локоть сведи его вверху, и дверь в ковчег сделай с боку его; устрой в нем нижнее, второе и третье [жилые]».

Это описание — одновременно и самопровержение. Ведь поскольку локоть равен приблизительно 53 см, то длина спасательной посудины Ноя могла быть всего 160, ширина 27, а высота — 16 м. Можно ли себе представить праведное семейство Ноя в столь тесном жизненном пространстве с многочисленными парами тварей земных и небесных? Кишащие змеи, неповоротливые слоны, алчные крокодилы и сонные бегемоты, орлы и колибри...

Не говоря уже о невообразимой сумятице, дефиците фуража и психологической несовместимости всех этих тварей их благополучному плаванью к горе Арарат препятствовал бы прежде всего лимит места. А целое море деревьев и трав, которые

Ной также, по библейской легенде, якобы спас от гибели?..

Конечно, рассказ о Ноевом ковчеге — всего лишь ветхая, как сам ковчег спасения, легенда. Но в ней опозитизирована святая вера людей в спасительную силу Корабля. И кто знает, быть может, ее и сочинили те, кто хорошо знал, из какой древесины и как строить надежные посудины, которые с допотопных времен помогали человеку выстоять в жестокой битве с водной стихией.

Паруса, пары и ветрила

Как бы фантастичны ни казались нам старые мифы и предания, они так или иначе отражают и какую-нибудь определенную реальность. В мифе о всемирном потопе, конечно, описание конкретного наводнения утонуло в его библейской интерпретации как божьего наказания за людские грехи. Естественно поэтому так или иначе обращаться к этим мифам и учитывать их при объяснении исходного смысла выражения.

Многие образные обороты, связанные с морским делом, однако, требуют не мифологических экскурсов, а обращения к реальной истории судостроения или кораблевождения. И притом не только каждый моряк, но и любой непосвященный тут же растолкует их прямое значение. В нашем языке таких выражений — пруд пруди: **на всех парусах, на всех парах, плыть по течению, плыть против течения, пускаться на самотек, на семи ветрах, брать на буксир, выбрасывать за борт, оказаться за бор-**

том, сесть на мель, сидеть на мели, брать курс, держать курс, сбиваться с курса, под флагом чего-либо, стоять у руля, бразды правления, у кормила власти, подложить мину, отдать концы, отдать швартовы, бросить якорь и т.д. Растолковать их просто — потому, что они и сейчас, став метафорическими, продолжают жить двойной жизнью — и как морские термины, и как фразеологизмы.

Двойная жизнь слова, как, впрочем, и двойная жизнь человека, — дело нелегкое, ибо при такой жизни приходится испытывать двойное напряжение. Но благодаря этому напряжению значения слов необычны, обновлены, притягивают к себе особое внимание. Внимающий им обычно также ощущает некоторое напряжение — как бы, поняв переносное значение, не упустить и прямого.

На первый взгляд может показаться, что такая двойственность — большая помеха верному пониманию смысла. Как же, спрашивается, понять — что имеет в виду говорящий, употребляя сочетания **взять на буксир** или **под флагом**, — морской, терминологический обиход или метафору, основанную на нем? Не возникают ли недоразумения и недопонимания между говорящими?

Не возникают, ведь возможные недопонимания обычно легко устраняются контекстом. По окружению оборота мы сразу понимаем, что говорящий имеет в виду не то, что называется буквально: «Иван Сергеевич предлагал проявить инициативу, **взять одну из отстающих шахт на буксир**» (Д. Игнатов). По шахтерскому контексту ясно, что оборот **взять на буксир** оторвался напрочь от морской сти-

хии и здесь обозначает, что нужно помочь, оказать помощь отстающей шахте.

Так, потенциально живя двойной жизнью, морские выражения в конкретной контекстной ситуации вынуждены быть или самими собой, или своими метафорическими двойниками. Быть может, именно это и спасает им жизнь, двойное напряжение которой выдержать иначе было бы невозможно.

Зависит ли движение в сторону метафоричности от фразеологического долголетия? Происходит ли наращивание переносного значения постепенно, или метафора рождается сразу? На этот вопрос трудно ответить однозначно. Конечно, при рождении метафоры свежий образ более клонится к конкретному терминологическому представлению, из которого вырос. Но если реалья, его породившая, остается актуальной в течение многих лет и даже веков, то и терминологическое значение может не выветриться, а остаться столь же прозрачным.

Типичный этому пример — выражение **нестись на всех парусах**. Образ, из которого оно родилось, и само оно — стары, как сам парус. Его знали и древние греки, в языке которых **плыть с надутыми парусами** значило, помимо скорости, еще и иметь во всем везение, удачу. Знали этот оборот и римляне: по латыни **plenissimis ventis navigare**, буквально — **плыть с полными парусами** значило то же, что и русское **плыть на всех парусах**. Исходный образ этих выражений предельно ясен: чем больше поднято парусов, тем быстрее движется судно. Вибрация между прямым и переносным значениями здесь прощупывается без особого труда.

Более того, это «смыслобиение» не прекратилось и после величайшей революции в морском деле — смены парусного флота кораблями на паровой и дизельной тяге. **Оборот на всех парах** — прямой потомок древнего «парусного» выражения. Именно «прямой», ибо если вдуматься в буквальный смысл этого **на всех парах**, то окажется, что этот смысл — бессмыслица и грамматическая несуразица, ведь **пары** не поддаются такому же расчленению на отдельные элементы, как **паруса**. Переход от **парусов** к **пару** здесь не «подправлен» языком, потому и получилось это неоправданное «множественное» существительного **пар**, которое должно употребляться только в единственном числе. В других языках такая коррекция сделана.

Так, во многих европейских языках есть аналогичные русскому выражения о парусах: украинское **на всіх парусах**, чешское (*plout*) **plnými plachtami**, французское *à pleines voiles*, немецкое *mit vollen Segeln* (буквально — **со всеми парусами**, то есть очень быстро). Их фразеологическим прототипом, по-видимому, является латинское *plenissimis ventis navigare* (плыть на полных парусах). Есть у этих выражений и более современная паровая «тезка», но в отличие от русского и украинского **на всех парах**, **на всіх парах** она имеет во многих языках единственное, а не множественное число: чешское *plnou parou*, немецкое *mit vollen Dampf (fahren)*, английское *full steam* и т.п. Это доказывает, что множественное число в русском языке — лишь точное перенесение грамматического облика «парусного» фразеологизма на «паровое».

Такое давление **паруса на пар** оправдано многовековой эксплуатацией парусов во время морских и речных плаваний. Впрочем, не только морских и речных. Древние русичи, следуя знаменитым путем «из варяг в греки», научились применять паруса и на суше. На некоторых участках этого пути передвижение по воде оказывалось невозможным, и тогда корабельщики ставили свои ладьи под паруса, добавляя, правда, к силе паруса и бычью тягу. По преданиям, эта незапатентованная идея была использована в военном деле киевским князем Олегом, о котором Пушкин написал известные всем строки:

Победой прославлено имя твое;
Твой щит на вратах Цареграда...

Этот щит был прибит именно в результате похода Олега на Византию, в котором использовались сушеходные парусники. По приказу князя ладьи были спущены на воду вместе с колесами. Сильный ветер, наполнив паруса, выкатил славянские ладьи на берег, и они двинулись на врага. Эта фантастическая картина навела такой ужас на греческое войско, что оно в панике бсжало. Так и был заключен выгодный для Руси договор.

Любопытно, что и само слово **парус** в какой-то мере является прямым следствием торговых и военных отношений древних русичей с греками. Считается, что оно заимствовано из древнегреческого **phāros** — сравните название **мыс Фарос** недалеко от Севастополя, которое того же, греческого, происхождения. Причем заимствовано давно, так как это

слово встречается уже в «Повести временных лет» под 907 годом.

У русов, как и у других народов, издревле бытовало и другое, собственно славянское, наименование паруса — **ветрило**, образование от глагола **вѣтрити** (веять, производить ветер). В одном из древнейших памятников русской письменности — «Изборнике» Святослава (1076) — ярко подчеркивается роль ветрила в судовождении: «Красота — воину оружис и кораблю ветрила».

Это слово также вошло во фразеологическую сокровищницу русского языка. Правда, не в столь давние времена, как оборот **на всех парусах**. Дата рождения оборота **без руля и без ветрил** известна точно: 1841 г. Это — год написания лермонтовской поэмы «Демон», которой выражение и обязано своей популярностью:

На воздушном океане,
Без руля и без ветрил,
Тихо плавают в тумане
Хоры стройные светил...

Сейчас **без руля и без ветрил** переносно означает **без ясного направления, стихийно**: «Я не выдержал. Я позорно бежал из прохладных кинотеатров внеконкурсных просмотров, сознавая, что вольное, без руля и без ветрил, плавание по волнам массовой киноцивилизации требует более крепких нервов» (Из газет). Как видим, прозрачная привязка этого оборота к морской стихии обыгрывается публицистом.

История выражения, конечно, не исчерпывается констатацией авторства М. Ю. Лермонтова. Один

из крупнейших специалистов по кораблестроительной терминологии Б. Л. Богородский, посвятивший этому выражению особый очерк,³⁷ убедительно показал, что оно сложилось не сразу. Задолго до его употребления поэтом в русском языке слова **руль** и **ветрило** бытовали отдельно как в прямом, так и в переносном значении. Поэтому и прежде в поэтической речи появлялись сочетания, близкие по составу к лермонтовским: **без ветрил, снастей и кормила** (Батюшков), **без кормила и весла** (Жуковский). Никто из поэтов до Лермонтова, однако, не слил в единый сплав два слова различного стилистического звучания — нейтральное **руль** и высокое, поэтическое, книжное **ветрило** и никто не возвысил морскую лексику до воздушных, «демонских» сфер. Именно Лермонтов обогатил созданное им сочетание образно-метафорическим значением.

Тем не менее выражение Лермонтова — это еще не фразеологизм. Если вновь перечитать цитату из «Демона», увидим, что к метафоре здесь сделан лишь один, и достаточно реалистический, шаг: речь все равно идет о плавании, пусть и воздушном. Конкретность слов **руль** и **ветрило** все еще ощущается. **Без руля и без ветрил** стало устойчивым образным выражением лишь после обкатки его в языке писателей. Первый, кто подхватил и обогатил его, был Н. В. Гоголь. «...Гони прочь уныние и не думай никогда, чтобы без руля и ветрила неслася жизнь твоя», — пишет он в письме А. С. Данилевскому 23 сентября 1842 г. С тех пор оно осталось таким, каким мы знаем его и теперь. Сейчас оно общенародно, и многие, употребляющие его, не думают о

литературном источнике, но зато безошибочно соотносят с морскими терминами **руль** и **ветрило**.

Кормило и красная нить

В истории оборота **без руля** и **без ветрил**, как видим, **руль** иногда заменялся словом **кормило**. Слово это — устаревший ныне синоним **руля**, возможно, выпавший в архаический «осадок» из-за нежелательной ассоциации с глаголом **кормить**. На самом деле, разумеется, **кормило** с кормлением ничего общего не имеет, а прямо связано со словом **корма**, где и располагается **руль**. Слово **кормило** (кърмило) — один из древнейших корабельных терминов: оно встречается в русском языке с XI в. Парадокс, однако, заключается в том, что как профессиональный термин оно никогда не употреблялось в живой речи русских моряков, оставаясь принадлежностью языка книжного. Не случайно поэтому его употребил В. А. Жуковский в своем переводе «Одиссеи»: «[Одиссей] сделал кормило, дабы управлять поворотами судна».

Любопытно, что слово **руль**, широко употребляемое в морском и общенародном обиходе, в XVIII–XIX вв. постепенно вытесняло **кормило** и из письменного языка, причем не только в его прямом, но и в переносном значении. Благодаря широкому употреблению слова **руль** произошло и возрождение к новой жизни некоторых производных **кормила**: так, старое **кормчий** (рулевой, ведущий судно), — совсем еще недавно было торжественной характеристикой самых высоких руководителей, «стоящих у руля».

Оборот **стоять у руля** имеет свою предысторию, связанную именно с древнерусским **кормилом**. «Великаго патриарша престола кормило державицу бывшему патриарху Никону», — можно прочесть в одном из древнерусских памятников 1667 г. Речь идет о том, что бывший патриарх Никон «держал кормило» высшей церковной власти на Руси. **Стоять у кормила правления, держать кормило власти в своих руках** и другие подобные обороты — метафорические переосмысления древнего **кормила**, сохранившие, пожалуй, ему жизнь в литературном языке. Фразеологизмы, как часто бывает, и здесь оказались гораздо жизнеспособнее устаревших слов, на базе которых были в свое время образованы.

«В двадцать шесть лет очутиться у заводского кормила — это кое-что говорит о человеке! Трудностей... Алексей Никонович не боялся... Ему нравилась власть» (А. Каравасва). Чтобы подчеркнуть значение оборота, здесь понадобилось слово **власть** — еще один синоним **кормила**, но уже далекый от профессионально «морской» сферы. И это не случайно. Как доказал Б. Л. Богородский, выражение **у кормила правления** широко разрослось в нашем языке не только благодаря таким «корабельным» синонимам, как **у руля государства**, но и **стоять во главе правления, прийти к власти, держать власть в своих руках**.³⁸ Сопоставления с такими оборотами приводят к выводу, что и древнее **кормило правления**, и современное **у руля государства** — не что иное, как кальки с латинского языка, которые известны и многим современным европейским языкам. Так, в

немецком ссть целая серия подобных выражений, в состав которых также входят два синонима руля — **Ruder** и **Steuer**: **am Ruder sitzen** (сидеть на руле), **das Ruder in den Händen haben** (иметь руль в руках), **ans Ruder kommen** (взяться за руль), **am Steuer sitzen** (сидеть у руля), **das Steuer fest in der Hand haben** (держат крепко руль в руках), **das Steuer ergreifen** (вцепиться в руль) и др. Переносный смысл этих оборотов ясен без комментариев, ибо **руль** и **власть** здесь связаны единой красной нитью.

Кстати, и выражение **проходить красной нитью** — результат интернационального языкового сотрудничества на «морской» основе. В русском языке оно употребляется столь активно, что стало ходячим штампом, потеряв сильный заряд первоначальной экспрессии. Показательны в этом отношении такие, например, фразы из сочинений школьников: «Народ проходит красной нитью через все сго производство».

Встречается этот оборот во многих современных европейских языках. Однако кончик этой фразеологической ниточки приведет нас к британским судоходам. С 1776 г. приказ Адмиралтейства обязывал вплетать во все канаты королевского военного флота одну красную нить. Это был знак того, что и сам канат, и судно — королевские, а не частные. Невозможно было отрезать от такого каната ни малейшего кусочка, чтобы «канатокража» не была обнаружена, «отмотать» же эту красную нитку можно было, лишь размотав весь канат. Достаточно представить себе невообразимос сплетение канатного таклажа на парусных судах и эту пресловутую красную нить,

проходящую через все это сплетение, чтобы понять переносный смысл международного морского выражения.

Интернациональность его проявляется и в том, что — как это ни покажется невероятным — фразеологизмом оно стало не в самой Англии, а в Германии. Его создал и впервые употребил Й.-В. Гёте в романе «Родственные натуры» (1809). Употребил, четко привязав именно к флотскому канату и в то же время обогатив его переносным значением: «Все снасти королевского флота, от самого толстого каната до тончайшей веревки, сучатся так, чтобы через них во всю длину проходила красная нить, которую нельзя выдернуть иначе, как распустив все остальное; так что даже по самому маленькому обрывку веревки можно узнать, что она принадлежит английской короне; точно так же через весь дневник Оттилии тянется красная нить симпатии и привязанности, все сочетающая воедино и знаменательная для целого».

Известность немецкого писателя и успех романа сделали популярным и крылатое выражение о красной нити. Парадоксально, однако, что, употребляясь в немецком, русском, французском, испанском, итальянском и многих других языках, оно так и не «дотянулось» до английского. Русско-английский Оксфордский словарь, например, предлагает к этому выражению весьма прозаический глагольный эквивалент: **to stand out, to run through**, то есть **выделяться, выступать и проходить насквозь**. Судьбы «морских» слов и выражений, как говорится, неисповедимы.

Трудовая вахта и сожженные корабли

Более четок «национальный» паспорт у выражения нести вахту, которое очень часто встречалось в советской публицистике с эпитетом трудовая. Такие вахты несли представители самых разных профессий — сталевары, рыбаки, ученые: «Сейчас суда промысловой экспедиции ведут лов в тяжелых условиях осенних штормов. Рыбаки с честью несут трудовую вахту вдали от родных берегов»; «Героика освоения Арктики не канула в прошлое. Она каждодневно проявляется в нелегкой работе полярников, несущих научную вахту на дрейфующих в Арктическом бассейне станциях «Северный полюс»; «Мы поднимаемся высоко в горы, в расположение службы по борьбе с градом... Люди несут здесь свою нелегкую вахту и совершенствуют искусство обороны от ненастья» (Из газет).

Право «первородства», однако, здесь принадлежит именно морякам. Мы уже знаем, что само понятие «вахты» восходит к седой древности: еще вавилоняне и римляне отмеряли время по четырехчасовым «стражам». Это понятие (так же, как и песочные «склянки») надолго сохранили моряки, любящие древние традиции. Само же слово вахта говорит о немецком или голландском его происхождении, ибо немецкое **Wacht** и голландское **Wagt** (стража, караул или дежурство, охрана) — этимологически прозрачно: сравним немецкий глагол **wachen** (бодрствовать, бдеть).

Предполагают, что в русский язык это слово попало не прямо из немецкого, а через польский язык,

так как у нас оно впервые зафиксировано в книге «О России в царствование Алексея Михайловича» (1666–1667), написанной подьячим Посольского указа Г. К. Котошихиным. В польском же языке слово *wachta* известно с XVI в.

Говоря о возможности не только немецкого, но и голландского происхождения нашего слова, имелось в виду следующее. Этимологи, для которых датировка в книге Г. К. Котошихина является главным аргументом в пользу немецкого (через польский) заимствования **вахты**, категорично отвергают голландский «извод», поскольку ясно, что такого рода заимствования появились позднее — в Петровскую эпоху: «Неверно считать это слово заимствованием из голландского языка».³⁹

Это утверждение, однако, можно оспорить, если внимательнее взглянуть в значение и употребление слова **вахта**. Ведь котошихинская **вахта** с общим значением — **караул, стража** значительно отличается от специально морской современной **вахты**, которая означает особого вида дежурство на корабле, подводной лодке и т. п. По-видимому, в истории нашего языка была не одна, а две разные **вахты**: одна пришла через польский из немецкого языка, другая же в более позднее время прямо из голландского. Это подтверждается материалами словаря XVIII в., где первое слово четко отделяется от второго как раз тем, что второе соотносится с голландским прототипом. Сами контексты показывают, что первое слово имеет польско-немецкий «сухопутный» паспорт, а второе — «морской»: «И недавно здѣсь корришпонденцию переняли Яблонскаго, воеводы рузскаго с

Станиславом, котораго Королевское величество указал взять в арест, и сидит здѣсь при крѣпкой вахтѣ»; «Штурманы и всѣ на кораблѣ служащія раздѣляются на двѣ вахты или смѣны, и свою должность попеременно отправляются». ⁴⁰ Как видим, во втором случае речь идет о явно специализированной вахте, вроде голландской **Wagt**, то есть о караульной, дозорной и прочей службе на корабле, отправляемой командой попеременно через 4 часа. Этим словом имснуется также сама команда, несущая такую службу.

В XVIII в. появились морские сочетания **отправлять вахту, стоять на вахте**, которые позднее и получили переносное значение. «Ежели кто стоя на своей вахте наидетца спящ...» — предупреждает строго «Устав морской, о всем что касается доброму управлению, в бытности флота на море» (1720). И любой читающий эти строки петровского времени легко может догадаться, что они сулили тому, кто вздумает заснуть «стоя на своей вахте». В этой «уставной» бдительности вахты и следует искать истоки строго возвышенной тональности нынешнего оборота **нести трудовую вахту или стоять на трудовой вахте**.

Публицистическая популярность переносного значения **вахты** в нашей стране еще недавно была поистине удивительной — тем более удивительной, что ни в немецком, ни в голландском языках это слово не достигло и десятой доли той фразеологической активности, которую оно имело в советское время. Разгадка этого, видимо, за пределами языка — как говорится, в «героике наших будней». О каких только вахтах не узнавал советский читатель, открывая утренние газеты: вахты бережливости, вахты друж-

бы, вахты мира, вахты памяти, вахты протеста, траурные вахты, вахты чистоты... Причем каждая из них могла еще обозначать и различные явления, в зависимости от того, в какой ситуации употребляется.

Так, газетные репортажи свидетельствовали, что **вахта мира** несетя по-разному в странах капитала и в странах социалистического содружества. В первом случае это обычно был решительный протест, манифестация против размещения, например, военных баз, во втором — энергичный и самоотверженный труд в определенные дни или часы с перечислением заработанных денег в Фонд мира. Постоянно насыщаясь все новыми и новыми переносными оттенками в современной публицистике, слово **вахта** отнюдь не теряло связи с суровыми, но почетными морскими буднями. Более того, именно эта живая связь между морской и сухопутной вахтами и способствовала неустанному «приращению смыслов» нашего слова. Из старой морской песни все знают, как трудно нести вахту:

«Товарищ, не в силах я вахту стоять», —
Сказал кочегар кочегару...

А это рассказ о жизни современного моряка: «Морская служба связана прежде всего с трудностями психологическими. Вот представьте. Корабль выходит в море, впереди — долгие месяцы плавания. Впрочем, слово «плавание» не совсем подходит для определения того, что делают моряки. Постоянно, день за днем, неделя за неделей идет боевая работа. Вахта — короткий отдых — и снова вахта. Жиз-

ненно пространство ограничено. Монотонность, однообразие утомляют. Сердце рвется домой, к родным и любимым. А ведь при этом от моряка требуется высочайшая бдительность, полная мобилизация сил — душевных и физических» (Из газет).

Вахта, как видим, — главный критерий всей жизни и деятельности моряка. Это для него и мера времени, и мерка морского пространства, и мерило сего гражданского и ратного труда. Этот высокий смысл и пронизывает красной морской нитью все переносные значения слова **вахта**.

До сих пор мы говорили о выражениях, восходящих либо к мифологическим, либо к общеязыковым или литературным образам. В языке, однако, есть немало оборотов, отразивших и конкретно-исторические «морские» события. Эти события, конечно, сейчас тоже растворились во фразеологическом значении и о себе даже не напоминают.

Вот отрывок из статьи на морально-этическую тему: «К сожалению, есть немало женщин, путающих понятия «мой муж» и «отец моего ребенка». А между тем это далеко не одно и то же. При желании или необходимости жена вольна расстаться с мужем, но в любом случае ей следовало бы подумать, как сохранить для своего ребенка родного отца: ничего, кроме блага для подрастающего человека, это не принесет. Зачем, в самом деле, сжигать корабли — не для себя — тут дело личное, — а для детей, коим жизненно необходимо выйти из семейного кризиса с наименьшими нравственными потерями, без тяжкого груза злобы, ненависти и угрюмой кровной обиды?» (Из газет).

Сжигать корабли здесь — сделать невозможным возврат прежних отношений, решительный разрыв с кем-либо или с чем-либо. Как будто переносное значение и так ясно из прозрачного образа: сразу представляешь моряков, высадившихся на незнакомый берег и отрезавших себе кораблесожжением возвращение домой.

Этот образ, несмотря на свою прозрачность, лишен исторической конкретности. По Плутарху же, сожжение кораблей действительно имело место в XII в. до н. э., сразу же после падения Трои. Вина, а точнее, заслуга в осуществлении этого странного акта, принадлежит якобы женщинам-троянкам. Троянцы, бжавшие на кораблях, были брошены к берегам Тибра. А их благоразумные жены, которым понравилось это место и которых пугала перспектива дальнейших скитаний, сожгли корабли и таким образом привязали своих супругов к домашнему очагу. Не случайно труд, где Плутарх описывает эту историю, назван «О добродетелях женщин»: ради супружеской любви женщины и впрямь готовы на самые противоестественные действия. Во всяком случае — женщины античности.

Этот мужественный, хотя и совершенный женщинами, поступок нашел подражателей и в позднейшей истории. Сжег свои корабли в 1066 г. после высадки в Англии вождь норманнов Вильгельм Завоеватель, разбивший благодаря этому наголову войска англосаксонского короля Гарольда II и ставший английским королем. Поступил так же и испанский конкистадор Эрнан Кортес накануне завоевания Мексики. И в русской истории можно найти подоб-

ные случаи. Дмитрий Донской, например, в ночь на 8 сентября 1380 г. разрушил за собой все переправы через Дон, чтобы воины знали — никакой возможности отступления не будет. И в самом деле — на поле Куликовом была окончательно разгромлена монголо-татарская орда и кончилось тяжкое иго.

В наши дни выражение **сжигать корабли** потеряло связи с историческими сюжетами, лишилось былой героики. Но его «высокое» звучание слышно и тогда, когда оно употребляется достаточно приземленно. Например, как в одной из песен А. Городницкого:

А в пустынных садах и на улицах мглистых,
Над дыханием влажной земли,
Молча жгут сторожа прошлогодние листья —
Миновавшей весны корабли...

Кто же открыл Америку?

Еще более «историчны» те крылатые слова, в которых прямо называется какое-либо известное лицо или место. К ним относятся, например, интернациональные обороты **открыть Америку** и **Колумбово яйцо**, прямо именующие и место действия, и самого деятеля.

История открытия Америки Колумбом настолько хорошо известна, что, употребляя выражение в переносном смысле, писатели постоянно апеллируют к прямому значению: «Много заказов было сделано русской литературе. Но заказывать ей бесполезно: ей закажут Индию, а она откроет Америку» (Ю. Ты-

нянов). Здесь, как видим, Тынянов прямо намекает на великую ошибку Христофора Колумба, приставшего 12 октября 1492 г. после двухмесячного плаванья к незнакомому берегу, который был им принят за Индию. На самом же деле это была Куба. Позднее, высадившись уже на территории самой Америки, он ошибся вторично, ибо не понял, что открыл новый континент.

Это двойное открытие «Вест-Индии» в какой-то степени перекликается с двойным стилистическим регистром выражения **открыть Америку**. Мы употребляем его и для характеристики какого-либо эпохального открытия, и тогда, когда иронически подчеркиваем, что ничего нового не открыто, а азбучная истина выдается за нечто неизвестное доселе.

Более употребительное второе значение также отражает историческую реальность. Правда, целых триста лет никто не сомневался, что Колумб действительно — первооткрыватель Нового Света. Однако исландские и гренландские саги, историческую ценность которых осознали лишь в XIX веке, дают серьезное основание для того, чтобы оспорить приоритет Колумба. В этих сагах рассказывается, в частности, о том, что гренландские мореплаватели где-то около 1000 года продвинулись далеко на запад и открыли там новые земли. Первооткрывателем Америки в таком случае следует считать викинга Лейфа Эриксона, под предводительством которого они плыли по морским просторам, а затем по какой-то неизвестной реке даже проникли вглубь огромного материка.

Географы, историки и мифологи по-разному отвечают на вопрос о маршруте предшественников Колумба. Предполагалось, что гренландские первопроходцы наверняка были в Лабрадоре, Ньюфаундленде, в устье реки святого Лаврентия и в окрестностях Великих озер. Однако многие детали оставались долгое время загадкой, разгадать которую помог случай. В 1898 г. шведский поселец Охман нашел на западе от Великих озер небольшой каменный памятник (так называемую Кенсингтонскую плиту), на котором сохранилась дата «1362 г.» и любопытная надпись: «Нас — восемь готов и двадцать два норвежца, идущих по открытому нами пути от Винланда на запад. Мы стояли лагерем около двух скальных утесов в нескольких днях пути на север от этого камня. Мы уходили на охоту, а вернувшись в лагерь, нашли десять своих людей обгагранными кровью и мертвыми. Спаси нас, святая дева Мария, от всего злого!».

Ученые, изучавшие эту надпись, предположили, что ее оставила в Америке одна из норвежских корабельных команд, которая здесь и погибла. Хотя этот источник признается спорным (в 1362 году готов уже не было), такой факт даже в качестве легенды свидетельствует о том, что гренландские путешественники в X–XIV вв. могли быть постоянными гостями Америки.

Ирландские историки эпоху открытия Америки отодвигают в еще более ранний период — VI в. Доказывая, что именно их соотечественники являются первыми колумбами, они ссылаются на древнюю кельтскую книгу, описывающую путешествия ле-

гендарного мореплавателя Сент Брендана. Реальную возможность такого путешествия доказал 36-летний английский историк Тимоти Северин, отправившийся с четырьмя спутниками через Северную Атлантику на двенадцатиметровой лодке, дубовый остов которой был обтянут кожей. Путешественники благополучно высадились на берег острова Пекфорд-Айлснд у Ньюфаундленда.

Но и этот — четырнадцативековый — возраст оказывается всего-навсего «младенческим» при решении вопроса об открытии Америки, если учесть, что ее освоение начиналось не с берегов Европы или Африки, а из Азии. Ведь антропологи давно доказали, что коренные жители Нового Света — индейцы — произошли от монголоидов. Но каким путем они пришли в Америку, оставалось неизвестным.

Археологи выдвинули гипотезу, что это освоение началось уже 70 тыс. лет назад через «ледяной мост», превратившийся позже в Берингов пролив. Ширина пролива и сейчас, как известно, невелика — 60 км, то есть один суточный переход.

Эта гипотеза долго воспринималась весьма скептически. Недавно, однако, археологические раскопки, проведенные на берегу Ушковского озера в центральной части Камчатского полуострова, принесли новые открытия. К прежде найденным жилищам обитателей древнекаменного века прибавилось еще 25, залегающих в более глубоком слое отложений. Это значит, что Ушковская стоянка — одна из крупнейших в мире. Слегка углубленные в землю жилища с кольцевыми очагами из камней, мощные отложения костного и древесного угля, наконецни-

ки стрел и копий, ножи, скребки, резцы, бусинки и подвески, найденные археологами, — все это показывает, что древние поселенцы Камчатки — прямые предки американских индейцев. В частности, бусинки, пронизки и различные подвески, сделанные с удивительным мастерством, свидетельствуют о том, что «древнекаменные» красавицы из поселения на Ушковском озере носили нечто похожее на индейскую вампу — ожерелья, пояса, различные другие украшения из бус и бисера.

Подобные пристанища обнаружены и на Чукотке. Оказывается, она была довольно густо заселена охотниками на мамонтов и бизонов в древнекаменном веке и в период великого оледенения, а позднее, в неолите, — охотниками на диких оленей. Открыты также стоянки первобытных людей на острове Ратманова в Беринговом проливе и на материке, в непосредственном соседстве от Америки (по берегам озера Коолень и реки Курупкан). Здесь обнаружены орудия каменного века — наконечники стрел, ножи, скребки, обломки глиняной посуды.

Газеты сообщили недавно и о новых исследованиях американских археологов и антропологов, свидетельствующих о древнейшем заселении Америки в южной ее части. Пробы «культурного слоя», взятые из одного угольного пласта в Чили, а также ряд находок примитивных каменных орудий после радиоуглеродного анализа подтвердили, что первые люди ступили на Американский континент не менее чем 33 тыс. лет назад. Причем спустя некоторое время они покинули эти места, ибо вторичное их заселение произошло спустя 18 тыс. лет.

Все такие находки помогают ответить на вопрос о пути освоения Америки достаточно однозначно. Наиболее вероятным представляется путь через северо-восточную оконечность азиатского материка. Оказывається, в период наибольшего оледенения уровень Мирового океана понижался на 100–200 м. И тогда мелководные участки в прибрежной полосе превращались в сушу. Берингия, ныне затопленная океаном, в такие периоды становилась мостом через континенты. Кто был тем «древнекаменным» Колумбом, который первым прошагал по этому мосту, конечно, сказать невозможно. Ясно только, что Колумб, «открывший Америку», опоздал.

По иронии исторической судьбы Америку «окрестили» не названием одного из индейских племен и не именами Эриксона, Брендана или даже Колумба. Ее назвали в честь флорентийского путешественника Америго Веспуччи (1451–1512), четырежды посетившего этот континент после Колумба. Назвали (точнее, назвал картограф М. Вальдземюллер в 1507 г.), видимо, лишь за выдвинутое именно им предположение, что открытые Колумбом земли — новая часть света.

Колумбу приписывают еще одно открытие — куда более скромное, чем открытие Америки, но тоже вошедшее в фонд многих языков, — открытие самого простого способа ставить яйцо на стол в вертикальном положении. Оно стало основой крылатого выражения **прост как Колумбово яйцо**. Как повествует Бенцони в своей «Истории Нового Света» (1565), после возвращения в Европу Колумбу устроили пышный прием. Здесь нашелся недоброжелатель, который начал утверждать, что в открытии Америки

ничего трудного не было. Тогда Колумб предложил ему поставить яйцо на стол. Этому не смог сделать ни завистник, ни все остальные пирующие. Колумб же слегка ударил концом яйца о стол, и оно было поставлено. На возражения присутствующих, что это, мол, всего-навсего хитрая уловка, Колумб отвечал, что в каждом великом деле, как и в такой шутке, необходима прежде всего остроумная догадка. А как только она высказана, то кажется столь же простой, как Колумбово яйцо. С тех пор это выражение стало фразеологическим символом простого решения какой-либо замысловатой проблемы.

Нужно сказать, что и здесь приоритет Колумба давно оспаривается. Исторический анекдот о яйце, поставленном вертикально на стол, рассказывает, например, и Джорджо Вазари в своих «Жизнеописаниях наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих» (1550). За 70 лет до Колумба, около 1421 г., по его словам, во Флоренцию съехались из разных стран зодчие, чтобы решить, как завершить куполом недостроенный собор Санта-Мария дель Фьоре. Филиппо Брунеллески (1377–1446) предложил возложить эту задачу на того, кто поставит яйцо на стол по «колумбову» методу. Выиграл это право сам Брунеллески, увенчавший собор куполом в форме яйца со срезанным острым концом.

Не без основания считается, что выражение о Колумбовом яйце возникло в конце концов из испанского народного анекдота с уже известным нам сюжетом. Героем этого анекдота является мудрец-простак Хуанело — отсюда и испанское выражение **яйцо Хуанело** (el huevo de Juanelo), синонимичное обороту

Колумбово яйцо. Благодаря Кальдерону, включившему этот анекдот в комедию «Дама-невидимка», он получил широкое хождение в литературе.

Пожалуй, и в случае с **Колумбовым яйцом** приоритет приходится отдать именно безымянным «первопроходцам». В данном случае не индейцам, конечно, а испанскому народу, в речи которого **яйцо** часто является символом простоты и законченности. Сравнение **проще, чем высосать яйцо** (*más fácil que sorberse un huevo*), например, значит нечто вроде русского **проще пареной репы**. Да и у нас **выеденное яйцо** означает исключительную малоценность чего-либо. А в словаре В. И. Даля можно найти сравнение, весьма близкое по переносному значению к испанскому: **Все налицо, как выеденное яйцо**, — то есть очень ясно, предельно просто. Анекдоты о яйцах Хуанело, Брунеллески или Колумба и могли возникнуть на базе устойчивых «яичных» ассоциаций.

Обороты **открыть Америку** и **прост как Колумбово яйцо** со строго исторической точки зрения, как мы видели, не имеют никакого отношения к Колумбу. Но их языковое прикрепление к имени великого мореплывателя тем не менее вполне закономерно и оправданно. Не столь важно, в сущности, Колумб ли именно открыл Америку первым, — важно, что после него туда все чаще стали приплывать корабли из Старого Света, что это открытие знаменовало новую эру мореплавания. Всегда важнее не то, кто первым зарегистрирован в анналах истории, а насколько глубоко он врезался в память человечества и в сердце языка.

СЛОВО БЫЛО В КОНЦЕ

... Человек чрез слово всемогущ:
Язык всем знаниям и всей природы ключ;
Во слове всех существ содержится картина,
Сообществ слово всех и действий пружина.

Г. Р. Державин

В трех предыдущих главах мы пытались нащупать отражения вечной материалистической триады — Времени, Пространства и Действия в языке. Язык и отражает эти понятия, именуя их, и активно преобразует, акцентируя то или иное свойство или вообще смещая акценты. Само наименование нередко становится источником ассоциаций, ведущих к таким смещениям. Один из многих тому примеров — ассоциативное совмещение, о котором рассказывалось вначале, — совмещение Хроноса-времени и Кроноса, пожирающего своих детей, имевшее далеко идущие мифологические последствия.

«Мифология — не что иное, как болезнь языка», — писал известный французский лингвист Ж. Рандриес. И мы неоднократно убеждались уже, что «абсолютно здорового» языкового состояния, очищенного от мифологических примесей, не бывает. Да, собственно говоря, абсолютное здоровье для языкового организма столь же чревато, как и для

организма человеческого. Не пережив «детских», то есть мифологических болезней, любой язык не воспитал бы иммунитета, столь необходимого в полной противоречий и катаклизмов жизни. Для Слова иммунитет — это способность сохранять общую смысловую доминанту несмотря на различные ассоциативные сдвиги и метафорические трансформации. Многие из них связаны именно с мифологией.

В сознании людей прошлого миф и реальность, однако, не разграничивались столь четко, как в умах наших образованных современников-материалистов. Нередко случалось так, что мифологическая интерпретация явления трактовалась как его первопричина, Слово объявлялось источником, а не следствием Дела.

Доказывать известное положение о диаметрально противоположной их взаимозависимости можно по-разному. Для лингвиста-этимолога важнейшими аргументами являются реконструкции исходного «материального» значения слов или оборотов, приобретших позже мифологическое звучание. Вот почему в очерках о временной, пространственной и «действенной» лексике и фразеологии столь много внимания уделялось поискам исходного образа. И, как мы видели, почти всегда он оказывался конкретным и вполне материальным.

Значит, и в чисто этимологическом ключе старый спор о приоритете «слова и дела» все-таки решается в пользу последнего. Было бы ошибкой, однако, зная это решение, отмахнуться от Слова — в данном случае от мифотворческих потенций языка. Мы видели, сколь обогащают они прозаическую триаду

древнейших понятий и как неотторжимы от нее. Что стоило бы для человека Время вообще, если бы оно не распределялось им на худые и добрые часы? Что значило бы для него Пространство, если бы он не измерял его то своим, то чужим, то общечеловеческим аршином? Что несло бы ему Действие, если бы оно не приводило к открытиям все новых и новых Америк?

Вот почему книгу о Слове невозможно оставить без специальной главы о мифотворчестве. Многие его сюжеты уже освещены автором этих строк особо.⁴¹ Здесь же попробуем рассказать о том, как Слово творит миф, а мифологические представления в свою очередь переплавляются в Слово.

Одной из главных оппозиций мифа является противоборство добра и зла, добрых и злых сил. Их противоборство определило, как мы видели, развитие значений у многих временных, пространственных и «действенных» отношений. Особо ярко отражается оно в массе суеверных представлений, связанных с так называемой нечистой силой. Сейчас эти представления, как и сами «нечистые», рассеялись как дым, но некогда это были целые заросли примет, поверий, запретов и т. п. Вот несколько раскольничьих «мудреностей», записанных В. И. Далем: «Стоя на молитве, ног не расставлять: бес проскочит»; «В валенках молиться грешно»; «Песни и пляска от сатаны». Но не только у раскольников и изуверов разных религиозных толков соблюдались такие «тонкости». Прежде многие были абсолютно убеждены, что ногами под лавкой качать — черта тешить, оставлять на ночь нож на столе — подвергать себя опасности

быть зарезанным лукавым, а здороваться через порог — дать повод нечистому рассорить самых добрых друзей.

С одним, скажем, только «чесанием», считавшимся своего рода дьявольским знамением — впрочем, как и ангельским, — связано огромное количество суеверных примет: под коленками чешется — собираться в дорогу, локоть чесать — спать на новом месте (по другой версии — к горю), ус чешется — есть гостинцы, шея чешется — к пирушке или к побоям, затылок чешется — к печали, голова чешется — брань на себя услышать, щеки чешутся (или горят) — к слезам, губы зудят — к поцелуям. Словом, какой бы орган тела ни зачесался — все это доброе или злое предзнаменование. Да и не только орган «вообще», а каждая его частица. Особо важным в этом отношении представлялся нос, общее свербление которого было знаком радостной вести, а зуд в его частях — предзнаменованием самых разных событий. Переносье чешется — к покойнику, ноздря — к крестинам или родинам, сбоку — к вестям, кончик носа — к вину. Были и разночтения, так, одни говорили, что раз нос чешется — в рюмку глядеть, а другие — что это к старости.

В этом клубке примет, несмотря на его кажущуюся бессмысленность и разношерстность, проглядывает система, явно ориентированная на те же мифологические противопоставления, что и в «высшей» и «низшей» мифологии славян. Особое значение имело противопоставление «пространственное» — левой и правой стороны. Не случайно до сих пор встать с левой ноги — значит проснуть-

ся в дурном настроении, не в духе. И в приметах правая сторона — добро (бог с его Христовым воинством), левая — зло (с сонмом дьявольского отродья). В правом ухе звенит — к добрым вестям, в левом — к худым, правая ладонь чешется — к прибыли, левая — к убытку, правая бровь свербит — хвалят (или к свиданию с другом), левая — бранят (или к встрече с лицемером), а левый глаз зудит — к слезам, правый — на любимого глядеть. Это противопоставление в приметах может осложниться и оппозицией мужского и женского начала, которое мы наблюдали, когда говорили о «мужских» и «женских» днях. Так, по примете, если лоб свербит, то это значит, что придется бить челом, причем, если справа, то мужчине, а если слева, то женщине.

Собственно говоря, вся эта абракадабра сводится к одному — распознать в многообразии окружающего мира доброе и злое начало и по возможности различными суеверными «действиями» помешать злым силам и привлечь к себе на помощь силы добрые.

Здравствование на каждый чих

Типичным рудиментом такой словесной защиты является непременно пожелание «Будьте здоровы!» тому, кто чихает.

Чиханию издревле придавали особо магическое значение, отсюда, видимо, и такая детализированная шкала примет, связанных с носом. У русских, как и у многих других народов, считалось, что если тяжелобольной чихнет, то это предвестие его вы-

здоровления. Существовал целый календарь примет, связанных со столь прозаическим действием: чихнешь в понедельник натошак — к подарку, во вторник — к приедем, в среду — к вестям, в четверг — к похвальбе, в пятницу — к свиданию, в субботу — к исполнению желаний, в воскресенье — к гостям. Как видим, почти все эти приметы (если, быть может, не принимать в счет приезда неожиданных гостей) — добрые, как и русское доброжелание «на чих».

Впрочем, хотя оно и русское, но в то же время и интернационально, как и магическая символика самого чихания. К тому же, кроме формулы **Будьте здоровы!** у нас прежде бытовали и ее синонимы — **Чихнувшему здравствуй!** или **Исполнение желаний!** Им соответствует длинный ряд подобных благих пожеланий во многих языках — чешское **Pozdrav pámbu!** (Благослови, господи!), немецкое **Zur Genesung!** (Будь здоров!), французское **A vos souhaits!** (За ваши желания!) или **Dieu vous aide (или benisse)!** (Да поможет вам/благословит вас Бог!) и др. Их подобие неудивительно: ведь уже древние египтяне, евреи, греки и римляне, да и многие первобытные народы Африки и Америки обращались к чихающим примерно так же.

Ксенофонт в своем знаменитом «Анабазисе» описывает такой случай. Он выступал перед эллинским войском, призывая воинов к боевым действиям и уходу из Персии. «В то время, как он говорил, кто-то чихнул. Услышав это, все солдаты в одном порыве прославили бога, и Ксенофонт сказал: «Воины, в то время, как мы говорили о спасении, появилось зна-

менис Зевса-Спасителя, и потому я предлагаю дать обет в принесении благодарственной жертвы этому богу, когда мы впервые вступим на дружественную землю».

Полный смысл этого повествования может быть понят лишь на фоне уже описанного суеверия, которое имело у греков значение доброго предзнаменования, и с учетом того, что благо-пожелательной формой на чихание была фраза *Ζεῦ ὀψών* (Помоги, Зевс!). Об этом давнем обычае вспоминают и такие авторитеты античности, как Геродот, Аристотель, Плутарх, Гомер, Теокрит, Гиппократ, Катулл и многие другие.

Древние считали чихание признаком крепкого здоровья, а чихание новорожденного воспринимали как один из первых признаков жизни. Римляне верили, что Амур чихает при рождении хорошенькой девочки. Вот почему влюбленные юноши вечного города отпускали предмету обожания комплимент, который, с нашей точки зрения, звучит несколько сомнительно: «*Sternuit tibi Amor!*» — «Амур чихнул тебе!» Тиберий же прославился тем, что во время своих прогулок обязывал граждан дружно желать ему здоровья кратеньким словечком «*Prosit!*» — «На здоровье!» Кто знает, может быть, именно этому он и обязан своим завидным долголетием: родился этот римский император в 42 г. до н. э., а дожил до 37 г. н. э. Для хлопотной императорской жизни это больше патриаршего века.

Римляне вообще были исключительно изобретательны при истолковании различных типов чихания, звона в ушах, отрыгивания или икоты. Им

было не все равно — чихал ли кто оглушительно громко или тихо, весело или иронично, один раз или сериями «чихов». Если чихали утром — это было знаком несчастья, вечером — приятных событий, а ночью — чего-либо значительного. Особенно везло тому, кто неожиданно чихал во время своей любимой игры: в этом случае якобы сама Венера давала ему знамение, что берет его под личную опеку. Но, правда, лишь в том случае, если этот счастливчик чихнул в правую ноздрю. Вообще чихание через правую ноздрю считалось самым счастливым предзнаменованием, особо же благоприятствовало оно в любви. А для «полного счастья» надо было чихнуть трижды.

Что же касается звона в ушах, то здесь приметы римлян резко отличались от наших. Его трактовали как доказательство супружеской измены или каких-либо иных любовных препон и рогаток. Муж, у которого вдруг зазвенело в ушах, ни на минуту не сомневался в неверности своей жены и превращался нередко в свирепого Отелло со всеми на то основаниями. Суеверными, разумеется.

Существует немало попыток объяснить происхождение пожеланий типа *Будь здоров!* и породившего их суеверия. И здесь языческая интерпретация тесно переплетается с христианской. Церковники приводят при его толковании одно из мест священного писания о сотворении богом человека: «И создал Господь Бог человека из праха земного и вдунул в лицо его дыхание жизни, и стал человек душою живою». Поскольку человек создан «вдуновением» дыхания жизни, то при кончине дыхание якобы тем

же путем и исходит из него — сравните выражение **испустить дух**. Следовательно, по мнению толкователей библии, то же может случиться и при извержении воздуха изо рта и носа при напряженном выдыхании, чихании.

Иначе толкуют это иудейские раввины. Когда праотец Адам за непослушание стал смертным, то, по определению Божию, его потомки чихали лишь раз в жизни — умирая. Лишь Иаков умолил Господа о прощении, и, чихнув, он остался жив. С того времени люди молятся о здравии чихающего, и чихание служит знаком здоровья — добрым предзнаменованием.⁴²

Подобные суеверные представления, как мы видели, известны и язычникам, в мифах которых причины чихания объясняются не менее «логично». В соответствии с одним из них — мифом о Прометее — великий человеколюб и даритель огня у самого носа сотворенной им статуи человека открыл закупоренную трубочку с огнем, похищенным у Юпитера. Это был поворотный момент человеческой «истории», ибо статуя чихнула и... стала живым человеком. «Будь здорова!» — пожелал ей Прометей, и с тех пор потомки прачеловеска не устают повторять эту фразу. Даже когда не верят ей в соответствии с язвительной русской поговоркой «На каждый чих не наздравствуешься!» или грубо-шутливо отвечают желающим: «Не твое дело!».

Каковы бы ни были мифы, суеверно-магическая суть такого пожелания ясна: уберечь чихающего от испускания духа или души. Ведь коварный дьявол не дремлет, а только и мечтает о приобретении этой

драгоценной субстанции, делающей человека одухотворенным существом. Такие же предостережения характерны и для других случаев. Верующие, например, при зевоте с опаской крестят рот, чтобы туда не проник какой-нибудь рогатый бес и не разместил в «слабом сосуде» человеческом свое нсуемое воинство. От такого ведь проникновения, как суеверно думали некогда, человек и бесится, то есть в него вселяется бес.

ТЬФУ-ТЬФУ, ЧТОБ НЕ СГЛАЗИТЬ!

Есть, впрочем, весьма эффективный и вполне «современный» способ моментально избавиться от нечистого. Им не брезгают и заведомые атеисты, как мы видим по этому отрывку из произведения А. Коптяевой:

«— Хорошо, что мы тут прилились ко двору, — промолвил он [Решетов] и, полушутя, поплевал:

— Тьфу, тьфу, в добрый час сказать, но сработались...

— А вы к чему это: «Тьфу, тьфу?» Сглазить боитесь?

— Да как вам сказать... Не суеверен, нет, но мнительностью не обделен».

Подобная «мнительность», вошедшая в наш обиход, ведет свое начало от суеверий, связанных с дьяволом. Сейчас, когда мы произносим это «Тьфу! Тьфу!», подчеркивая наши удачи в каком-либо деле, мы, конечно, не думаем о том, что таким образом оплевываем врага человеческого, но прежде это было именно так. На это указывает и сам язык — ведь

это «Тьфу! Тьфу!» — лишь осколок более простран-ных оборотов, где объект оплевывания называется без всяких обиняков: «Тьфу, дьявольщина!» «Тьфу ты, пропасть!» «Тьфу ты, прах побери!» «Тьфу ты, чёрт возьми!» Все они активно употребляются в языке наших классиков: «Тьфу, пропасть! — говорит она, — и тот дурак, кто слушает людских всех врак» (И. А. Крылов); «Тьфу ты, прах побери... провались ты совсем» (А. Н. Островский).

Литература сохранила и **Тьфу!** в обрядово-заклинательных текстах, из которых ясен суеверный смысл оплевывания. Так, в «Деле Артамоновых» М. Горького одна из героинь, «поплеывая во все стороны», произносит заклинание при бракосочетании:

«Барская, идя впереди, бормотала, поплеывая во все стороны: — Тьфу, тьфу! Ни болезни, ни горюшка, ни зависти, ни бесчестья, тьфу! Огонь, вода — вовремя, не на беду, на счастье!»

В его же рассказе «Вечер у Сухомляткина» кухарка плюет более целенаправленно, оберегаясь от взгляда:

«— Гляди, Ефимовна, не перевари!»

— Ну что это вы, о, господи! — глухим басом тревожно отзывается старуха и трижды плюет к порогу: Тьфу, тьфу, тьфу!»

Самой естественной мишенью охранительного плевка, естественно, была левая сторона: мы уже знаем, что именно она была «нечистой», греховной, то есть «неправой» и несправедливой во всех смыслах. Об этом также сообщают наши писатели, в частности Д. В. Григорович:

«— Вишь какая здоровая да румяная... Тьфу! Тьфу! Чтобы не сглазить! — перебила старуха, плюя трижды через плечо».

Отсюда советы плюнуть через левое плечо от сглазу. Этим советам следуют даже такие «бравые парни», как летчики из популярного советского фильма военных лет «Небесный тихоход». Правда, этим способом они оберегаются не от черта, в которого — конечно же! — никак верить не могут, а от «сглазу» со стороны прекрасного пола:

Мы парни бравые, бравые, бравые,
Но чтоб не сглазили подружки нас кудрявые,
Мы перед вылетом еще
Их поцелуем горячо
И трижды плюнем через левое плечо!

При этом герои фильма весьма выразительно приводили в исполнение это обрядовое действие. Как известно, им — убежденным холостякам — это испытанное народное средство так и не помогло: в итоге все они оказались женатыми, еще раз убедившись в истинности атеистического мировоззрения.

Выражения типа **Тьфу ты, пропасть!** встречаются в самых разных языках. Они, как и русский оборот, отражают магическую символику оплевывания, которое впоследствии стало выражать и отвращение, пренебрежение, негодование, досаду или ничтожность. Употребляя сейчас выражения **Плевать я на тебя хотел!** или **Ему плюнули в лицо**, мы полностью отвлекаемся от этой древней символики. А ведь знание ее помогло бы, возможно, точнее определить наше отношение к людям, которым,

по пословице, **Хоть плюй в глаза — и то божья роса.** Ведь такие люди — хуже самого нечистого, которого «Тьфу! Тьфу!» способно отпугнуть от оберегающегося человека.

Есть подлецы, которых бьют,
Которым в рожу все плюют,
Но униженные, они
Во тьме свои скрывают дни.
А ты оплеван, ты и бит,
Но все хранишь свой гордый вид.

(М. Ю. Лермонтов)

Парадокс магии оплевывания заключается в своеобразном «единстве противоположностей»: плевок, который стал теперь символом бесчестья и пренебрежения, прежде считался животворным веществом, имеющим целительную силу. Народные лекари плевали на раны, чтобы заживить их, а Иисус, по евангельской легенде, исцелил слепого, омочив ему глаза своей слюной. В странах Азии матери каждый день заботливо оплевывали детей, что должно было ускорить их рост. А в современной Англии матери и отцы делают то же самое перед экзаменами, полагая, что родительский плевок уберезет их чадо от провала. Древние воины слюной смазывали оружие для укрепления его убийственной силы. Да и сейчас еще перед дракой или серьезным и решительным делом мы (причем не только русские, но и многие другие народы) плюем на ладони, укрепляя их перед трудной работой как самое верное оружие. О таких обычаях сообщают этнографы разных стран.⁴³ И все они основаны на суеверном убеждении, что слюна

помогает от всех мирских зол, а прежде всего — от лукавого.

Язык свидетельствует не только об этом суеверии, но и о здоровом скептицизме, с которым относились к нему в народе. Выражения **раз плюнуть и плюнуть и растереть**, например, — явный след этого «суеверного безверия», основанного на стихийно материалистическом опыте, который учит, что разовым плевком от серьезных бед не избавишься. Да и оборот **плевать в потолок** (абсолютно ничего не делать) — бичует оплевывание как ничтожное занятие, хотя при этом где-то подспудно сохраняет и бывшее суеверное предостережение: плевать, мол, надо через левое плечо, через порог или хотя бы на все четыре стороны, а не туда, где нечистым духом и не пахнет.

Сглазы, урёки и стихи

Употребление магического **Тьфу! Тьфу!** у многих народов подтверждает устойчивую веру в сглаз, порчу или злой наговор. Этими предосудительными делами занимались, собственно, не сами «нечистые», а — разумеется, по их наущению! — их верные слуги из рода человеческого: ведьмы, волхвы, колдуньи, кудесники и прочие чародеи всех мастей.

Вера в дурной глаз предполагает, что злым и завистливым взглядом можно нанести человеку не меньший урон, чем прямым действием. А иногда даже и бóльший, ибо, по сербским поверьям, например, «в землю ушло больше народу от дурного глаза, чем от болезней». К таким же трагическим по-

следствиям приводит и злое слово, произнесенное ведуним или чернокнижником. По некоторым поверьям, способностью сглаза или оговора обладают и те люди, которые в детстве в большом количестве и с большой жадностью высасывали материнское молоко, либо которых переставали кормить грудью, а потом начинали снова.⁴¹ Это обычно старики и старухи с густыми, сросшимися бровями и пронзительным взглядом «завидующих» или, как говорят в народе, «заблекательных» глаз. Чаще всего это люди черноглазые — «черный глаз опасный...», но эту способность могут иметь и синеглазые или зеленоглазые завистники. В конце прошлого века на Смоленщине было записано, что «уроци [*то есть* сглаз]

ат злова чилавека... ат белыга, ат шерыга глазу, и ат синига глазу, и ат билазорага глазу», что как будто подтверждает относительную независимость такой порчи от цвета глаз. Правда, прилагательное **билазорый** (или белозорный) в смоленских и псковских говорах значит не только цвет глаз, а имеет и специализированное значение: так коварят о консе с белой отметиной на глазах.

Сглазить можно все на свете, но особенно дурному глазу подвержено то, что дорого, либо или красиво. Именно потому нельзя было слишком явно хвалить любимого ребенка, собственную жену или счастливые события из своей жизни. Чаще всего жертвами сглаза становятся дети или роженицы: это связано и с культом Рода и семьи у славян, и с преступным обычаем нечистой силы похищать или подменивать младенца. Не зря о неожиданно сделавшемся тихим и покорным (или, наоборот, беспокой-

ным и непокорным) ребенке до сих пор говорят: его словно подменили. Узнать, что ребенка сглазили, весьма просто: он не спит по ночам, плачет, ведет себя привередливо и капризно.

Нередко злые люди напускают порчу и на домашний скот, от которого зависит благосостояние крестьянской семьи, и тогда животное ведет себя столь же беспокойно. В таких случаях в наших деревнях говорили: «Озык наслан» или «Бзык (зык) нашел!» **Бзык** — это буквально овод, слепень. По суеверным представлениям, как раз с помощью таких насекомых, как оводы, мухи или жучки, и напускается порча. Животное или человек с **бзыком** (бзиком) или с **мухой** становится вследствие этого бесноватым, «ненормальным». Поскольку одним из видов сумасшествия и бесноватости является пьянство, обороты **быть под мухой** или **быть с мухой** (в состоянии легкого опьянения) также связаны именно с порчей.⁴⁵ Примерно такого же происхождения и оборот **стих нашел**, о котором еще речь пойдет ниже.

Как же напускается порча и каким способом от нее спастись?

На эти вопросы можно было найти множество ответов у премудрых знахарей и знахарок, некогда прирабатывавших в деревнях ворожкой. Но основные ответы легко получить и чисто этимологическим анализом, ведь язык отразил эти суеверия так же, как и многое другое. Нам хорошо известны слова **сглаз**, **сглазить** — напускание порчи дурным взглядом. Но в русских народных говорах найдем и их синонимы — **урёк**, **урок**, **урекать**, **изурóчить** или **озев**, **озевать**, **озéпать**, **огáлить**, **сдиковать**, **призóбр**

и т.п. Если последние слова по внутренней форме повторяют идею напускания порчи взглядом (соответствующие глаголы значат смотреть, уставиться), то первые — опираются на корень **рук-/рок-** (речь). Значит, мы имеем дело именно с наговором, навешиванием порчи с помощью магии слова. Это и есть, собственно, два основных способа сглаза.

О порче злым взглядом мы уже говорили. Еще более разнообразны возможности наговора. Вера в его магическую силу отразилась во многих пословицах, поговорках и даже в известном зачине Евангелия от Иоанна: «В начале было слово». Слово и дело в первобытном сознании были неразрывны, что воплотилось в многочисленные знахарские **наговоры, заговоры и уро́ки**. Не случайно по сравнению со словом **сглаз**, распространенным лишь у восточных славян, термин словесной магии **урок** и его производные имеют общеславянское хождение. У сербов, например, оно звучит так же, как и в русских говорах, — **уро́к**, правда, с иным ударением, но зато в рамках литературной нормы.

Название такого сглаза прямо перекликается с особым фольклорным жанром — заговором, наименования которого также отражают веру в сакральность слова. Е. Елеонская подчеркивает нечеткую дифференциацию разнообразных названий этого жанра: «В перечне заговоров, составленном дьяками, обращает на себя внимание то, как они именовали заговоры, эти названия неясны вследствие отсутствия точного содержания заговоров. Дьяки отмечают «заговорец», «уговор», «статью», в просторечье встречается термин «стих», какая раз-

ница, однако, в содержании или строении поименованных таким образом заговоров, решить трудно. Но **заговорец** ли, **стих**, **статья** — всякого названия заговор был ценным приобретением, и его брали, где могли, не пренебрегая знаниями прохожего и проезжего незнакомого человека».⁴⁶

Опираясь на это свидетельство, академик В. В. Виноградов объясняет историю выражения **стих нашел**, употребляемого классиками XVIII–XIX вв.: так говорили о человеке, которого овладевает неодолимое желание совершить нечто слепое, сумасбродное, безумное.⁴⁷ Хотя само слово **стих** по происхождению восходит к греческому **στίχος** (ряд, строчка, стих), в русском народном обиходе оно приобрело и то значение **заговор**, о котором сообщает Е. Елеонская. На русской почве оно влилось во фразеологический ряд типа **бзык нашел**, **блажь нашла**, **лихо нашло**, **озык нашел** и т. д. и было воспринято именно как символ «напускания урока» на какого-либо бедолагу. Такого рода заговоры напускались прежде всего с недобрыми умыслами. Тем не менее их использовали и во спасение. Этим можно объяснить и диалектное (томское) **благой стих нашел** — это о хорошем настроении, душевном состоянии, которое овладело кем-либо.

В литературе эта «благая» ипостась стиха-заговора тоже получила свое отражение. На героев различных произведений находит то **добрый**, то **откровенный**, то **философский**, а то и **лирический стих**. Последнее употребление, несомненно, вызвано уже утратой ассоциаций с заговорным жанром и привязкой оборота к современному значению слова **стих**:

«Андрей плохо переносил чрезмерные дозы чистой лирики, и часто в тех случаях, когда на Валентину находил лирический стих, он охлаждал ее добродушными насмешками» (Г. Николасва). Некоторые писатели в осовременивании этого «урочного» оборота идут еще дальше. В «Отрывках из ненаписанного» Эмиля Кроткого, например, находим следующую характеристику поэта-ремесленника: «Едва на него находил плохой стих, как он сдавал его в журнал». Так два значения одного слова, столкнувшись, высекают искру юмора.

Типун на языке, сип в кадыке и прыщ на носу

Суеверному человеку, на которого посылался злой наговор, естественно, было не до юмора. Людей, обладавших способностью сглаза или наговора, панически боялись, избегали или задабривали. И неудивительно: наговором можно было, по суеверным представлениям, накликать беду, лишить имущества, вызвать смерть или неизлечимую болезнь.

Вот, пожалуй, два самых безобидных наговора, записанных совсем недавно в Ленинградской области известным собирателем фольклора В. Бахтиным:

Чирий Василий,
Раздайся пошире,
На твое место, чирий,
Сядь двести четыре!

От чирия, как известно, не умирают, однако пожелание такой — достаточно неприятной — боляч-

ки являлось своего рода визитной карточкой злого знахаря: «Смотри у меня, не то...»

Второй наговор уже похож на пиратскую «черную метку», так как он призван лишить адресата речи:

Типун тебе на язык,
А два под язык
С вербного воскресенья!

Это уже серьезное «членовредительство», ведь «типуноноситель» превращался в молчаливого исполнителя воли знахаря и, самое главное, оказывался неспособным отвечать ему «зуб за зуб», а точнее — «типун за типун», ибо говорить, а тем паче наговаривать он уже не мог.

Объясняя этимологически фразеологизм **типун тебе на язык**, обычно отмечают лишь его условно-недоброжелательный характер, забывая о важной для его смыслового развития «наговорной» предыстории. Авторы «Краткого этимологического словаря русской фразеологии» даже особо подчеркивают, что этот «оборот, вероятно, превентивного или клятвенного происхождения», сопоставляя его с божбой типа **отсохни мой язык!**⁴⁸ Тем не менее наговорные формулы вроде той, которая записана под Петербургом, убедительно показывают, что это злое пожелание первоначально было именно колдовским. Об этом же свидетельствует осложненный вариант этой колдовской формулы, записанной В. И. Далем: «Сип тебе в кадык, типун на язык!» Здесь явно нет ни «превенции», ни клятвы, обращенной на говорящего, а есть лишь злое пожелание тому, к кому говорящий обращается.

Что же собственно значит слово **типун**?

Это небольшой роговой бугорок на кончике языка у птиц, особенно домашних, который помогает им склеивать пищу. Разрастание такого бугорка может быть признаком болезни, о чем говорит эта поговорка, записанная также В. И. Далем: «Чужие петухи поют, а на наших типун напал». Твердые прыщики на языке у человека названы типунами по аналогии с этими птичьими бугорками. По суеверным представлениям, типун обычно появляется у лживых людей. Отсюда и недоброе пожелание, вошедшее в знахарскую формулу-заклинание, призванное наказывать лжецов и обманщиков. Со временем его первоначальный смысл несколько изменился и превратился в запрет говорить, что не следует, под угрозой наслать что-либо плохое:

Да с ней беда случилася,
Как лето жил я в Питере...
Сама сказала, глупая,
Типун ей на язык!

(Н. А. Некрасов)

Выражению **Типун тебе на язык!** повезло больше других таких же «формул умалчивания» собеседника, которыми изобилует народная русская речь; например, пермское **Тресья тебе на язык**, **Шшепота (шшепотйшше) те на язык**, **Жаба те сядь на язык!** В новосибирских говорах: **Чтоб тебе заклало глотку!** Некоторые из них, случается, попадают и в язык современной литературы. Уже давно, например, в русском фольклоре бытуют обороты,

подобные «типунному», где насылаются — как и в первом заговоре, записанном В. Бахтиным, — именно чирьи: **Укащику чирей за щеку**; иркутское **Чирей тебе на язык**; пермское **Чивера тебе на язык!** Совсем недавно этот фразеологический синоним выражения о типуне «пробился» и в большую литературу — его употребил Ф. Абрамов: «После тягостного молчания Варвара, присмирев, вздохнула: — Мы вот, бабоньки, тут сидим, разговариваем... А ты-то как? Может, кто из наших мужиков сейчас с жизнью прощается... Марфа с грохотом поднялась из-за стола: — Чирьище тебе на язык!»

Понимание его переносного значения во многом подготовлено тем, что в литературном языке длительное время бытовал оборот **типун тебе на язык** — иначе можно было бы воспринять все сочетание о «чирьище» буквально, как это делают некоторые иностранцы, читающие Ф. Абрамова.

Впрочем, большинство европейцев пожеланием типуна на язык удивить трудно, ибо в их языках подобные обороты тоже встречаются. Выражения со словом **типун** имеются у поляков, где **типун** — это **руре́**; польское **Wodajbyś dostał rupcia na języku** буквально переводится: **Чтоб у тебя вырос типун на языке!** Оборот **mieć rupcia na języku** (иметь типун на языке) означает нести, пороть чушь. Подобные обороты можно найти не только у славян, но, например, и у венгров, где слово **типун** обозначается метафорически — через название птицы или лягушки: **pintyöke, cinke** — **типун** и **синица**, **biko** — **лягушка** и **нарыв**; сравните русское диалектное **Жаба те сядь на язык!**

В какой-то мере наша наговорная формула универсальна. Не случайно Фрэнсис Бэкон в своих знаменитых «Опытах», написанных в конце XVI в., обратил внимание на аналогичность примет, связанных с лживыми измышлениями и похвалами у древних греков и англичан: «Иногда хвалят злонамеренно, с тем, чтобы возбудить к человеку зависть... У древних греков существовала даже примета: «Если кого хвалят со злым умыслом, у того вскакивает прыщ на носу». Нечто подобное говорим и мы: «Не лги, а то на языке вскочит пузырь». Лучше всего для человека умеренная похвала, сказанная к месту и без особого шума».⁴⁹ Таким образом, и древнегреческий прыщ на носу, и английский пузырь на языке, и наш современный отечественный типун — своеобразные награды за лживость и лицемерность. Эти «награды» издавна щедро раздавались знахарями посредством наговоров и пришептываний. Раздавались, возможно, и заслуженно, ибо названные пороки — болезни, гораздо более неизлечимые и долговечные, чем излишне увеличенный птичий типун. Правда, современный человек этим заклятьям уже не верит, и потому выражение о типуне становится поводом для языковой шутки. Вот как прихотливо, например, оно сплавляется в парадоксальную амальгаму со знаменитой крылатой фразой И. С. Тургенева: «Типун вам на ваш великий и могучий русский язык!»

Слово, вещь и абракадабра

Злые пожелания кажутся нам теперь своеобразными «заклинательными» формулами-метафора-

ми: Чтоб ты провалился! Чтоб тебя перевернуло и шлёпнуло! Ни дна тебе, ни покрывки! В последнем случае **дно** и **покрывка** — как бы символы смерти и гроба. Прежде же такие формулы воспринимались не только буквально, но и прямо отождествлялись с соответствующими действиями. В таком отождествлении говорящих укрепляло суеверие, а точнее — суеверная вера в силу Слова, в равенство слова и дела, слова и действия. Магия слова исследована этнографами, фольклористами и языковедами многих народов. И везде суть ее одна: слово несминуемо влечет за собой свое овеществление. Не случайно во многих языках мира слова со значением **говорить** постоянно связаны с лексикой в значении **делать**; например, древнерусские глаголы **дѣяти, правити, чинити** характеризовались этим семантическим параллелизмом, а польское слово **rzecz** прямо связано этимологически с нашей речью, значит именно **вещь, предмет**. Впрочем, и русское **вещь** восходит отнюдь не к «деловому», а к «говорильно-мыслительному» корню и имеет таких прямых родственников, как **вещать** (пророчествовать, говорить мудрые прорицания), **вещий** (мудрый, умеющий прорицать), **ведать** (знать) и т.д. В этом смысле русская поговорка **Сказано — сделано** лишь подтверждение тесного сплава слова и дела.

Вера в силу слова и породила многочисленные наговоры, заговоры, заклинания, клятвы и божбу. С их помощью в прошлом боролись с врагами, исцеляли болезни, обеспечивали будущий урожай или рождение здорового потомства. М. Горький на I Съезде советских писателей напоминал, что вера

в словесную магию простиралась настолько далеко, что одерживала верх над страхом перед божествами, ибо заклинаниями пытались действовать даже на богов.

Понятно, однако, что не каждое слово имело магическую силу. Не случайно у нас до сих пор бытует выражение **знать такое слово** — это о тех, кто умест заговаривать. Это тоже остаток веры в магическую силу слова, причем **слово** здесь значит именно **заговор, магическая формула**. В таком значении **слово** известно и сейчас на севере России.

«Такое слово»-заговор могло быть весьма пространственным текстом, а могло состоять из коротенькой фразы-пожелания или даже одного коротенького словца. Одно из таких словечек-заговоров — АБРА-КАДАБРА — было особенно популярно в древности и в средние века, оно кочевало вместе с шарлатанами-знахарями и алхимиками из страны в страну. На древнесврейском языке «авракадавра» значит **Скройся, нечистый!** и является, таким образом, чем-то вроде словесной обороны от дьявола. Следовательно, этот наговор — нечто похожее на наше отечественное **Тьфу! Тьфу!** или **Свят! Свят!** По преданию, оно было одновременно и именем идола Сирийского, усвоенного древними греками, а затем перешедшего и в другие языки и суеверные традиции. Этому слову приписывалось магическое значение: оно якобы помогало от лихорадки и было неплохим средством против горячки. Правда, успех лечения зависел от умения правильно этим словом пользоваться — «**знать слово**». Одураченные средневековыми шарлатанами люди писали это слово в

виде треугольника на бумаге в клетку, затем складывали так, чтобы надпись была не видна. После этого они должны были носить этот амулет в ладанке на шею в течение 8 дней, по истечении которых бросали написанное в реку, не разворачивая и отвернувшись к воде спиной.

«Абракадабрность» этого древнейшего заговора во многом поддерживалась его «геометрическими» свойствами. Написанное в виде треугольника, это слово выстраивалось в четкую алфавитную систему, где буквы сверху вниз повторялись, а снизу вверх давали то же самое слово:

```
а б р а с а д а б р а
  а б р а с а д а б р
    а б р а с а д а б
      а б р а с а д
        а б р а с а
          а б р а с
            а б р а
              а б р
                а б
                  а
```

Несмотря на всю мифологическую и мистическую таинственность, этому слову была в конце концов уготована атеистическая судьба: во многих европейских языках оно обозначает теперь крайнюю бессмыслицу, несусветную чушь, непонятный и бессвязный набор слов. Язык, таким образом, сам засвидетельствовал абсолютную «недеспособность» этого слова, которое, как показал опыт, не излечивает ни лихорадки, ни горячки.

Заговор зубов, отвод глаз и снятие рукой

Такой же диагноз поставил язык и некогда весьма популярным на Руси заговорам от зубной боли. Их было великое множество, и исполнялись они в сопровождении самых прихотливых магических операций. В некоторых северных русских губерниях, например, зубы и лихорадку заговаривали почти «абракадабрским» способом: вырезали из коры на осине треугольник, который символизировал Троицу (отца, сына и святого духа), и терли им десны до крови. После употребления этот треугольник снова прикладывался к осиновому стволу.

На Смоленщине в конце прошлого века был записан такой заговор против «опухоли во рту», то есть зубной боли:

«Заря моя, зорюшка, заря вечерняя, как ты утихашься, как ты улгасься, пускай у (младенца Кузьмы) зуб желанный утихается, улгается, с буйной головы, с ясных очей, с черных бровей, с ретивого сердца, с жил, с поджил, с состав, с полустав. Зубище, зубище, иди ты на дубище; не пойдет на дубище — пойду к господу богу, к Михаилу Архангелу. Михаил Архангел возьмет острую мечу, высчет, вырубит, корень ваш вырубит с сучьем, с ветьем, с зеленым листьем. Как дубу не стоять, зелеными ветвями не махать, так этому зубу по костях не ходить, костей его не ломить, бровь его не томить. Во имя отца и сына и святого духа».⁵⁰

Как видим, успех лечения здесь обеспечивает сам Архангел Михаил, вырубаящий мечом корень, подобно опытному врачу-стоматологу.

В Витебской же губернии Белоруссии лечение от зубной боли могло быть успешным только во время новолуния (причины такой «избирательности» объяснялись в главе I). Страдающего зубной болью нужно было вывести во двор, поставить лицом к молодому месяцу-«молодику» и сказать следующие заповедные слова: «Маладзік мыладэй, твой рог залатэй! Ці быў ты на тым свеце? — Быў. — Ни відзіў там живых и мёртвых? — Відзіў. — Ці баляць ім зубы? — Не. — Няхай жа ні баляць і мне».⁵¹

Знахарка, сообщившая этот заговор собирателю, действительно подчеркивала, что больной выздоровеет лишь тогда, когда будет повторять эти слова за настоящим знахарем, а не за самоучкой. Поэтому читателю этой книги, пожалуй, не следует его заучивать, а лучше в случае нужды обратиться к дантисту. И не столько потому, что сейчас трудно найти «квалифицированного» знахаря, сколько потому, что подобное заговаривание зубов давно уже дискредитировало себя. Русский народ не случайно уже более двухсот лет употребляет выражение **заговаривать зубы** насмешливо-иронически, выказывая этим свое полное недоверие к знахарским операциям.

И не только знахарским. Ведь обобщенное значение этого оборота — вводит в заблуждение, вообще обманывать, оно не относится только к зуболечению. Хотя наши писатели и публицисты не упускают случая, чтобы обыграть прямое значение этого оборота. Так, в одном газетном фельетоне разоблачался некий стоматолог, оказавшийся на поверку заурядным современным шарлатаном. Пользуясь новейшими методами лечения, этот делец от медицины ловко

прикарманывал кругленькие суммы, «кормясь зубами»: он с успехом заговаривал зубы не только своим клиентам и подчиненным, но и непосредственным начальникам.

«Работая» в фельетоне, оборот **заговаривать зубы** еще полнее заряжается иронической экспрессией, доставшейся ему от народной речи. Эта экспрессия может стать и нарочито прозрачной, как в шутливой фразе Эмиля Кроткого: «Она заговаривала ему вставные зубы». Здесь буквальное и переносное значения вступают между собой в нерушимую связь, разрыв которой равнозначен уничтожению каламбура.

Заговорами, заклинаниями и различными магическими операциями можно было не только бороться с болезнями, но и противостоять порче, сглазу и наговорам. В таких случаях происходил своеобразный поединок двух знахарей или «напускателей порчи»: один ее наводил, другой — отводил.

Вот всем известный оборот — для отвода глаз. Сейчас он значит — делать что-либо для отвлечения внимания, для того, чтобы ввести кого-либо в заблуждение. Авторы этимологического словаря русской фразеологии несколько прямолинейно связывают его исходное значение, с «представлениями о наваждении: напуская ложные видения на людей, морочащие пользовались этим для грабежа».⁵² На самом деле «отвод глаз» был более деликатной процедурой. В. И. Даль объясняет его как «морочу, умение знахаря вочью (то есть на глазах, на виду у кого-либо) морочить». Еще в прошлом веке в языке художественной литературы можно было найти

и оборот **отводить глаза** (обманывать, создавать ложное представление): «Только он прямо не ходит, а круг большой делает, чтобы соседям виду не показывать... Далско уйдет, да потом и воротится переулками: глаза отводит» (А. Н. Островский); «Политические партии довольно похожи на русское правительство в искусстве отводить глаза путешественнику» (А. И. Герцен).

В знахарском обиходе **отводить глаза** имело терминологически точное значение — создавать мару или мороку (сравните **морочить голову**), наваждение, которое заставляло обманутых поверить знахарю. Это был, скорее, вид сглаза, чем средство прямого грабежа. Тем более что «отвод глаз» мог применяться не только для «черного» обмана, но и с «лечебно-профилактическими» целями — чтобы отвлечь внимание больного от какого-либо навязчивого представления или злых мыслей.

Еще эффективнее казались «отводы» рукой знахаря или так называемые «относы». В качестве последнего мог служить, например, знахарский узелок, брошенный на перепутье дорог для «отворожки» от болззни. В такой узелок обычно заворачивали уголь или перегорелую печную золу — **печинку**, которая у знахарей пользовалась особой популярностью потому, что именно в печи сжигали сор из избы, волосы и другие предметы, по которым совершались заговоры. Не случайно запрет выносить мусор также вошел во фразеологический фонд русского языка в виде выражения **не выносить сор из избы**: по суеверным поверьям, его нужно было непременно сжигать в печи, чтобы он не достался злым людям.

Ярче всего, пожалуй, обычай целительных «отводов» отразился в обороте **как рукой сняло**. До сих пор в его переносном значении живет пережиток веры в эффективность этого средства, напоминающая о первоисточнике: «Состояние здоровья теперь у меня лучше чем 10–12 лет назад. Не стала болеть голова, как рукой сняло все прежние недуги» (Из газет). **Как рукой сняло** — предельно конкретный фразеологизм, ибо он всегда относится к быстрому излечению от болезни или тяжелых душевных травм.

Знахари широко пользовались «руководением». Особенно часто отводили рукой зубную или головную боль. Больное место заговаривалось, и при этом знахарь проводил по нему рукой, делая своеобразный массаж, облегчающий боль. У больного создавалось впечатление, что боль его буквально «снимается рукой».

Этот способ врачевания был распространен у многих народов. Недаром выражения, подобные русскому, сохранились не только в славянских языках, но и в литовском: *lyg rankà àtémé* или французском: *ôter le mal comme avec la main*. И не только сохранились, но и весьма активно употребляются. Показательно, что именно это сравнение стало последними словами знаменитого сербского просветителя Вука Стэфановича Караджича, умершего на чужбине, в Вене. На рассвете 26 января 1864 г. он попросил свою дочь Мину принести ему воды и сказал, что, попей он сейчас из источника родной его деревни Тршич, все его недуги сняло бы как рукой (као руком однето). Так, умирая, великий со-

биратель славянского фольклора соединил в своем сознании два центральных символа народного врачевания — целительную воду и терапевтическую магию жеста. И они слились у него во врачующий образ родины.

Гладение воды и выведение на чистую воду

Вода в народном врачевании и различных суевренных обрядах имела исключительное значение. До сих пор еще в деревнях России можно услышать немало небылиц о чудесных исцелениях или злых наговорах с помощью воды. Услышать, естественно, не от молодежи, а от тех немногих уже стариков, которые все еще верят «преданьям старины глубокой». Вот такая быличка, записанная автором этих строк в Кондопожском районе Карелии в 1980 г.

«В деревне Велика Губа жил один знахарь-старик. Как-то раз в Гангозере играли свадьбу. И кто-то возьми да и «спризорь» молодых — сглазил, значит. Заболел жених тяжело.

Поехал отец молодого к знахарю за советом. А подруга моя Александра молода была и сидела на супрядках у одной старухи. Рассказывают, что вдруг девки увидали, как хозяйка дома ни с того ни с сего схватилась за глаз, закричала от боли и окривела на правый глаз.

А это отец молодого был в то время у знахаря. Тот черпнул из Онего-озера стакан «свежей» воды, поглядел в него и показал отцу: «Вот эта баба и свадьбу испортила. Что ты хочешь ей сделать?» Отец отвечал: «Пусть окривеет!» Старик попросил

его ткнуть пальцем в отражение старухи в воде. Он возьми да и ткни ей в правый глаз. Злая баба его и потеряла».

Понятно, что брать этот рассказ на веру не стоит: ведь былички, или бывальщины, — это такой фольклорный жанр, в котором невероятное происшествие, встреча с нечистой силой или находка закопанного клада «для убедительности» излагаются рассказчиком так, словно он сам побывал на месте происшествия или даже был его главным героем. «Небыличность», сказочность — это, так сказать, специфика жанра. Но важно другое — такие былички сохраняют древние представления о роли водной стихии в жизни человека.

Не случайно рассказчица в быличке ставит особый акцент на том, что старик-знахарь взял именно «свежую» онежскую воду. «Свежесть» — чистота, проточность, первородность воды в подобных магических операциях является непременным условием их успешного действия. Как раз об этом говорит и выражение **вывести на чистую воду** — то есть разоблачить кого-либо, поймать кого-либо на совершении чего-либо запретного, Правда, некоторые языковеды ошибочно объясняют его рыболовной практикой: речь идет якобы о «выведении» пойманной рыбы на открытую воду. Другие считают, что этот оборот хранит память о так называемом «божьем суде», когда обвиняемого «выводили» к чистой воде и бросали в нее: если тот всплывал, это значило, что чистая вода его не приняла, а следовательно, виновен, если же тонул, его посмертно оправдывали. Обе эти версии не выдерживают критики. Первая пото-

му, что из рыболовной символики очень трудно вывести значение **разоблачить**, вторая — потому, что наше выражение встречается только с предлогом **на**, и никогда — с **к**, что предполагается при такой трактовке.

Показательно, что оборот **вывести на чистую воду** в XVII в. употреблялся в основном в форме **вывести на свежую воду**, и речь обычно шла о каком-то мошенничестве, которое становится явным благодаря прозорливости или каким-либо сведениям о данном человеке или деле: «А когда так, то я знаю одно дельце за вами: пойду к Голове вашему купецкому и все расскажу; уже я вас выведу на свежую воду» (П. А. Плавильщиков); «Теперь надобно не упускать времени, этого глупенького простачка на свежую воду вывести... Пойду расскажу ей все его умыслы...» (В. И. Лукин). Такое семантическое звучание характерно и для современного употребления этого оборота.

Исходный смысл выражения, следовательно, можно связать именно со знахарскими «выведениями на свежей воде» образа человека, совершившего злое дело или напустившего на кого-либо порчу. **Вывести на воду** значило вызвать на поверхности воды его изображение.

С этими же магическими операциями связано выражение **как в воду глядел**. И его переносное значение прямо вытекает из обычая деревенских вещунов по «свежей» воде узнавать повинного в сглазе пакостника. Впрочем, эта задача была, пожалуй, второстепенна: ведь значение оборота **как в воду глядел** (словно знал заранее, словно предуга-

дал) — сохраняет основную акцентовку «глядения на воду». Она заключалась в прорицании будущего, в узнавании судьбы.

И действительно, глядение в воду было одним из древнейших и популярнейших видов ворожбы — гидромантии. Вглядываясь в расплывчивые отражения предметов на поверхности рек, озер или просто ковшика с водой, наши предки пытались разгадать свою судьбу, найти подтверждение правильности принятых решений, предусмотреть грозящие опасности. Так поступает, например, Марфа — героиня оперы М. П. Мусоргского «Хованщина», обращаясь в сцене гадания «к силам небесным, силам могучим» и глядя при этом в ковш с водой. Так же поступали и девушки во многих концах Славии, пытаясь, например, по изображению в воде увидеть своего жениха и узнать о том, будет ли счастливо их замужество.

Южные и восточные славяне ходили для этого к ручьям, рекам, озерам или — зимой — к проруби. Жительницы Костромской губернии ходили к проруби накануне крещения и глядели в нее, искренне веря, что, если вода заплещется, они смогут увидеть лицо суженого. При этом еще иногда добавлялся и приговор: «Водяные, сбегайтесь и смущайтесь, наши суженые приходите за водой на реку!» У западных славянок (например, в Словакии) был обычай накануне рождества наливать свежей воды в ведро или горшок, а возвратившись на рождество из костела, гадать, глядя на воду, в надежде лицезреть там жениха.

Л. Н. Виноградова, посвятившая обстоятельное исследование девичьим гаданиям о замужестве у

славян, описывает 8 разновидностей подобного гадания по воде.⁵³ Здесь и обычай ставить сосуд с водой на ночь под кровать или у изголовья вблизи спящего, и бросание пищи в воду как «задабривание», и пускание по воде венков или ореховых скорлупок с маленькими свечками, и «сеяние» у колодца семян конопля, льна или другого зерна. Важна в таких гаданиях и переключка зеркальной поверхности воды и девичьего зеркальца, по которому также можно увидеть свою судьбу. В одном полесском гадании девушка в полночь до тех пор смотрит сквозь стакан с водой в зеркало, освещенное пламенем свечи, пока не увидит суженого. Точнее, пока в этом таинственном полусвете он ей не пригрезится.

Характерно, что во всех этих видах гидромантии «свежесть» воды — неременное условие успешного гадания. Объясняется это основной целевой установкой гаданий с водой, ее исходной идеей — установление контактов с миром умерших предков, поскольку во всех разнообразных процедурах гидромантии отражается именно культ предков, имевший большое значение для духовной жизни многих народов эпохи язычества. Умершие, а следовательно, и все познавшие старейшины, обладали, по суеверным представлениям, свойством «подсказывать» будущее тем, кто еще продолжает оставаться на этом свете. Но для этого нужно с ними связаться, переслать им какую-то пищу, какие-то сведения о живущих, короче — напомнить о себе. Каналом такой связи могла быть, естественно, не стоячая, а лишь «свежая» вода — проточная, соединяющая разные водоемы, вплоть до потустороннего. Это представ-

ление о проточной воде известно многим народам. Сохранилось оно, в частности, и в древнегреческом мифе о Хароне — перевозчике, переправлявшем через реки подземного царства души умерших и взимавшем у ворот Аида плату за этот перевоз.

Чудеса в решете и всякая леканомандия

Русские идиомы **вывести на свежую воду** и **как в воду глядел**, таким образом, позволяют заглянуть в одну из самых темных «гадательных» сторон древнего мышления и в одно из древнейших, хотя и мнимых искусств — мантики, умения угадывать настоящее и будущее. О гаданиях напоминают и другие русские выражения — **гадать на кофейной гуще; бобы разводять или разводять на бобах; чудеса в решете** и т. д. Все они — языковое отражение различных видов мантики, распространенных в России.

Последний оборот, например, связан с весьма специфичным типом гадания — коксиномантией, гаданием по решету, — который был распространен в средневековой Европе, Аравии и у среднеазиатских народов для разоблачения воров. При «классической» коксиномантии гадающий держит одним пальцем решето, подвешенное на нити так, чтобы оно медленно поворачивалось. На ободке решета делалась риска, а имена подозреваемых, написанные на отдельных бумажках, раскладывались по кругу. На чье имя укажет, остановясь, риска решета, тот и вор.

В России этот суеверный способ гадания был чрезвычайно распространен, но в то же время достаточно

сильно отличался от классического. В XVI–XVIII вв. на рыночных площадях Москвы и других городов можно было увидеть гадалщиков, насыпавших в решета разноцветные зерна чечевицы, бобов, гороха или миндаля. Встряхивая решето, они по расположению зерен «предсказывали» будущее. При этом жестикулировали, нашептывали всяческую «абракадабру» или что-то выкрикивали, чтобы придать гаданию большую магическую силу. Стремясь выманить побольше денег, такие гадалщики сочиняли самые невероятные и фантастические истории, предвещая простоватым слушателям счастливую женитьбу, неожиданное богатство или необычайные события и приключения, короче — всякие «чудеса». Такие шарлатанские предсказания в народе с насмешкой и были названы **чудесами в решете**.

Мантика давно превратилась в доходное дело для мошенников различного калибра. Но некогда она была весьма почтенным ремеслом, к которому относились с большим доверием и благоговением. Без гаданий древние и шагу ступить не могли: суеверный страх перед зловещим прорицанием сибиллы мог остановить любые грандиозные начинания, а доброе предзнаменование — толкнуть на самые рискованные авантюры. У древних греков, например, наибольшим доверием пользовалось гадание по полету птиц, которые считались вестниками богов. Хищные птицы, в особенности вестник самого Зевса — орел, занимали исключительное место в таких гаданиях. Обычно для них избиралось открытое место, с которого полет птицы был хорошо виден. Если орел появлялся с восточной и правой части го-

ризонта, то предзнаменование считалось хорошим, если же он прилетал слева — дурным. Как видим, и здесь неукоснительно действует уже известная нам мифологическая оппозиция «левый — правый».

Предсказания такого рода обычно конкретизировались прорицателями. Ксенофонт в «Анабазисе» рассказывает, как при выезде из Эфеса он увидел сидящего справа от себя орла. Заметив всадника, орел закричал, и прорицатель, сопровождавший полководца, тут же растолковал это как великое, но не простое знамение. Оно предсказывало славу, но в то же время — и тяжкие ратные труды: ведь птицы чаще всего нападают на орла, когда тот сидит. Кроме того, это знамение не обещало Ксенофону богатства, ибо орел по большей части находит себе пищу на лету, а не сидя неподвижно на месте. Как казалось Ксенофону, это предсказание действительно сбылось, ведь славы он достиг, причем славы двойной — и как полководец, совершивший беспримерный анабазис, и как писатель, описавший этот переход (хотя о том, что именно он и есть автор этого прославившего его имя описания, Ксенофонт предпочел умолчать). Что же касается богатства, то и здесь толкователь «по орлу» оказался провидцем, так как военный подвиг Ксенофонта не принес ему дивидендов: на обратном пути почти все, приобретенное в походе, было утрачено.

Немало упоминаний о различных видах «серьезного» гадания можно встретить и в русской литературе. Мы уже вспоминали полоцкого князя Всеслава Брючиславовича из «Слова о полку Игореве», который «отвори врата Новуграду, разшибе славу

Ярославу» и о котором Боян сложил поговорку «Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда божиа не минути!». Это знаменитое «птицю горазду» свидетельствует не только об умении Всеслава гадать по полету птиц, но и о распространенности у древних русичей той же гадательной практики, что и у соплеменников Ксенофонта.

А вот еще один популярный памятник литературы Древней Руси — «Александрия», история жизни и подвигов Александра Македонского, переведенная с греческого и появившаяся на Руси в XII–XIII вв. В XV в. на Руси возникает другая редакция этого памятника, так называемая «Сербская Александрия», переведенная южными славянами. Раскроем ее на том месте, где будущий отец Александра, Нектанав — египетский царь, а «по совместительству» великий врачеватель и волхв, который был «волшебною хитростию и звездочетию египетскимъ украшень зело», готовится к войне с ополчившимися на него врагами: «Вошел царь в волшебную палату и начал совершать волшебную леканомандию [один из видов гидромантии — гадание по воде в сосуде]: в золотую лохань воды налив, сделал на воде из воска два войска и увидел, что его войско побиваемо персидским, и что боги египетские в корабле варваров вводят войско в Египет, — и не знал, что ему делать. И со слезами сказал: «О горе тебе, Египет! Многие годы славился ты вместе с царем своим и в один год погибашь! Ибо нет радости, которая бы не заменилась печалью, ни славы на земле, которая не была бы недолгой и вскоре бы не исчезла. Хорошо сказано: «Надеющиеся на чародейство подобны опирающимся

ся на воду, — как только обопрется, сразу и погрузится с бесчестьем». Не мог царь Нектанав врагам сопротивляться и пребывал в стыде и печали».

Поверивший в собственное гадание на воде Нектанав не вступил в сражение, а тайком покинул свой дворец и отправился в дальний македонский город Пеллу, где назвался врачом, астрологом и прорицателем. Именно от него у Олимпиады, бесплодной жены македонского царя Филиппа, и родился будущий покоритель вселенной Александр Македонский. Как видим, гадание на воде позволяет не только обезгласить на расстоянии какую-нибудь злую старуху на Онежском озере, но может привести и к историческому событию мирового значения.

И египетского царя Нектанава, и онежского старика-знахаря заставили гадать необычайные обстоятельства: одного — надвигающиеся полчища врагов, другого — «спецзаказ» любящего отца, сына которого «опризорили». Но не менее распространенными видами гадания стали и гадания «календарные», ритуальные. Типичным их образчиком были гадания в святки — в период между рождеством и крещением (с 25 декабря по 6 января). Не случайно во многих религиях это время зимнего солнцестояния, поворота к весне, новому году — время «рождения богов». Вот почему почти все, что происходит на святки, широко толкуется как предзнаменование будущего. Отсюда и тонкая паутина различных примет, поверий, обрядов и ритуалов, совершаемых на святки. И гадания, пожалуй, — их центральное событие, чего не мог не отметить в своей «энциклопедии русской жизни» А.С. Пушкин:

Настали святки. То-то радость!
Гадает ветренная младость,
Которой ничего не жаль,
Перед которой жизни даль
Лежит светла, необозрима;
Гадает старость сквозь очки
У гробовой своей доски,
Все потеряв невозвратимо;
И все равно: надежда им
Лжет детским лепетом своим.

Это место у Пушкина навеяно балладой В. А. Жуковского «Светлана». И неудивительно: ведь в этой балладе дана прямо-таки этнографическая классификация самых разных видов девичьих святочных гаданий в русской патриархальной деревне:

Раз в крещенский вечерок
Девушки гадали:
За ворота башмачок,
Сняв с ноги, бросали;
Снег пололи; под окном
Слушали; кормили
Счетным курицу зерном;
Ярый воск топили;
В чашу с чистою водой
Клали перстень золотой,
Серьги изумрудны;
Расстилали белый плат
И над чашей пели влад
Песенки подблюдны.

Сама Светлана узнает свой роковой жребий по гаданию с зеркальцем, освещенным свечкой. И здесь Жуковский необычайно точно отразил поверья, свя-

занные с таким «зеркальным» гаданием, продолжающим гадание по воде. До сих пор, например, в деревнях нашего белорусского Полесья именно это гадание считается самым опасным. «С зеркалами у нас гадать боялись, опасно это очень», — сообщает рассказчица из села Сварицевичи Л. Н. Виноградовой, раскрывая секреты такого гадания. Полагалось строго соблюдать целый ряд условий: следовало раздеться, лечь на пол молча (а до этого с самого ужина ни с кем не разговаривать) и смотреть в зеркало до часа ночи. Причем, если кто-нибудь покажется в зеркале, то его тут же необходимо перевернуть зеркальной поверхностью вниз.

Поэма В. А. Жуковского написана в 1808–1812 гг., а записи Л. Н. Виноградовой сделаны в 70-е годы XX века. Суеверная традиция, связанная с «зеркальным» гаданием, однако, в обоих случаях передана в равной степени точно. И не мудрено — если учесть ее многовековую предысторию.

Можно было бы, конечно, и не углубляться в детали обычаев и обрядов гадания, давно уже изживших себя и опровергнутых наукой и атеизмом. Проще всего было бы отмахнуться от них справедливым и хлестким словом: «Суеверие!»

Можно было бы... Если бы это суеверие не было опозитизировано нашим языком и литературой, если бы оно не питало своим «кудесничаньем», «преданьями милой старины» и вдохновение автора «Слова о полку Игореве», и поэтическое дарование Жуковского, Пушкина и многих других русских писателей. Что же касается «суетности» веры в такие гадания, то вряд ли можно сомневаться, что и Жуковский, и

Пушкин, и, уж конечно же, современные собиратели фольклора в ее диагностике никак не колебались. Как, впрочем, и большинство тех, кто некогда на святки с наслаждением приступал к ритуальному действию, воспетому Пушкиным. Да что там век девятнадцатый! Мы ведь видели, что даже великий прорицатель — отец Александра Македонского Нектанав, нагадавший самому себе поражение от персов, «атеистически» замечает: «Хорошо сказано: «Надеющиеся на чародейство подобны опирающемуся на воду...» Разве, это место из древнерусского памятника не свидетельство давнего языческого атеизма и здорового скепсиса в отношении к гидромантии?

Русский язык, сохранивший память о святочном суеверии, сохранил во многих случаях и такой трезвый скептицизм, выразившийся в шутивно-ироническом отношении к «гадательным» операциям. Эта ирония, как мы убедились, окрасила самые истоки выражения **чудеса в решете**, где само сочетание чуда с дырявым решетом — хлесткая оценка рыночных кудесников. Характерно, что первоначально это выражение существовало именно в виде шутивной поговорки, записанной уже в XVII в.: **Чудеса в решете: дыр много, а выскочить (вылезти) некуда**. Вторая, объяснительная ее часть постепенно отпала в результате частого повторения. Вышла сейчас из употребления и поговорка **показать Москву в решете** (обмануть, одурачить кого-либо), распространенная в прошлом веке и также отражающая презрительно-насмешливое отношение к гаданию.

Столь же определенно это отношение прослеживается и в истории оборота **как в воду глядел**.

Уже давно он стал частью устойчивой фразы **В воду глядит, а беду говорит**, зарегистрированной книжником XVII в. как пословица. Размышляя над причинами такой квалификации этой фразы, Б. А. Ларин замечает: «Пока эти слова только описывали вражду, непосредственно отражая жизненный опыт, они были «свободным» словосочетанием. Когда же утрачена была вера в колдовство, эта формула стала выражать насмешку над колдунами и получила возможность иносказательного применения к другим случаям загадочного или несуразного поведения. Тогда и образуется такая «прибавочная значимость» словосочетания, которая выводит его из «переменных» в разряд устойчивых, идиоматичных словосочетаний. Эта новая функция речения и послужила основанием для включения его в сборник пословиц». ⁵⁴ Таким образом, не слепая вера в гадание на воде, а напротив, безверие привело этот оборот к закреплению в языке в качестве пословицы.

* * *

История суеверий — это история первобытной духовной культуры человечества. Находя в современных языках ее осколки, лингвист, этнограф, фольклорист, подобно археологу, слагает из этих осколков мозаику мировоззрения наших предков, изучает их взгляды на окружающую действительность, природу, общество.

Гадания в этом отношении — не исключение. Далеко не случайно, что при гадании столь важная роль отводилась именно воде. Это была одна из сти-

хий, которая искони вызывала уважение древнего человека. Наши старинные письменные памятники изобилуют указаниями на водяные культы славянского населения. В «Повести временных лет» под 986 годом помещена речь философа, присланного греками к князю Владимиру. В ней из трех культов природы два — водные источники: «По дьяволу научению они [славяне-язычники] рощением [рощам], кладезем и рекам жряху [приносили жертвы] и не познаша бога». Точно так же и поляне времен Кия (около VI в. н. э.) «жруше озером и кладязем и рощением яко же прочий погани». Рски, озера и кладези (то есть ручьи, источники чистой питьевой воды), следовательно, были местом поклонения и жертвоприношений.

Там, где язычники совершали жертвоприношения, обычно совершались и гадания. Об этом пишет Прокопий Кесарийский в своей «Войне с готами», характеризуя войско славян, перешедших реку Истр на рубеже V–VI вв. н. э.: «Они почитают реки, и нимф, и всякие другие божества, приносят жертвы всем им и при помощи этих жертв производят и гадания». Гадания, таким образом, — лишь часть системы поклонения природным явлениям.

Водная стихия, по старинным представлениям, являлась стихией изначальной. Из нее образовалась земля, от нее зависело плодородие, она была самой удобной и естественной дорогой в самые дальние края древнего неблагоустроенного в транспортном отношении мира. Словом, принцип «Без воды — и ни туды, и ни сюды» для наших предков был важен и в материальном, и в духовном отношении. Вот

почему воде и водяным божествам — берегиням, русалкам, морянам и т. п. — славяне посвящали особые празднества, которые не смогло уничтожить даже христианство. Одним из наиболее ярких остался праздник в честь древней языческой богини Купалы, которую считали богиней земных плодов, воды, урожая и материального благополучия. Эту богиню символизировало купальское дерево, чаще всего ива, либо — режа — женское чучело или живая девушка, которую величали купайлой, мареной или царицей.

Купальские игрища, столь яростно проклинаемые церковью, были частью ритуалов поклонения водной стихии. Молодежь на таких праздниках прыгала через горящие костры, «очищаясь» огнем, пела песни, танцевала, купалась при восходе солнца. Подобные «бесовские игрища» имели магическое для язычников значение: они очищали от грехов двумя основными стихиями — огнем и водой.

Русалки и моряны, купальские обряды, гадания на воде порождены воображением древнего человека, стремившегося по-своему осмыслить и объяснить знакомый, но неведомый ему мир. Мы не раз уже видели, что источник, из которого питается фантазия и древнего, и современного человека, очень часто один и тот же — Слово. Как и любая фантазия, фантазия язычников-мифотворцев, отрываясь и удаляясь от реальной жизни, рано или поздно бумерангом возвращалась к ней же. Возвращалась уже потому, что порождена человеком. Не случайно поэтому многие суеверные представления, овеществленные в Слове, всеми своими нитями

тянутся к весьма прозаическим земным, водным и другим «стихийным» образам. Они же, эти образы, лишь отражают один из вечных пределов человеческого бытия и мышления: Пространство.

Пространство, Время, Действие — вот тот треугольник, в котором замкнут Человек с момента своего рождения. Треугольник этот, конечно же, первичен, ибо он был «мерной рамкой» всего сущего еще задолго до того, как в нашем пространстве и в нашем времени появился первый человек. Но Слово, возникнув вместе с человеком в «конце», а не в начале мироздания, помогло ему заглянуть в тайники всего сущего. И не только заглянуть, но и дерзко попытаться выйти за пределы этого рокового треугольника. Или во всяком случае раздвинуть их неизмеримо широко.

УКАЗАТЕЛЬ ОСНОВНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ РУССКОГО ЯЗЫКА

- без году неделя 4, 77
без поры, без времени 18, 19
без пяти минут кто 91
без руля и без ветрил 179–181
без сучка и задоринки 158
Береги денежку на черный день 70
беречь как зеницу ока 90
беречь плуце глаза 90
беречь что-п. на черный день 70
бить в набат 158
бить рынду 46
бить склянки 45–46
битье склянок 47
бзык нашел 214, 216
битый час 48–49
блажь нашла 216
бобы разводите 235
бой склянок 46
бой часов 47
бок о бок 116
большой руки 114
бразды правления 175
братъ измором 158
братъ курс 175
братъ на буксир 174
братъ на пушку 158
бросить якорь 175
Будь здоров! 203, 204, 206
В добрый час! 25–28
В добрый час будь сказано 26
в обед 65
в одночасье 29
в одну минуту 91
в считанные минуты 91
в трех шагах 108
вахта бережливости (дружбы,
мира, памяти, протеста,
чистоты) 187–188
вить из кого-п. веревки 158
витья как уж 112
во мгновение ока 89
вооружен до зубов 121
время бежит 12
время до полудня 36
время идет 12
время истекло 41, 43
время не ждет 6, 10
время не терпит 10
время несется 12
время терпит 10
вселяется бес в кого-л. 208
всемирный потоп 170, 172
вставать до первых петухов 33
вставать с первыми петухами 33
всякой твари по паре 170, 172
выбрасывать за борт 174
вывести на орбиту 158
вывести на свежую воду 232, 235
вывести на чистую воду 230–233
выеденное яйцо 123
выйти на орбиту 158
вышагивать в ногу с веком 164
Выше головы не перепрыгнешь 96
гадать на кофейной гуще 235
година бедствий (испытаний,
лишений, невзгод) 20
гол как сокол 158
горькая година 20
Господь благословит 27
дать кругалы 150
дать крюка 150
дело табак 123–124
Делу время, потехе час 14–17
денно и ночью 67–68
День да ночь — сутки прочь 67
день и ночь 66, 67
держат кормило власти в своих
руках 182
держат курс 175
Для милого дружка семь вёрст не
околица 141
для отвода глаз 227
дневать и ночевать 4, 68
до поры до времени 14, 19

до горла 119, 123
до зарезу 4, 119, 121–123
до колен 119, 121
до обеда 65, 66
до пят 119
до ушей 119, 121
до шеи 123
добрый час 25
достать рукой 112
Емелина неделя 79, 80
Есть мера в вещах 96
ждать битый час 48
жизненное поприще 141
жить на широкую ногу 114, 116
за глаза 116
за семь вёрст киселя хлебать 141
заговаривать зубы 226–227
заморить червячка 63
звездный час 158
зло не так большой руки 114
золотой век 93, 94
знать такое слово 223
из кулька в рогожку 158
Исполнение желаний! 204
испустить дух 207
к обеду 65
как аршин проглотил 134
как в воду глядел 232, 235, 242
как заведенная машина 54, 55
как заведенные часы 54, 56
как заведенный 53–55
как молодой месяц 82
как рукой сняло 229
как ясный месяц 82
кануть в Лету 169
ковчег спасения 172, 174
коломенская верста 142, 145
Колумбово яйцо 191, 196
короче воробьиного носа 119
косая сажень 136–138
косая сажень в плечах 138
красный петух 33
кругла лицом как глупая луна 82
кусочек с коровий носочек
(роточек) 118
лезть на рожон 157
лететь как стрела 112
лететь стрелой 112

лить колокола 158
лихая година 20
лихая смертная година 48
ложиться с петухами 34
лыка не вяжет 158
мальчик с пальчик 118
мели, Емеля, твоя неделя 77, 79
мелким бесом рассыпаться 112
Мелок брод по самый рот 120
мерить на свой аршин 4, 134
мерить на свою мерку 134
метр с кепкой 154
минута в минуту 91
минута молчания 91
много воды утекло 4, 41–43
можно камнем добросить 99
молоть вздор 79
молоть челуху 79
молоть чуть 79
молоть языком 79
морочить голову 228
мужичок с ноготок 116, 133
на всех парах 174, 177
на волосок 116
на выстрел 103
на глазах 116
На каждый чих не наздравству-
ешься! 207
на коровий рык 105
на носу 116
на перелет стрелы 104
на пушечный выстрел 103–105
на расстоянии пушечного
выстрела 103
на свой аршин 97
на свой копыл 134
на свой лад 134
на свою колодку 134
на семи ветрах 174
на скорую руку 158
на шаг 108
наострить слух 157
нашел счастливый (благой) час на
кого-л. 28
не в добрый час 28
не в своей тарелке 47
не выносить сор из избы 228
не лыком шит 158

не отдать (не уступить) ни пяди земли 131
не подпускать (не допускать) на пушечный выстрел к кому-л., чему-л. 104
не отступить (не отойти) ни на пядь 131
не подходить (не подъезжать) к кому-, чему-л. на пушечный выстрел 104
не продвинуться ни на шаг 108
не ровён час 30
не успел и глазом моргнуть 89
недобрый час 25, 48
нести трудовую вахту 185, 187
нестись на всех парусах 176
ни дна тебе, ни покрышки 222
ни пуха, ни пера 26, 157
ни шагу назад! 108
Никто от своего рока не уйдет 20
Ноев ковчег 171–173
нос по ветру держать 163–164
ободрать как липку 158
один как верста в поле 4, 145
один как ясный месяц 82
один шаг от чего-л. 108
одним махом 108
оказаться за бортом 174
от горшка два вершка 128, 129
отводить глаза 228
отдать концы 175
отдать швартовы 175
открыть Америку 191, 192, 198
отличаться друг от друга как день и ночь 69
отправлять вахту 187
первое апреля 84, 85
первые (вторые, третьи) петухи пропели 34
плевать в потолок 212
Плевать я на тебя хотел! 210
плюнуть в лицо 210
плюнуть и растереть 212
Пению время и молитве час 15, 17
плыть по течению 174
плыть против течения 174
по горло 119, 120, 123
по горячим следам 157

по колено 116, 119, 120
по пояс 119
по самую макушку 119
по уши 116
по шею 119
по щиколотки 119
под боком 116
под носом 116
под руками 113
под рукой 113, 130
под флагом чего-л. 175
подложить мину 175
поднять на щит 158
полтора метра с келкой 155, 156
Понедельник — тяжелый день 70–72
попал как кур во щи 34
попасть впросак 158
поприще жизни 141
после дождичка в четверг 76
после обеда 65, 66
поставить заслон 158
пробил час 48
пробили четыре склянки 47
пробитый час 49
проводить время зря 10
проморгнуть не успеешь 89
просидеть до петухов 34
прост как Колумбово яйцо 4, 196, 198
проходить красной нитью 183
проще пареной репы 198
пускать на самотек 174
пустить красного петуха 33
Пьяному море по колено 120
пядь за пядью 131
работать как лошадь 62
работать (идти) как часы 31, 53
раз плюнуть 212
растрачивать время попусту 10
Рок головы ищет 20
роковая ошибка 20
роковая случайность 20
роковое время 20
роковой час 20
ростом в косую сажень 138
ростом с версту 144
рукой не достанешь 110, 112
рукой подать 99, 110–113
рынду бей 47

с бзиком (с бзыком) 214
с булавочную головку 118
с верхом 150
с гаком 4, 127, 142, 145–151, 155
с головой 116
с головы до ног 119
с гулькин нос 118
с избытком 150
с коломенскую версту 142, 144
с легким паром! 26
с лишком 150
с мизинец 116, 118
с мухой 214
с ноготок 116–118, 133
с одного маху 108
с руку 118
с хвостиком 150
сам с ноготок 116, 117
сам с ноготок, борода с локоток [а
усы семь четвертей] 116
сбиваться с курса 175
Свят! Свят! 223
седьмая вода на киселе 131
седьмая склянка на исходе 47
Семеро одного не ждут 131
семи пядей во лбу 131
семь вёрст до небес, и всё лесом 141
семь пятниц на неделе 75, 76, 131
Семь раз отмерь — один отрежь 131
сердце бьется как часы 53
средней руки 114
сесть на мель 175
сжигать корабли 189–191
сию минуту 91
сиять как полная луна 82
Сказано — сделано 222
склянки бьют 44, 47
Сколько лет, сколько зим! 57
сколько хватает глаз 116
слава богу 27
словно подменили кого-л. 214
смотреть бирюком 112
солнуть в дугу 157
солнце взошло 35
солнце зашло 35
стих нашел 214, 216
столы ножные 151
столы человеческие 151

стоять верстой 144
стоять на (трудоной) вахте 187
стоять на часах 32, 36, 158
стоять у кормила правления 182
стоять у руля 175, 182
ступени человеческие 151
сутки напролёт 67
Типун тебе на язык! 218–221
тихой сапой 158
толстой руки 114
только моргнуть — все сделаю 89
торговой руки 114
тратить время впустую 10
Тьфу, дьявольщина! 209
Тьфу ты, прах побери! 209
Тьфу ты, пропасть! 209–210
Тьфу, ты, чёрт возьми! 209
Тьфу! Тьфу! 208–212, 223
Тьфу-тьфу, чтоб не сглазить! 27, 208
тютелька в тютельку 97
тяжелый день 70–72
тянуть время 10
тянуть канитель 158
убивать время 10
убить бобра 157
у кормила власти 175
у руля государства 182
хоть зарежь 122
хоть плюй в глаза — и то божья
роса 211
целые сутки 67
Час на час не приходится 48
Часы для красы, а время — по
солнцу 38
через минутку 91
через пень колоду 158
чёрный как ночь 69
Чтоб тебя перевернуло и
шлёпнуло! 222
Чтоб ты провалился! 222
чудеса в решете 235, 242
Чудеса в решете: дыр много, а
выскочить (вылезти) некуда 242
шестом не достать 110
широкой руки 114
шутка сказать 112
ясно как [белый] день 69

ССЫЛКИ

- Цыганенко Г.П. Этимологический словарь русского языка. Киев, 1970. С. 104.
- Доминанты такой специализации в лексике продемонстрированы в увлекательной книге Колесова В.В. История русского языка в рассказах. 2-е изд. — М.: «Просвещение», 1982. — С. 49–53.
- Собрание писем царя Алексея Михайловича с приложением Уложения сокольничья пути... М., 1856. С. 92.
- Собрание писем царя Алексея Михайловича с приложением Уложения сокольничья пути... С. 96.
- Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить читателя этой книги, скатеринбургского филолога В. И. Томашпольского, обратившего внимание на этимологическую интерпретацию французских слов.
- ⁶ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1979. Т. 2. С. 721.
- Ермаков Н. Я. Пословицы русского народа. СПб., 1894. С. 27.
- ⁸ Шанский И. М., Зимин В. И., Филиппов А. В. Опыт этимологического словаря русской фразологии. М., 1987. С. 80.
- ⁹ См.: Наумов О. М. А склянки продолжают бить // Русская речь. 1986. №1. С. 150–152.
- ¹⁰ Шанский И. М. В мире слов. М., 1971. С. 170.
- ¹¹ Успенский Б. А. К символике времени у славян: «чистые» и «нечистые» дни недели // *Finitis duodecim lustris*: Сб. статей к 60-летию проф. Лотмана Ю. М. Таллинн, 1982. С. 71.
- ¹² См. Толстая С. М. К соотношению христианского и народного календаря у славян: счет и оценка дней недели // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987. С. 168.
- ¹³ Подробнее об истории слов и выражений, связанных с наименованиями дней недели, см.: Мокиенко В. М. Образы русской речи. Л., 1986. С. 154–165.
- ¹⁴ Михельсон М. М. Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразологии: В 2 т. СПб., 1902. Т. 1. С. 48; см. также: Лепешау Г. Я. Этымалагічны слоўнік фразалагізмаў. Мінск, 1981. С. 21.
- ¹⁵ См.: Толстая С. М. К соотношению христианского и народного календаря у славян: счет и оценка дней недели. С. 162.
- ¹⁶ Интересующимся можно порекомендовать разбор древнерусских названий «братьев-месяцев» в книге В. В. Колесова «История русского языка в рассказах» (М., 1982. С. 40–46) и очерк о названиях месяцев в славянских языках Н. В. Ивашиной (Беларуская мова і літаратура ў школе. 1988. № 1. С. 50, 70).

- ¹⁷ Лихачев Д. С. Из наблюдений над лексикой «Слова о полку Игореве» // Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз. 1949. № 6. С. 553.
- ¹⁸ См.: Романова Г. Я. Наименование мер длины в русском языке. М., 1975.
- ¹⁹ Тиханов П. Н. Брянский говор: Заметки из области русской этнолингвистики // Сб. ОРЯС. 1904. Т. 76. № 4. С. 108.
- ²⁰ См.: Тиханов П. Н. Брянский говор: Заметки из области русской этнолингвистики. С. 109.
- ²¹ См.: Котков С. И. От линейной меры к качественной // Русская речь. 1985. № 5. С. 138–141.
- ²² См.: Вартаньян Э. Два рассказа о происхождении слов // Наука и жизнь. 1964. № 8. С. 103.
- ²³ См.: Иващенко Л. А. Очерки русской диалектной фразеологии. Л., 1981. С. 70–71.
- ²⁴ Панов М. В. И все-таки она хороша! Рассказ о русской орфографии, ее достоинствах и недостатках. М., 1964. С. 153.
- ²⁵ См.: Михельсон М. И. Русская мысль и речь: Своё и чужое: Опыт русской фразеологии. С. 252.
- ²⁶ Ларин Б. А. Лекции по истории русского литературного языка (X–середины XVIII в.). М., 1975. С. 260–261.
- ²⁷ См.: Романова Г. Я. К истории термина косая сажень // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. М., 1974. С. 237–238.
- ²⁸ Стадий обозначалось расстояние, пройденное за две минуты от момента, когда блеснет первый луч восходящего солнца и солнечный диск полностью подымется над горизонтом. Эта мера расстояния была принята у вавилонян, египтян, греков. У последних она звучала как стадион и обозначала не только меру длины, но и место состязаний. В Древней Руси это слово (стадия, стадий) впервые отмечено в рукописи 1220 г. в значении 'ристалище', 'площадь для конных и других состязаний'
- ²⁹ Буслев Ф. И. Русские пословицы и поговорки // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. М., 1854. Кн. 2. С. 143–144.
- ³⁰ См.: Етимологічний словник української мови. Київ. 1983. Т. I. С. 454.
- ³¹ Молчанова Л. А. Народная метрология (к истории народных мер длины). Минск, 1973. С. 63.
- ³² Дуров И. М. Опыт терминологического словаря рыболовного промысла Поморья. Соловки, 1929. С. 34.
- ³³ Романова Г. Я. Наименование мер длины в русском языке. С. 143.
- ³⁴ Там же. С. 142–143.
- ³⁵ См.: Ольшанский И. Г. С таким // Русский язык за рубежом. 1969. № 2. С. 127–128.

- ³⁶ Ср. также: Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1865. Т. 1. С. 580.
- ³⁷ См.: Богородский Б. Л. Без руля и без ветрил (к истории фразеологизма) // Русская историческая лексикология и лексикография. Л., 1977. Вып. 2. С. 153–165.
- ³⁸ См.: Богородский Б. Л. «У кормила правления» (из истории метафорического словосочетания) // Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, кафедра русской литературы. Л., 1958. Т. 170. С. 283–301.
- ³⁹ Этимологический словарь русского языка. М., 1968. Т. 1. Вып. 3. С. 28.
- ⁴⁰ Словарь русского языка XVIII века. Л., 1985. Вып. 2. С. 222.
- ⁴¹ См.: Мокисенко В. М. Образы русской речи. С. 130–199.
- ⁴² См.: Михельсон М. И. Русская мысль и речь: Своё и чужое: Опыт русской фразеологии. С. 77.
- ⁴³ См.: Островский В. Тыфу, тыфу, чтоб не сглазить! М., 1969. С. 13–14.
- ⁴⁴ См.: Кулишич Ш., Петровић П. Ж., Пантелић Н. Српски митолошки речник. Београд, 1970. С. 291–292.
- ⁴⁵ См.: Виноградов В. В. О серии выражений: муху зашибить, муху задавить, муху раздавить, муху убить, с мухой, под мухой // Русская речь. 1968. № 1. С. 83–90.
- ⁴⁶ Елеонская Е. Заговор и колдовство на Руси в XVII и XVIII столетиях Ц Русский Архив. 1912. № 4. С. 622.
- ⁴⁷ См.: Виноградов В. В. Историко-этимологические заметки // Этимология. 1968. М. 1971. С. 164–167.
- ⁴⁸ Шанский Н. М., Зимин В. И., Филиппов А. В. Краткий этимологический словарь русской фразеологии // Русский язык в школе. 1980. № 2. С. 64.
- ⁴⁹ Бэкон Фрэнсис. Новая Атлантида: Опытты и наставления нравственные и политические. М., 1962. С. 135.
- ⁵⁰ Ушаков Д. Н. Материалы по народным верованиям великорусов // Этнографическое обозрение. 1897. № 2–3. С. 182.
Шейн П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. СПб., 1893. Т. 2. С. 541.
Шанский Н. М., Зимин В. И., Филиппов А. Я. Краткий этимологический словарь русской фразеологии // Русский язык в школе. 1979. № 3. С. 69.
- ⁵¹ См.: Виноградова Л. Н. Девичьи гадания о замужестве в цикле славянской календарной обрядности (западно-восточнославянские параллели) // Славянский и балканский фольклор: Обряд, текст. М., 1981. С. 13–43.
- ⁵² Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание: Избранные работы. М., 1977. С. 140.

ОГЛАВЛЕНИЕ

К читателю.....	3
Глава 1. ВРЕМЕНА МЕНЯЮТСЯ, И СЛОВА МЕНЯЮТСЯ В НИХ.....	6
I Времена, часы, години.....	6
Всепожирающий Хронос и хронофаги.....	6
Сколько было «времен» у праславян?.....	11
Дельное время и потешный час.....	14
Счастливая пора и роковая година.....	17
Добрые часы и злые времена.....	24
II От первых петухов до битого часа.....	31
До курь дорискаше Тмутороканя.....	31
Часы для красоты, а время — по солнцу.....	35
Утечка времени и вода в клепсидрах.....	39
Битые склянки и пробитые часы.....	44
Как часы.....	49
Как заведенные часы или как заведенная машина?.....	53
III Свет — тьма.....	56
Сколько зим или сколько лет?.....	56
От белой зари до черного темна.....	59
Уповоды, упруги, выти и червячки.....	62
Солнце на завтраках и обедах.....	64
Денное дневание и ночное ночевание.....	66
Черные дни и голубые понедельники.....	69
Мужские четверги и женские пятницы.....	73
IV Недели, месяцы, мгновенья.....	76
Безгодная неделя и мельник Емеля.....	77
Ясный месяц и круглая луна.....	80
С Первым апреля!.....	84
От мгновения век до золотого века.....	88
Время и Безвременье.....	94
Глава 2. ЕСТЬ МЕРА В ВЕЩАХ.....	96
I Чем измерить пространство?.....	96
От верженья камня до пушечного выстрела.....	98
От собачьей рыси до мерного шага.....	105

Рукоподатье и жизнь на толстую ногу	109
Мужичок с ноготок и гулькина душа	116
По колено, до зубов и до зарезу	119
II От вершка до поприща	124
Два вершка от горшка и один — от смерти	128
Родная пядь и свой аршин	130
Тмutorокань и косая сажень	136
Версты полосаты и жизненное поприще	139
III От гака до метра	145
Что меряли гаком?	145
Метры вместо гаков	151
Метр с кепкой и аршин с шапкой	154
Глава 3. НА ВСЕХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ	
ПАРУСАХ	157
Паруса вдохновения и комарабли	159
Какой нос надо держать по ветру?	163
Навская навигация, летаргическое плавание и Ноев ковчег	165
Паруса, пары и ветрила	174
Кормило и красная нить	181
Трудовая вахта и сожженные корабли	185
Кто же открыл Америку?	191
Глава 4. СЛОВО БЫЛО В КОНЦЕ	199
Здравствование на каждый чих	203
ТЬфу-тьфу, чтоб не сглазить!	208
Сглазы, урёки и стихи	212
Типун на языке, сип в кадыке и прыщ на носу	217
Слово, вещь и абракадабра	221
Заговор зубов, отвод глаз и снятие рукой	225
Глядение воды и выведение на чистую воду	230
Чудеса в решетке и всякая леканомандия	235
Указатель основных фразеологических	
единиц русского языка	247
Ссылки	251

Научно-популярное издание

МОКИЕНКО Валерий Михайлович

Загадки русской фразеологии

Редактор *К. Б. Васильев*

Верстка и дизайн обложки *М. К. Васильев*

Корректор *М. В. Гаврил*

Издательство «Авалон».
190005, Санкт-Петербург
e-mail: avalon@pv7874.spb.edu

Издательство «Азбука-классика».
196105, Санкт-Петербург, а/я 192.

Подписано в печать 12.06.2005. Формат 76×100^{1/32}.

Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 8. Тираж 5000 экз. Заказ № 2276.

Отпечатано с диапозитивов
в ФГУП «Печатный двор» им. А. М. Горького
Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

В. М. Мокшенико

Загадки русской фразеологии

